

ДЖАННИ РОДАРИ

КАЗКИ

ПЕЛЕРОНЪ

ДЖЕАННИ РОДАРИ
СКАЗКИ

ТЕЛЕФОНУ

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ» 1984

P60
84.34

Художник
В. А. Каневский

P **4803020000—005** **70—84**
М127(03)—84

© «Карелия», 1984,
состав, иллюстрации

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой Джельсомино забивает гол,
а потом начинается самое интересное*

Эту историю Джельсомино рассказал мне сам. И я чуть было не оглох, пока дослушал её до конца, хотя и набил себе в уши с полкило ваты. Дело в том, что у Джельсомино невероятно оглушительный голос. Даже когда он говорит шёпотом, его слышат пассажиры реактивных самолётов, летящих на высоте десять тысяч метров над уровнем моря и над его головой.

Теперь Джельсомино уже знаменитый певец. Его знают повсюду — от Северного полюса до Южного! Он придумал себе громкое и пышное имя, но его даже не стоит упоминать здесь, потому что вы, конечно, сто раз встречали его в газетах. А в детстве его звали Джельсомино. Пусть же под этим именем он и действует в нашей истории.

Так вот, жил да был однажды самый обыкновенный мальчик, быть может, ростом даже поменьше других ребят. Но едва он появился на свет, как всем стало ясно, что природа наделила его совершенно необыкновенным голосом.

Джельсомино родился в глухую ночную пору, и люди в селении тотчас повскакали с постелей, вообразив, что слышат заводские гудки, зовущие на работу. Но это был всего-навсего крик Джельсомино, который пробовал голос, как это делают все только что появившиеся на свет дети. К счастью, Джельсомино быстро научился спать с вечера до утра, как и подобает всем порядочным людям, кроме газетных репортёров и ночных сторожей. Его первый крик раздавался ровно в семь часов утра, как раз в ту минуту, когда людям надо было

вставать, чтобы идти на работу. Заводские гудки стали теперь ненужными, и их скоро выбросили на свалку.

Когда Джельсомино исполнилось шесть лет, он пошёл в школу. Учитель начал переключку и вскоре дошёл до буквы «Д».

— Джельсомино!— произнёс он.

— Здесь!— радостно ответил новичок.

И вдруг раздался грохот — классная доска разлетелась на куски и превратилась в груды обломков.

— Кто разбил доску?— строго спросил учитель и взялся за указку.

Все молчали.

— Что ж, повторим переключку,— сказал учитель.

Он снова начал с буквы «А».

— Это ты бросил камень?— спрашивал он каждого ученика.

— Не я... Не я...— испуганно отвечали мальчики.

Когда учитель снова дошёл до буквы «Д», Джельсомино встал и тоже вполне искренне сказал:

— Не я, синьор...

Но он не успел сказать «учитель»— оконные стёкла последовали примеру доски. На этот раз учитель внимательно следил за классом и мог поручиться, что ни у кого из его сорока учеников не было в руках рогатки.

«Наверное, это напроказил кто-нибудь на улице,— решил он,— какой-нибудь сорванец, который, вместо того чтобы сидеть в классе, шатается с рогаткой и разоряет птичьи гнёзда. Вот доберусь до него, возьму за ухо и отведу в полицию».

В то утро всё на этом и кончилось. Но на следующий день учитель снова стал делать переключку и снова дошёл до имени Джельсомино.

— Здесь!— ответил наш герой и гордо осмотрелся, в восторге оттого, что он снова в школе.

«Трах-тарарах-цвяк-цвяк-цвяк!»— сразу же ответило ему окно. Стёкла, которые служитель вставил всего полчаса назад, посыпались во двор.

— Странное дело,— заметил учитель,— стоит дойти до твоего имени, как начинаются несчастья. А, всё понятно, мой мальчик! У тебя слишком громкий голос! Когда ты кричишь, получается что-то вроде урагана. Так что, если ты не хочешь разорить школу и наше село, тебе придётся отныне разговаривать только шёпотом. Договорились?

Джельсомино, покраснев от стыда и смущения, попробовал возразить:

— Но, синьор учитель, это же не я!

«Трах-бах-тарарах!»— отозвалась новая классная доска, которую служитель только что принёс из магазина.

— А вот тебе и доказательство!— заключил учитель. Но увидев, что по щекам Джельсомино текут крупные слёзы, он подошёл к мальчику и ласково погладил его по голове:— Послушай меня хорошенько, сынок. Твой голос может принести тебе либо множество бед, либо великое счастье. А пока старайся как можно реже пользоваться им. За хорошее молчание ещё никого не бранили. Всем известно, что слово — серебро, а молчание — золото.

С этого дня для Джельсомино начались адские мучения. В школе, чтобы не натворить новых бед, он сидел, зажав рот платком. Но всё равно его голос так гремел, что остальным школьникам приходилось затыкать себе уши пальцами. Учитель старался вызывать его как можно реже. Но учился Джельсомино отменно, и учитель был уверен, что все уроки он знает назубок.

Ну а дома, когда Джельсомино, рассказывая о своих школьных подвигах, вдребезги разбил дюжину стаканов, ему тоже строго-настро-го запретили открывать рот.

Чтобы отвести душу, Джельсомино уходил куда-нибудь подальше от селения — в лес, в поле или на берег озера. Убедившись, что он один и поблизости нет застеклённых окон, Джельсомино ложился ничком на землю и начинал петь. Через несколько минут земля словно оживала: кроты, муравьи, гусеницы — в общем, все живущие под землёй звери и насекомые разбежались кто куда, думая, что началось землетрясение.

Только один-единственный раз Джельсомино позабыл про осторожность. Дело было в воскресенье, и на стадионе шла решающая футбольная встреча.

Джельсомино не был заядлым болельщиком, но игра мало-помалу захватила и его. И вот настал момент, когда местная команда, подгоняемая неистовыми криками своих болельщиков, бросилась в атаку. (Сам-то я не очень понимаю, что это такое — броситься в атаку, потому что плохо разбираюсь в футболе. Я рассказываю всё это со слов Джельсомино. Но если вы читаете спортивные газеты, то уж, конечно, поймёте, в чём тут дело.)

— Давай! Давай!— орали болельщики.

— Давай!— крикнул во весь голос и Джельсомино.

Как раз в эту минуту правый крайний послал мяч центральному нападающему. Но мяч, поднявшись на глазах у всех в воздух, вдруг на полдороге свернул в сторону и, гонимый какой-то неведомой силой, влетел прямо в ворота противника.

— Гол!— взорвались зрители.

— Вот это удар!— воскликнул кто-то.— Видели, как тонко он был рассчитан? До одного миллиметра! У этого парня золотые ноги!

Но Джельсомино, придя в себя, понял, что допустил оплошность.

«Так и есть,— подумал он,— я забил этот гол своим голосом. Нужно будет взять себя в руки, а то спорту придёт конец. И пожалуй,

надо, чтоб было справедливо,— забью-ка я гол и в другие ворота. Тогда всё встанет на свои места!».

Во втором тайме и в самом деле представился подходящий случай. Когда команда противника перешла в нападение, Джельсомино снова закричал: «Давай!»— и загнал мяч в ворота своей команды. Можете себе представить, как обливалось кровью его сердце! Даже через много лет, рассказывая мне об этом случае, Джельсомино сказал:

— Я бы дал отрубить себе палец, лишь бы не забивать этого гола! Но не забить его я не мог. Иначе было бы несправедливо.

— А ведь на твоём месте кто угодно подыграл бы своей любимой команде,— заметил я.

Кто угодно, но только не Джельсомино! Он был честен и правдив, как прозрачная родниковая вода. Таким он и рос, и скоро из мальчика стал юношей. Правда, роста он был скорее низкого, чем высокого, а сложения скорее щуплого, чем крепкого. Так что имя его — Джельсомино, что означает «маленький жасмин»,— очень подходило ему. Будь у него имя потяжелее, он, пожалуй, нажил бы себе горб, нося его.

Когда Джельсомино подрос, он оставил школу и стал заниматься крестьянским трудом. Наверное, он так бы и прожил всю жизнь, и мне не пришлось бы рассказывать о нём, не попади он в одну неприятную историю, о которой вы сейчас и узнаете.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

*прочитав которую вы поймёте,
что если от вашего голоса падают груши,
то лучше скрывать это от соседей*

Однажды утром Джельсомино вышел в сад и увидел, что груши уже спели. Ведь груши — они такие: никому ни гугу, а сами зреют да спеют. И в одно прекрасное утро вы видите вдруг, что они совсем уже спели и пора их снимать.

«Жаль, что я не захватил лестницу,— подумал Джельсомино.— Придётся пойти за нею домой. А заодно уж захвачу и жердь, чтобы сбивать груши с самых высоких веток».

Но в эту самую минуту ему пришла озорная мысль. «А если попробовать голосом?»— подумал он.

Он встал под грушевым деревом и не то в шутку, не то всерьёз крикнул:

— А ну-ка, груши, падайте вниз!

«Пата-пум, пата-пум!»— ответили ему груши и дождём посыпались на землю.

Джельсомино подошёл к другому дереву и проделал то же самое. И каждый раз, когда он кричал «Падайте!», груши, словно только того и ждали, срывались с веток и шлёпались на землю. Джельсомино очень обрадовался этому.

«Я не затратил на это никакого труда,— подумал он.— Жаль, раньше не догадался, что голос может заменить и жердь, и лестницу!»

Пока Джельсомино собирал свои груши, его заметил крестьянин, работавший на соседнем огороде. Он протёр глаза, ущипнул себя за нос, взглянул ещё раз и, когда окончательно убедился, что не спит, сразу же со всех ног побежал за своей женой.

— Иди-ка посмотри,— сказал он, дрожа от страха.— Я думаю, наш сосед — злой колдун!

Жена взглянула на Джельсомино, упала на колени и воскликнула:

— Да что ты! Это же добрый волшебник!

— А я говорю тебе, что колдун!

— А я тебе говорю, что добрый волшебник!

До этого дня муж и жена жили довольно мирно. Теперь же один схватился за лопату, другая — за мотыгу, и оба приготвоились защищать свое мнение с оружием в руках. Но тут крестьянин предложил:

— Давай позовём соседей. Пусть они тоже посмотрят, и послушаем, что они скажут!

Эта мысль понравилась женщине: ведь, созвав соседей, можно и поболтать с кумушками. Она бросила мотыгу.

Ещё до наступления вечера всё селение знало о случившемся. Мнения разделились: одни утверждали, что Джельсомино добрый волшебник, другие — что он злой колдун. Споры разгорались и росли, словно волны на море, когда поднимается сильный ветер. Вспыхнули ссоры, и кое-кто даже пострадал. К счастью, легко. Так, например, один крестьянин обжёгся трубкой, потому что, увлѣкшись спором, сунул её в рот не тем концом. Полицейские не могли решить, кто прав, кто виноват, и поэтому никого не арестовывали, а только переходили от одной группы к другой и просили всех разойтись.

Самые упрямые спорщики направились к саду Джельсомино. Одни хотели прихватить что-нибудь на память, потому что считали эту землю волшебной, а другие шли, чтобы стереть домик Джельсомино с лица земли, потому что считали его заколдованным. Джельсомино, увидев толпу, решил, что вспыхнул пожар, и схватил ведро, чтобы помочь заливать огонь. Но люди остановились у его двери, и Джельсомино услышал, что речь идёт о нём.

— Вот он, вот он! Добрый волшебник!

— Какой там волшебник! Это злой колдун. Видите, у него в руках заколдованное ведро!

— Давайте отойдём подальше! Ещё плеснёт на нас этой штукой — пропадём ни за грош!

— Какой штукой?

— Вы что, ослепли? В этом ведре смола! Прямохонько из ада! Попадёт на тело хоть капля — насквозь прожжёт. И ни один врач потом не залечит!

— Да нет же, он святой, святой!

— Мы видели, Джельсомино, как ты приказывал грушам поспевать, и они поспевали, приказывал падать, и они падали...

— Вы с ума сошли, что ли? — воскликнул Джельсомино. — Это же всё из-за моего голоса! Когда я кричу, воздух беснуется, как в бурю...

— Да, да, мы знаем! — закричала какая-то женщина. — Ты творишь чудеса своим голосом.

— Это не чудеса! Это колдовство!

Джельсомино в сердцах швырнул на землю ведро, скрылся в доме и заперся на крюк.

«Ну вот и кончилась спокойная жизнь, — подумал он. — Теперь нельзя будет и шагу ступить, так и будут ходить за мной следом. По вечерам только и разговоров будет что обо мне. Моим именем начнут пугать непослушных ребятишек. Нет, лучше, пожалуй, уйти куда-нибудь отсюда. Да и что мне делать в этом селении? Мать с отцом умерли, друзья погибли на войне. Пойду-ка я по свету да попробую добыть счастье своим голосом. Говорят, есть люди, которым даже платят за их пение. Это очень странно — получать деньги за то, что доставляет такое удовольствие. Но всё же за пение платят. Кто знает, быть может, и мне удастся стать певцом?»

Приняв такое решение, он сложил свои скудные пожитки в заплечный мешок и вышел на улицу. Толпа зашумела и расступилась перед ним. Джельсомино не взглянул ни на кого. Он смотрел прямо перед собой и молчал. Но, отойдя подальше, обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на свой дом.

Толпа всё ещё не расходилась. Люди указывали на него пальцами, словно он был привидением.

«Подшучу-ка я над ними на прощанье», — подумал Джельсомино и, вздохнув поглубже, заорал что было мочи:

— До свиданья!

В ту же минуту порывом ветра у мужчин сорвало шляпы, а старушки бросились вдогонку за своими париками, прикрывая руками голые, как яичко, головы.

— Прощайте-е, прощайте-е-е! — повторил Джельсомино, от души смеясь над первой в своей жизни озорной проделкой.

Шапки и парики взвились, словно стайка перелётных птиц, к облакам и вскоре скрылись из виду. Потом стало известно, что они улетели за много километров, а некоторые из них даже за границу.

Через несколько дней Джельсомино тоже пересёк границу и попал в самую необыкновенную страну, какая только может быть на свете.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой вы узнаете, откуда взялся Цоппино

Первое, что увидел Джельсомино, попав в эту незнакомую страну, была блестящая серебряная монета. Она лежала на мостовой, недалеко от тротуара, на самом виду.

«Странно, что никто не подобрал её,— подумал Джельсомино.— Я-то уж, конечно, не пройду мимо. Мои деньги кончились ещё вчера, а сегодня у меня во рту не было еще и маковой росинки».

Он подошёл к кучке людей, которые наблюдали за ним и о чём-то шептались, и показал им монету.

— Не вы ли, синьоры, потеряли эту монетку?— спросил он шёпотом, чтобы никого не напугать своим голосом.

— Проваливай,— ответили ему,— да спрячь её подальше, если не хочешь нажать неприятностей!

— Извините, пожалуйста,— смущённо пробормотал Джельсомино и, не задавая лишних вопросов, направился к магазину с многообещающей вывеской «Съестные припасы».

В витрине вместо колбас и банок с вареньем громоздились горы тетрадей, коробки акварельных красок и пузырьки с чернилами.

«Должно быть, это универмаг, и здесь можно купить что хочешь»,— решил Джельсомино и, полный надежд, вошёл в магазин.

— Добрый вечер!— любезно приветствовал его хозяин.

«По правде говоря,— мелькнуло в голове Джельсомино,— я не слышал, чтобы пробило хотя бы полдень. Ну да ладно, не стоит обращать внимания на такие пустяки».

И, говоря своим обычным шёпотом, от которого люди всё-таки едва не глохли, он осведомился:

— Не могу ли я купить у вас хлеба?

— Разумеется, дорогой синьор. Вам сколько — один пузырёк или два? Красного или фиолетового?

— Нет, нет, только не фиолетового!— испугался Джельсомино.— И потом, вы в самом деле продаёте его бутылками?

Хозяин магазина расхохотался:

— А как же его ещё продавать? Может быть, у вас его ломтями ржут? Да вы только взгляните, какой прекрасный хлеб в моём магазине!

И, говоря это, он показал на полки, где ровными шеренгами выстроились сотни пузырьков с чернилами самых разных цветов. А съедобного там не было и в помине — ни крошки сыра, ни даже яблочной кожуры.

«Может быть, он сошёл с ума?— подумал Джельсомино.— Если так, то лучше не перечить ему».

— Это верно, у вас великолепный хлеб,— согласился он, по-

казывая на пузырёк с красными чернилами. Уж очень ему хотелось услышать, что скажет хозяин.

— В самом деле?— просиял тот.— Это самый лучший зелёный хлеб, который когда-либо поступал в продажу.

— Зелёный?

— Ну конечно. Простите, может быть, вы плохо видите?

Джельсомино готов был поклясться, что перед ним пузырёк с красными чернилами. Он уже придумывал подходящий предлог, чтобы убраться отсюда подобра-поздорову и поискать другого продавца, который еще не успел спятить с ума, как вдруг его осенила хорошая мысль.

— Послушайте,— сказал он,— за хлебом я зайду попозже. А сейчас скажите мне, если вас не затруднит, где тут можно купить хороших чернил?

— О, пожалуйста!— ответил хозяин всё с той же любезной улыбкой.— Вон там, перейдя через дорогу, вы найдёте самый лучший в нашем городе канцелярский магазин.

В витринах этого магазина были выставлены аппетитные караваи хлеба, пирожные, макароны, лежали горы сыров и образовались целые заросли колбас и сосисок.

«Я так и думал,— решил Джельсомино,— тот продавец не в своём уме, оттого он и называет чернила хлебом, а хлеб чернилами. Этот магазин мне нравится гораздо больше».

Он вошёл в магазин и попросил взвесить ему полкило хлеба.

— Хлеба?— удивился продавец.— Вы, наверное, ошиблись. Хлебом торгуют в магазине напротив, а мы продаём только канцелярские товары.— И широким жестом он указал на съестные припасы.

«Теперь я понял,— сообразил Джельсомино,— в этой стране всё называется наоборот! И если назовёшь хлеб хлебом, тебя никто не поймёт».

— Свешайте мне, пожалуйста, полкило чернил,— сказал он продавцу.

Тот отвесил полкило хлеба, завернул покупку по всем правилам в бумагу и протянул Джельсомино.

— И немножко вот этого,— добавил Джельсомино и показал на круг швейцарского сыра, не решаясь назвать его.

— Синьору угодно немного ластика?— подхватил продавец.— Сю минуту!

Он отрезал добрый кусок сыра, взвесил его и завернул в бумагу.

Джельсомино облегчённо вздохнул и бросил на прилавок серебряную монету.

Продавец взглянул на неё, взял в руки и стал внимательно рассматривать, затем раза два бросил на прилавок, послушал, как она звенит, посмотрел на неё через увеличительное стекло и даже

попробовал на зуб. Наконец он вернул её Джельсомино и ледяным тоном произнёс:

— Мне очень жаль, молодой человек, но ваша монета настоящая.

— Вот и хорошо!— обрадовался Джельсомино.

— Как бы не так! Повторяю вам: ваша монета настоящая, и я не могу её принять. Давайте сюда ваши покупки и идите своей дорогой. Ваше счастье, что мне лень идти на улицу и звать полицию. Разве вы не знаете, что полагается за хранение нефальшивых монет? Тюрма.

— Да ведь я...

— Не кричите, я не глухой! Идите же, идите... Принесите мне фальшивую монету, и покупки — ваши. Видите, я даже не разворачиваю пакеты. Только отложу их в сторону, хорошо? Добрый вечер...

Чтобы не закричать, Джельсомино засунул в рот кулак. И пока он шёл от прилавка к двери, между ним и его голосом происходил такой разговор:

Г о л о с. Хочешь, я крикну «А-а!» и вдребезги разнесу его витрину.

Д ж е л ь с о м и н о. Пожалуйста, не делай глупостей. Ведь я только что попал в эту страну, у меня и так здесь ничего не ладится.

Г о л о с. Но мне нужно отвести душу, иначе быть беде. Ты же мой хозяин, так придумай что-нибудь!

Д ж е л ь с о м и н о. Потерпи, пока мы не выйдем из этой ужасной лавки. Не хочется разрушать её...

Г о л о с. Быстрее, я больше не могу! Вот... вот... сейчас заору... Ещё минута, и всё пропало...

Тут Джельсомино пустился бегом, свернул в тихую улочку, чуть пошире переулка, и быстро огляделся. Вокруг не было ни души. Тогда он вытащил кулак изо рта и, чтобы утихомирить бушевавшие в нём чувства, тихо, совсем негромко произнёс: «А-а!» В ту же минуту ближайший уличный фонарь развалился на куски, а сверху, с какого-то подоконника, свалился на мостовую цветочный горшок.

Джельсомино вздохнул:

— Когда у меня будут деньги, я пошлю их по почте городскому управлению, чтобы возместить стоимость фонаря, и подарю владельцу цветочного горшка новый, ещё лучше... Может быть, я разбил ещё что-нибудь?

— Нет, больше ничего,— ответил ему тоненький-тоненький голосок, и кто-то два раза кашлянул.

Джельсомино осмотрелся в поисках обладателя этого голоса и увидел котёнка, вернее, какое-то существо, которое издали можно было принять за котёнка. Подойдя поближе, Джельсомино понял, что не ошибся. Это и в самом деле был котёнок, только почему-то ярко-красного цвета и всего на трёх лапках. Но самое удивитель-

ное — он был плоский. Не толстый и пушистый, как нормальные котята, а совершенно плоский — всего лишь контур котёнка, вроде тех, что ребята рисуют на стенах.

— Как? Говорящий котёнок? — удивился Джельсомино.

— А что тут такого? Я ведь не совсем обыкновенный котёнок. Я ещё читать и писать умею! И это понятно: ведь мой папа — школьный мел!

— Кто-кто?

— Меня нарисовала на этой стене одна девочка, которая взяла в школе кусочек красного мела. Но она успела нарисовать только три лапки, а потом из-за угла показался полицейский, и девочке пришлось убежать. Так я и остался хромым. И потому решил сам себя назвать Цоппино, что значит «хромоножка». Кроме того, я немного кашляю, потому что стенка была довольно-таки сырая, а мне пришлось провести на ней всю зиму!

Джельсомино взглянул на стену. На ней остался отпечаток Цоппино, точно рисунок оторвали от стены вместе с тонким слоем штукатурки.

— А как же ты оттуда прыгнул? — удивился Джельсомино.

— Мне помог твой голос! — ответил Цоппино. — Крикни ты малость погромче, ты бы проломил стенку, и тогда пиши пропало. А сейчас я просто счастлив! Какое наслаждение гулять по свету, пусть даже на трёх ногах! У тебя, кстати, их только две, и ты ведь не жалуешься, правда?

— Вроде нет, — согласился Джельсомино. — Пожалуй, двух ног мне даже много. Будь у меня одна-единственная, сидел бы я сейчас дома.

— Однако ты не очень-то весел, как я погляжу, — заметил Цоппино. — Что с тобой стряслось?

Но только Джельсомино собрался рассказать о своих зловещих видениях, как на улице появился настоящий кот, на четырёх настоящих лапах. Правда, он был, по-видимому, чем-то чрезвычайно озабочен, потому что даже не взглянул на наших друзей.

— Мяу! — крикнул ему Цоппино. На кошачьем языке это значит «Привет!».

Кот остановился. Он казался удивлённым и даже возмущённым.

— Меня зовут Цоппино, а тебя как? — поинтересовался наш знакомый.

Настоящий кот некоторое время раздумывал, стоит отвечать или нет, потом неохотно промямлил:

— Меня зовут Тузик.

— Что он там говорит? — спросил Джельсомино, который, разумеется, не понимал по-кошачьи.

— Он говорит, что его зовут Тузик.

— Но ведь это же собачья кличка!

— Совершенно верно.

— Ничего не понимаю!— признался Джельсомино.— Сначала торговец хотел всучить мне чернила вместо хлеба, теперь появляется кот с собачьей кличкой...

— Дорогой мой, этот кот думает, что он собака,— объяснил Цоппино.— Вот послушай.

И, повернувшись к коту, он вежливо продолжил разговор на кошачьем языке:

— Мяу, Тузик!

— Гав, гав!— вне себя от возмущения ответил кот.— Постыдился бы: кот, а мяукаешь!

— Что подделаешь, я не умею врать, хоть я и нарисованный.

— Ты позоришь всё наше племя! Глаза бы мои на тебя не глядели!.. К тому же вот и дождь собирается, нужно бежать домой за зонтиком.— И он пошёл, то и дело оглядываясь и лая.

— Что он сказал?— спросил Джельсомино.

— Он сказал, что скоро пойдёт дождь.

Джельсомино взглянул на небо. Над крышами домов ослепительно сияло солнце, и даже в подзорную трубу на небе нельзя было отыскать ни одного облачка.

— Надеюсь, тут все грозы похожи на эту,— сказал он.— Я вижу, в этой стране всё наоборот, и у меня такое ощущение, будто и я сам стал ходить на голове.

— Дорогой Джельсомино, ты просто-напросто попал в Страну Лгунов. По законам этой страны здесь все обязаны лгать. И горе тому, кто говорит правду. Стоит произнести хоть одно правдивое слово, и на уплату штрафа уже не хватит собственной шкуры. За целую зиму, что я провёл на этой стене, я увидел немало интересного.

И Цоппино подробно описал Джельсомино Страну Лгунов.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ,

*в которой вы найдёте краткое, но весьма полное
описание Страны Лгунов*

— Да будет тебе известно,— начал Цоппино...

Но я немного сокращу рассказ котёнка, чтобы не отнимать у вас лишнего времени, и вы узнаете только самое главное.

Итак, задолго до того, как Джельсомино попал в эту страну, там появился хитрый и жестокий пират по прозвищу Джакомоне, что значит Большущий Джакомо. Он был до того огромен и толст, что носил своё тяжёлое имя безо всякого труда. Но был он уже немолод и потому стал подумывать о том, как бы поспокойнее провести старость.

«Молодость прошла, и бороздить моря мне уже надоело,— решил он.— Брошу-ка я своё старое ремесло да поселюсь на каком-нибудь острове. И уж, конечно, не один, а вместе со своими пиратами. Я произведу их в мажордомы, сделаю лакеями, конюхами и управляющими, и они не будут в обиде на своего атамана».

Сказано — сделано. И пират стал подыскивать подходящий остров. Но все они были слишком малы для него. А если остров устраивал самого Джакомоне, то не нравился кому-нибудь из его шайки. Одному пирату непременно нужна была быстрая река, чтобы ловить в ней форель, другой хотел, чтобы на острове был кинотеатр, третий не мог обойтись без банка, где можно было бы получать проценты с пиратских сбережений.

— А почему бы нам не поискать что-нибудь получше острова?— сказали пираты.

Дело кончилось тем, что они захватили целую страну с большим городом, в котором были и банки, и кинотеатры, и целый десяток речушек, где можно было удить форель и кататься по воскресеньям на лодке. И в этом нет ничего удивительного — то и дело случается, что какая-нибудь пиратская банда захватывает ту или иную маленькую страну.

Завладев государством, Джакомоне решил назвать себя королём Джакомоне Первым, а своим приближённым он присвоил титулы адмиралов, камергеров и начальников пожарных команд.

Разумеется, Джакомоне тут же издал приказ, которым повелевал именовать себя «ваше величество», а каждому, кто ослушается, отрезать язык. И чтобы никому не приходило в голову говорить о нём правду, он приказал своим министрам составить новый словарь.

— Нужно поменять местами все слова!— пояснил он.— Например, слово «пират» будет означать «честный человек». Если кто-нибудь назовёт меня пиратом, он попросту скажет на новом языке, что я честный малый!

— Клянёмся всеми китами, на глазах у которых мы шли на abordаж, шикарная мысль!— в восхищении воскликнули пираты-министры.— Прямо хоть вставляй её в рамку и вешай на стену!

— Значит, понятно?— продолжал Джакомоне.— Тогда пойдём дальше. Измените названия всех предметов, имена людей и животных. Для начала пусть люди вместо доброго утра желают друг другу спокойной ночи. Таким образом, мои верные подданные будут каждый свой день начинать со лжи. Ну и, само собой разумеется, ложась спать, надо будет пожелать друг другу приятного аппетита...

— Великолепно!— воскликнул один из министров.— Ведь для того, чтобы сказать кому-нибудь: «Как вы прекрасно выглядите!», нужно будет произнести: «До чего же у вас мерзкая рожа!»

Когда отпечатали новый словарь и обнародовали «Закон об обязательной лжи», началась невероятная путаница.

На первых порах люди то и дело ошибались. Они шли, например, за хлебом в булочную, забывая, что там теперь продают тетради и карандаши и что хлеб нужно покупать в магазине канцелярских товаров. Или же шёл человек гулять в городской парк, смотрел на цветы и радовался:

— Какие чудесные розы!

В ту же минуту из-за кустов выскакивал стражник короля Джакомоне, держа наготове наручники:

— Ай-ай-ай! Как это вы додумались назвать морковку розой? Вы нарушили главный закон страны!

— Прошу прощения,— растерянно бормотал несчастный и поспешно принимался расхваливать все остальные цветы.

— Какая восхитительная крапива!— говорил он, указывая на фиалки.

— Бросьте заговаривать мне зубы!.. Прощтрафились — так посидите немного в тюрьме, там вас научат лгать по всем правилам!

А что началось в школах — это и описать невозможно.

Джакомоне велел поменять местами все цифры в таблице умножения. Чтобы произвести умножение, надо было делить, чтобы складывать, надо было вычитать. Сами учителя не могли больше

решить ни одной задачи, и для всех лодырей наступило сущее раздолье: чем больше они делали ошибок, тем лучше получали отметку.

А сочинения? Можете себе представить, какие получались у ребят сочинения, если все слова перепутались! Вот, например, сочинение на тему «Летний день». Его написал ученик, которого потом наградили фальшивой золотой медалью.

«Вчера шёл дождь. Как приятно гулять под проливным дождём, который льёт, словно из ведра! Наконец-то люди смогут оставить дома свои плащи и зонтики и гулять без пиджаков! Я не люблю, когда светит солнце,— приходится сидеть дома, иначе промокнешь, и целую ночь напролёт приходится смотреть, как струи дождя заливают черепицы дверей».

Чтобы как следует оценить эту работу, надобно знать, что выражение «черепицы дверей» означало на новом языке «оконные стёкла».

Словом, вы уже поняли, о чём идёт речь. В Стране Лгунов даже животным пришлось научиться лгать — собаки мяукали, кошки лаяли, лошади мычали, а льва, что сидел в клетке в зоопарке, заставили пищать, потому что рычать теперь должны были мыши.

Только рыбам да птицам не было никакого дела до законов короля Джакомоне. Ведь рыбы и так всю жизнь молчат, и никто не может заставить их лгать, а птицы летают по воздуху, и королевской страже их не поймать. И птицы продолжали петь, как ни в чём не бывало, каждая своим голосом. Люди часто с грустью смотрели на них: «Счастливые! Их-то никто не может оштрафовать или посадить в тюрьму...»

Слушая рассказ котёнка, Джельсомино совсем пал духом. «Как же я стану жить в этой стране?— размышлял он.— Если я своим громким голосом нечаянно скажу правду, меня услышит сразу вся полиция короля Джакомоне. А голосу не прикажешь, того и гляди у меня не хватит сил сдерживать его...»

— Ну вот,— закончил свой рассказ Цоппино,— теперь ты всё знаешь. Давай поговорим о другом: я хочу есть.

— Я тоже... Только я чуть не забыл об этом.

— Голод — это единственное, о чём невозможно забыть. Голод не проходит со временем, наоборот — чем больше проходит времени, тем сильнее голод напоминает о себе. Но сейчас мы что-нибудь придумаем. Только сначала я хочу попрощаться с этой стенкой, которая так долго держала меня в плену.

И своей красной меловой лапкой он написал на самой середине того отпечатка, который оставил на стене:

МЯУ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА!

Раздобыть еду оказалось делом нелёгким. Всё время, пока они бродили по городу, Джельсомино смотрел в землю, надеясь набрести

на фальшивую монету. А Цоппино — тот, напротив, смотрел по сторонам, словно выискивая кого-то из знакомых.

— Вот она!— вдруг обрадовался он, указывая на старую женщину, которая торопливо шла по панели, сжимая в руке какой-то свёрток.

— Кто это?

— Тётушка Панноккья, покровительница котов. Каждый вечер она приносит кулёк объедков для бездомных кошек, которые собираются возле королевского парка.

Тётушка Панноккья (её можно было бы ещё назвать тётушка Кукуруза) была очень суровой на вид. Чуть не два метра ростом, длинная, тощая и прямая, как палка, она походила на тех старух, которые обычно метлой гоняют бездомных кошек. Но, по словам Цоппино, дело обстояло как раз наоборот.

Следуя за тётушкой Панноккьей, Джельсомино и его новый друг пришли на небольшую площадь, в глубине которой виднелась ограда парка, утыканная бутылочными осколками. Десяток тощих облезлых котов встретил старушку нестройным лаем.

— Вот дураки-то,— сказал Цоппино.— Смотри, какую я с ними сыграю шутку.

И едва тётушка Панноккья, развернув свой свёрток, выложила объедки на землю, Цоппино врзался в самую гущу котов и завопил что было мочи: «Мяу!»

Кот, который мяукает, а не лает! Для здешних котов это было слишком невероятно. Открыв рот от удивления, они так и замерли на месте, словно статуи. А Цоппино ухватил зубами две тресковые головы и селёдочный хвост, в два прыжка перемахнул через ограду парка и скрылся в кустах.

Джельсомино осмотрелся. Его тоже подмывало перебраться через ограду, и он, пожалуй, так бы и сделал, если б тётушка Панноккья не поглядывала на него подозрительно.

«Чего доброго, ещё поднимет тревогу»,— подумал Джельсомино и, сделав вид, будто он просто идёт своей дорогой, свернул на другую улицу.

Коты тем временем пришли в себя от изумления и теперь с лаем дёргали за подол тётушку Панноккью. Она, по правде говоря, была поражена ещё больше, чем коты. Потом тётушка вздохнула, раздала котам оставшиеся объедки, бросила последний взгляд на ограду, за которой скрылся Цоппино, и отправилась домой.

А Джельсомино, едва завернул за угол, сразу же нашёл долгожданную фальшивую монету. Он купил себе хлеба и сыру, или, как говорили в тех краях, «пузырёк чернил и ломоть ластика».

Быстро спускалась ночь. Джельсомино очень устал, и ему хотелось спать. Увидев поблизости какую-то незапертую дверь, он проскользнул в неё, попал в какой-то сарай и тут же заснул крепким сном на куче угля.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

*в которой Цоппино случайно узнаёт тайну
короля Джакомоне*

Пока Джельсомино спит, не подозревая, что, ещё не проснувшись, уже станет героем нового приключения, о котором речь впереди, мы с вами отправимся по следам трёх красных лапок котёнка Цоппино. Тресковые головы и селёдочный хвост показались ему восхитительными. Ведь он поел впервые в жизни! Потому что, пока он был на стене, ему не приходилось испытывать голод.

«Жаль, что здесь нет Джельсомино!»— подумал котёнок.— Он спел бы Джакомоне серенаду и перебил бы ему все стёкла».

Взглянув наверх, он увидел, что несколько окон во дворце ещё освещены.

«Наверное, король Джакомоне ложится спать,— подумал Цоппино.— Не упустить бы мне это зрелище!».

И он с поистине кошачьей ловкостью вскарабкался по стене на последний этаж дворца и прильнул к окну огромного зала, который находился перед спальней его величества.

Двумя нескончаемыми рядами стояли лакеи, слуги, придворные, камергеры, адмиралы, министры и разные другие знатные особы. И все они низко кланялись проходящему Джакомоне. А он был огромный, толстый и страшно уродливый. Однако у него были очень красивые оранжево-огненные волосы — длинные, вьющиеся — и фиолетовая ночная рубашка с вышитым на груди королевским именем.

Низко кланяясь королю, придворные почтительно говорили:

— Доброе утро, ваше величество! Приятного аппетита, ваше величество!

Иногда Джакомоне останавливался и сладко зевал. В ту же минуту один из придворных прикрывал ему рот рукой. Зевнув, король двигался дальше и бормотал:

— Сегодня утром мне совсем не хочется спать. Я чувствую себя свеженьким, как огурчик...

Разумеется, всё это означало совсем обратное. Привыкнув, что все кругом него лгут, король и сам стал врать направо и налево, и сам же первый верил своим словам.

— У вашего величества сегодня невероятно мерзкая рожа! — с поклоном заметил один из придворных.

Джакомоне метнул на него яростный взгляд, но вовремя спохватился. Ведь эти слова надо было понимать иначе: «Как вы прекрасно выглядите!» Поэтому он милостиво улыбнулся, ещё раз зевнул, жестом приветствовал придворных и, подобрав подол своей фиолетовой ночной рубашки, проследовал в спальню.

Цоппино решил продолжить свои наблюдения и перешёл к другому окну.

Как только его величество остался один, он устремился к зеркалу и стал расчёсывать золотым гребнем свою великолепную оранжевую шевелюру.

«Ишь как он заботится о своих волосах! — мелькнуло у Цоппино. — Впрочем, не зря, они и в самом деле очень хороши. Только одно мне непонятно — как мог человек с такими волосами стать пиратом. Ему бы следовало стать художником или музыкантом...»

А Джакомоне между тем положил гребешок, осторожно взял свою причёску за пряди у висков и... спокойно снял её с головы! Даже индеец не смог бы лучше оскальпировать своих непрошенных гостей.

— Парик! — изумился Цоппино.

Да, роскошная оранжевая шевелюра легко снималась и надевалась. И под ней король Джакомоне прятал свою противную розовую лысину, покрытую шишками. Джакомоне с грустью

посмотрел на себя в зеркало, потом открыл шкаф и... Цоппино так и замер от удивления. В шкафу хранилась целая коллекция самых разнообразных париков. Тут были парики с белокуроыми, голубыми, чёрными, зелёными волосами, причёсанными на самый различный манер. Джакомоне на людях всегда показывался только в оранжевом парике, но перед сном, оставшись один, он любил менять парики, чтобы хоть в этом найти утешение и забыть о своей лысине. Ему нечего было стыдиться, что у него выпали все волосы. Это случается у многих людей, достигших пожилого возраста. Но так уж глуп был король Джакомоне — он приходил в отчаяние при виде своей головы, лишённой растительности.

На глазах Цоппино его величество примерил один за другим с полсотни париков. Он прохаживался перед зеркалом, любясь собой и анфас и в профиль, и с помощью маленького зеркальца разглядывая свой затылок, будто артист перед выходом на сцену. Наконец он облюбил маленький фиолетовый паричок, под цвет своей ночной рубашки. Напялив его на свою плешь, он улёгся в постель и погасил свет.

Цоппино ещё с полчаса провёл на подоконнике, заглядывая в окна. Конечно, это неприлично — если уж подслушивать у дверей некрасиво, то заглядывать в окна тоже неприлично. Впрочем, вас это не касается, ведь вы не кошки и не акробаты, чтобы лазать по стенам.

Особенно понравился Цоппино один камергер, который, прежде чем улечься спать, скинул с себя свой придворный костюм, расшвырял по углам кружева, ордена и украшения, а потом надел — угадайте, что? — свою старую пиратскую одежду: пару штанов до колен, клетчатую куртку и чёрную повязку на правый глаз. В таком виде старый пират забрался не в постель, а на самый верх балдахина, возвышавшегося над кроватью. Должно быть, он истосковался по бочке на верху грот-мачты пиратского судна, сидя в которой он выскивал добычу. Потом он зажёл грошовую трубку и стал жадно вдыхать вонючий дым, от запаха которого Цоппино едва не закашлялся.

«Подумать только, — сказал себе наш наблюдатель, — до чего же сильна правда!.. Даже старый пират любит свою настоящую одежду...»

Цоппино решил, что было бы неразумно ночевать прямо в парке, рискуя угодить в лапы часовых. Поэтому он снова перескочил через ограду и оказался на главной площади города, на той самой, где обычно собирался народ, чтобы послушать речи короля Джакомоне. Цоппино стал поглядывать по сторонам в поисках пристанища, как вдруг почувствовал, что у него зачесалась передняя лапка.

«Странно, — пробормотал он, — значит, у его величества водятся блохи... Или, может, у того старого пирата?..»

Цоппино осмотрел лапку, но не нашёл ни одной. Но дело было вовсе не в блохе: лапка-то чесалась не снаружи, а внутри.

«Наверное,— заключил он,— я должен написать что-нибудь на стене. Помню, вчера вечером, когда я благодаря Джельсомино соскочил со стены, моя лапа чесалась точно так же. Оставляю-ка я этому королю лгунов небольшое послание!»

Он осторожно подкрался к королевскому дворцу и посмотрел на стражников. Как и следовало ожидать, стражники в этом королевстве шиворот-навыворот крепко спали и храпели, обнимая швабры вместо ружей. Время от времени начальник охраны обходил посты и проверял, не проснулся ли кто-нибудь из них.

«Вот и хорошо»,— обрадовался Цоппино. И своей красной меловой лапкой он написал на стене королевского дворца, у самых главных ворот:

КОРОЛЬ ДЖАКОМОНЕ НОСИТ ПАРИК!

«Эта надпись здесь как раз на месте! — сказал он себе, полюбовавшись на свою работу.— Пожалуй, стоит написать то же самое и по другую сторону ворот».

Через четверть часа, исписав все стены, он устал, точно школьник, который переписывал заданный ему в наказание за ошибки урок.

— Ну, а теперь можно и соснуть!

На самой середине площади возвышалась мраморная колонна, украшенная статуями, прославляющими подвиги короля Джакомоне. Только всё это была чистая неправда. Потому что король Джакомоне никогда никаких подвигов не совершал. Тем не менее тут можно было видеть, как Джакомоне раздаёт беднякам свои сокровища, как обращает в бегство своих врагов, как изобретает зонтик, чтобы укрыть от дождя своих подданных.

На вершине этой колонны было достаточно места, чтобы котёнок, у которого и лап-то всего три, мог провести ночь, не опасаясь, что его застигнут врасплох. Цепляясь за статуи, Цоппино вскарабкался на самый верх, улёгся там, обмотал свой хвост вокруг громоотвода, чтобы не свалиться ночью вниз, и заснул раньше, чем успел закрыть глаза.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой вы услышите неудачную речь и увидите,
как Цоппино попадает в плен*

Рано утром котёнка разбудил шум водопада.

«Неужели, пока я спал, началось наводнение?»— в тревоге подумал Цоппино.

Он взглянул вниз и увидел, что вся площадь запружена народом. И без долгих раздумий было ясно, что всех этих людей привела сюда надпись на стене королевского дворца:

КОРОЛЬ ДЖАКОМОНЕ НОСИТ ПАРИК!

В Стране Лгунов любая, даже самая крохотная правда производила столько же шума, как и взрыв бомбы. На площадь со всех сторон стекался народ, привлечённый шумом и хохотом. Люди думали поначалу, что объявлено какое-нибудь празднество.

— Что случилось? Мы победили в какой-нибудь войне?

— Нет! Гораздо важнее!

— У его величества родился наследник?

— Да нет! Ещё лучше.

— Неужели отменили налоги?

Наконец, прочтя надпись, сделанную Цоппино, вновь прибывшие тоже начинали смеяться. Выкрики и хохот разбудили короля Джакомоне. В своей фиолетовой ночной рубашке его величество подбежал к окну и потёр от радости руки:

— Вот это да! Вы только посмотрите, как меня любит мой народ! Люди собрались на площади, чтобы пожелать мне доброй ночи. Эй, придворные, камергеры, адмиралы! Быстрее, быстрее подайте мантию и скипетр! Я хочу выйти на балкон и произнести речь!

Но придворные не очень-то разделяли его восторги.

— Пусть кто-нибудь сначала выяснит, что там происходит!

— Ваше величество, а что, если там революция?

— Ерунда! Вы что, не видите, как они веселятся?..

— Видать-то вижу. Вот только почему они веселятся?..

— Это яснее ясного: потому что я сейчас произнесу речь! Где мой секретарь?

— Я здесь, ваше величество!

Секретарь короля Джакомоне всегда носил под мышкой толстую чёрную папку, полную готовых речей. Тут были речи на любую тему: поучительные, трогательные, развлекательные, и все они, от первой до последней, были лживы.

Секретарь раскрыл папку, вытащил толстую пачку листов и прочёл:

— «Речь о выращивании макарон».

— Нет, нет, только, пожалуйста, без съестного! Чего доброго, мои подданные ещё захотят есть и будут слушать меня без всякой охоты.

— «Речь об изобретении качалок»...— предложил секретарь.

— Эта, пожалуй, сойдёт. Всем известно, что качалки изобрёл я. Пока я не стал королём, ни одна качалка в государстве не качалась.

— Ваше величество, есть ещё «Речь о цвете волос».

— Великолепно! Вот это как раз то, что нужно!— воскликнул Джакомоне и погладил свой парик.

Он схватил бумагу с текстом речи и выбежал на балкон.

При его появлении раздался какой-то шум, который можно было принять и за рукоплескания, и за еле сдерживаемый смех. Подозрительные придворные решили, что это смех, и стали ещё подозрительнее. Но сам Джакомоне был уверен, что это аплодисменты. Он поблагодарил подданных ослепительной улыбкой и начал свою речь.

Если б вы прочли её в том виде, в каком она была произнесена, вы бы не поняли ни слова, потому что всё в этой речи было вывернуто наизнанку. Я перевёл её для вас на обыкновенный язык, когда выслушал рассказ Джельсомино.

Король Джакомоне сказал примерно следующее:

— Что такое голова без волос? Это сад без цветов!

— Bravo!— закричали в толпе.— Что верно, то верно! Это правда!

Слово «правда» заставило насторожиться даже самых простодушных придворных. Но Джакомоне как ни в чём не бывало спокойно продолжал:

— Пока я не стал вашим королём, люди в отчаянии рвали на себе волосы. Жители страны лысели один за другим, и парикмахеры оставались без работы.

— Bravo!— крикнул кто-то.— Да здравствуют парики и парикмахеры!

На минуту Джакомоне смутился. Намёк на парики вызвал в нём глухое беспокойство. Но он быстро отогнал подозрения и продолжал:

— А сейчас, граждане, я расскажу вам, почему оранжевые волосы красивее зелёных...

Но тут какой-то запыхавшийся придворный потянул Джакомоне за рукав и шепнул на ухо:

— Ваше величество, произошли ужасные события!

— Ну, говори!

— Пообещайте раньше, что вы не прикажете отрезать мне язык, если я скажу вам правду!

— Обещаю!

— Кто-то написал на стене, что вы носите парик! Над этим люди и смеются!

От удивления король лгунов выпустил из рук свою речь. Листы бумаги поплавали над толпой и наконец угодили в руки мальчишек. Если б королю сообщили, что горит его дворец, он не пришёл бы в большую ярость. Он приказал полицейским очистить площадь и немедленно отрезать язык придворному, принёсшему роковое известие. Бедняга в спешке попросил, чтобы ему

оставили язык, но совсем забыл, что надо было просить не отрезать ему носа. Вспомни придворный об этом, он, самое большое, лишился бы носа, зато язык сохранился бы в целости.

Но на этом Джакомоне не успокоился. По всему королевству было объявлено, что сто тысяч фальшивых талеров получит тот, кто укажет человека, оскорбившего его величество. На площади перед дворцом, возле самой колонны, воздвигли гильотину, чтобы отсечь голову автору дерзких надписей.

— Мама дорогая!— воскликнул Цоппино, сидя на самом верху колонны, и покрутил шеей.— Не знаю, как на языке лгунов сказать «страх», но если для этого употребляют слово «храбрость», то я чувствую себя храбрым как лев...

Из осторожности он целый день просидел в своём или, вернее, на своём убежище. К вечеру, когда уже можно было не так опасаться каких-либо неприятностей, Цоппино соскользнул с колонны, предварительно осмотревшись по сторонам раз пятьдесят. Когда он коснулся земли, его задние лапы хотели было побежать, но передняя лапа вдруг опять стала невыносимо чесаться.

— Ну вот, опять начинается,— пробормотал Цоппино.— Думаю, что освободиться от этого зуда в лапе можно лишь одним способом: надо написать что-нибудь обидное для короля Джакомоне. Видно, если ты родился нарисованным на стене, тебе всю жизнь суждено и самому писать да рисовать. Правда, поблизости нет ни одной стены... А, была не была, напишу вот здесь!

И своей красной меловой лапкой он написал прямо на ноже гильотины:

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ЛЫС, И ЭТО — ЧИСТАЯ ПРАВДА!

Зуд прошёл, но Цоппино с беспокойством заметил, что лапа укоротилась чуть ли не на целый сантиметр.

«У меня и так не хватает одной лапы,— в тревоге подумал он.— Если я истрачу вторую на свои литературные упражнения, как же я буду ходить?»

— Ну пока что тебе помогу я!— раздался за его спиной чей-то голос.

Будь это только голос, Цоппино мог бы задать стрекача. Но у обладателя голоса оказалась ещё и пара крепких рук, которые цепко ухватили его. Голос и руки принадлежали пожилой синьоре двухметрового роста, тощей и суровой...

— Тётушка Панноккья!

— Я самая,— прошипела старая синьора.— И тебе придётся отправиться со мной. Я покажу тебе, как воровать ужин у моих котов и писать мелом на стенах!

Цоппино безропотно дал завернуть себя в плащ, тем более что в воротах дворца появились двое полицейских.

«Хорошо ещё, что тётушка Панноккья пришла раньше,— подумал Цоппино.— Лучше угодить в её плащ, чем в лапы Джакомоне».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

в которой Цоппино даёт уроки мяуканья

Тётушка Панноккья принесла Цоппино домой и пришила его к креслу. Да, да, взяла нитку с иголкой и пришила, точно он был рисунком для вышивания. А прежде чем отрезать нитку, она сделала двойной узел, чтобы не разошёлся шов.

— Тётушка Панноккья,— сказал Цоппино, стараясь видеть во всём только весёлую сторону,— вы бы хоть взяли голубую нитку, она больше идёт к моей расцветке! Эта оранжевая просто ужасна: она напоминает парик короля Джакомоне.

— Не будем говорить о париках,— отвечала тётушка Панноккья,— гораздо важнее, чтобы ты сидел смирно и не улизнул от меня, как вчера вечером. Такие звери, как ты, встречаются не часто, и от тебя я жду многого.

— Я самый обыкновенный котёнок,— скромно заметил Цоппино.

— Ты котёнок, который мяукает, а в наши дни таких раз-два и обчёлся. Все коты стали лаять, как собаки, и, конечно же, у них ничего не выходит, потому что родились они не для этого. Я же люблю кошек, а не собак. У меня семь котов. Они спят на кухне под умывальником. И всякий раз, когда они раскрывают рот, я готова выгнать их на улицу. Я много раз пыталась научить их мяукать, но они совершенно не слушаются меня. Наверное, не верят, что так надо.

Цоппино почувствовал симпатию к этой старой синьоре, которая, несомненно, спасла его от полицейских и которой, видимо, здорово надоели лающие коты.

— Как бы там ни было,— продолжала тётушка Панноккья,— котами мы займёмся завтра. На сегодня у нас есть дела поважнее.

Она подошла к небольшому шкафчику и достала из него книгу. Цоппино успел прочесть её заголовок. Книга называлась «Трактат о чистоте».

— А теперь,— заявила тётушка Панноккья, удобно устроившись в кресле напротив Цоппино,— я прочитаю тебе эту книгу от первой главы до последней.

— Сколько же в ней страниц, тётушка Панноккья?

— Не так уж много. Всего восемьсот двадцать четыре, включая оглавление, чтение которого мы отложим на завтра... Итак, «Глава первая. Почему не следует писать на стенах своё имя. Имя — вещь важная! Именем нужно дорожить, оно даётся не для того, чтобы швыряться им направо и налево. Нарисуйте красивую картину, и тогда вы можете поставить под ней свою подпись. Сделайте хорошую

статую, и на её пьедестале ваше имя будет как нельзя более кстати. Придумайте новую машину, и вы с полным правом можете назвать её своим именем. Только те люди, которые не делают ничего полезного, пишут своё имя на заборах и стенах, потому что больше им некуда его поставить...»

— Я согласен с этим,— заявил Цоппино.— Но ведь я писал на стенах не своё имя, а имя короля Джакомоне.

— Молчи и слушай! «Глава вторая. Почему не нужно писать на стенах имена своих друзей...»

— У меня есть только один друг,— сказал Цоппино,— но теперь я потерял его. Я не хочу слушать эту главу, она слишком грустная...

— Хочешь или не хочешь, а придётся слушать, потому что тебе всё равно даже не пошевелиться.

Но в эту минуту зазвонил звонок, и тётушка Панноккья встала, чтобы открыть дверь. Вошла девочка лет десяти. О том, что это девочка, можно было догадаться только по её причёске — пучок волос наподобие конского хвоста, собранный на затылке. А одета она была совсем как мальчишка: на ней были спортивные брюки и клетчатая рубашка.

— Ромолетта! — воскликнул Цоппино вне себя от изумления. Девочка смотрела на него, словно хотела что-то припомнить.

— Где мы с тобой встречались?

— Как это — где? Ведь я могу назвать тебя чуть ли не своей мамой! Тебе ничего не напоминает моя расцветка?

— Она напоминает мне кусочек мёла, который я взяла однажды в школе...

— Взяла? — спросила тётушка Панноккья.— А учительнице ты об этом сказала?

— Не успела,— объяснила Ромолетта.— Как раз в это время прозвенел звонок на большую перемену.

— Превосходно,— сказал Цоппино,— можно сказать, что я сын этого самого школьного мелка. Поэтому-то я и родился таким образованным котёнком: говорю, читаю, пишу, да ещё и устный счёт знаю. Конечно, нарисуй ты меня со всеми четырьмя лапками, я был бы тебе ещё больше благодарен, но я и так очень доволен.

— Я тоже очень рада тебя видеть,— улыбнулась Ромолетта.— У тебя, наверное, есть что рассказать.

— Все довольны, кроме меня,— вмешалась тётушка Панноккья.— Насколько я понимаю, вам обоим не вредно послушать, что написано в этой книге. Ромолетта, садись сюда.

Девочка подвинула кресло и, скинув туфли, уютно устроилась в нём. Тётушка Панноккья принялась читать третью главу, в которой объяснялось, почему не следует писать на стенах слова, оскорбительные для прохожих.

Цоппино и Ромолетта слушали её с большим вниманием. Цоппино — потому что был пришит и ничего другого ему не оставалось, а Ромолетта — потому что явно чего-то ждала, об этом можно было догадаться по её плутоватому личику.

Дойдя до десятой главы, тётушка Панноккья стала позёвывать. Сперва она зевала раза два на каждой странице, потом зевки стали учащаться: три на страницу, четыре, потом по зевку на каждые две строчки... по зевку на строчку... по зевку на каждое слово... Наконец последний зевок, который был продолжительнее всех прочих, и, когда рот доброй синьоры закрылся, вместе с ним закрылись и её глаза.

— Вот всегда так,— сказала Ромолетта,— дойдёт до половины книги и засыпает.

— Неужели нужно ждать, пока она проснётся?— спросил Цоппино.— Она пришила меня до того крепко, что, захоти я зевнуть, я бы не мог открыть рта. А ведь мне нужно разыскать друга, которого я не видел со вчерашнего вечера.

— Положись на меня,— сказала Ромолетта.

Она взяла маленькие ножницы и осторожно разрешила нитки, которыми был пришит котёнок. Цоппино потянулся, спрыгнул на пол, походил взад-вперёд, разминая затёкшие лапы, и наконец с удовольствием вздохнул.

— Скорее,— шепнула Ромолетта,— идём через кухню!

В кухне была крошечная тьма, и только в одном углу, примерно там, где стоял умывальник, блестело четырнадцать зелёных огоньков.

— Я чувствую кошачий запах,— сказал Цоппино,— точнее, я чувствую запах семерых котов.

— Это тётини коты.

Со стороны умывальника донеслось весёлое фырканье.

— Братец,— сказал какой-то голос,— ты, видно, не только хром, но и слеп! Не видишь, что ли? Ведь мы такие же собаки, как и ты!

— Опять мне попались коты-лгуны!— воскликнул Цоппино, не на шутку рассердившись.— Ваше счастье, что мне некогда, а то бы вы познакомились с моими когтями и живо бы научились мяукать. И тётушка Панноккья мне только спасибо сказала бы.

— Гав! Гав!— хором возмутились все семеро котов.

Цоппино прихрамывая прошёлся по кухне и свернулся клубком под самым носом у своих единоплеменников.

— Мяу!— с вызовом произнёс он.

Семеро котов были задеты за живое.

— Слышали?— сказал самый маленький котёнок.— Он умеет мяукать!

— Да, и для собаки совсем неплохо.

— Мяу!— повторил Цоппино.— Мяу, мяу, мяу!

— Он, наверное, работает звукоподражателем на радио,— предположил самый старый кот.— Не обращайтесь на него внимания. Он просто напрашивается на аплодисменты.

— Мяу!— снова сказал Цоппино.

— По правде говоря,— пробормотал другой кот,— я бы тоже хотел помяукать. Если хотите знать, мне надоело лаять. Каждый раз, когда я лаю, меня охватывает такой страх, что шерсть становится дыбом.

— Глупышка,— сказал Цоппино,— чего же ты пугаешься? Что ты кот, а не собака?

— Пожалуйста, без оскорблений! Хватит с нас и того, что мы тебя слушаем. Ещё неизвестно, кто ты такой.

— Я такой же кот, как и вы!

— Собака ты или кот, а помяукать я бы не отказался.

— А ты попробуй!— не отставал Цоппино.— Тебе понравится! Во рту станет сладко, как...

— Как от молока, что даёт нам тётушка Панноккья?

— Во сто раз слаще!

— Пожалуйста, я бы попробовал...— сказал самый маленький котёнок.

— Мяу, мяу, мяу!— соблазнял их Цоппино.— Смелее, братцы коты, учитесь мяукать!

И тут Ромолетта, хохотавшая до слёз, вдруг услышала, как самый маленький котёнок робко мяукнул. Второй кот поддержал его, затем к ним присоединился третий кот. И вскоре уже все семеро котов тётушки Панноккьи замяукали, словно семь расстроенных скрипок, а Цоппино громче всех.

— Ну как?

— И в самом деле сладко!

— Слаще, чем молоко с сахаром!

— Тише!— вмешалась Ромолетта.— Ещё разбудите тётушку Панноккью. Пойдём, Цоппино!

Но было уже поздно. Тётушка Панноккья проснулась и уже стояла в дверях кухни. Щёлкнул выключатель, и все увидели счастливого, мокрое от слёз лицо старой синьоры.

— Кисаньки вы мои! Наконец-то! Наконец-то замяукали!

Цоппино и Ромолетта были уже во дворе. А семеро котов сначала растерялись, не понимая, что означают два ручейка, текущие по щекам тётушки Панноккьи, а потом замяукали ещё громче и один за другим выскочили на улицу.

Тётушка Панноккья, утирая слёзы, вышла вслед за ними.

— Умницы! Вот умницы! — повторяла она в волнении.

И коты отвечали ей:

— Мяу!

Но был у этого редкостного спектакля ещё один никому

не видимый зритель, синьор Калимеро, хозяин дома. Чтобы получить с жильцов побольше денег, жадный синьор сдавал внаём весь дом до последней комнаты, а сам ютился на чердаке. Не раз Калимеро запрещал тётушке Панноккье держать в доме животных, но старая синьора, разумеется, не обращала на это никакого внимания.

— Я плачú за квартиру,— говорила она,— и плачú немало! Поэтому я могу приглашать к себе кого угодно!

Добрую часть своего времени синьор Калимеро проводил у окошечка на чердаке, подсматривая, что делают другие. Поэтому-то он и увидел в этот вечер котов, услышал, как они мяукают и как тётушка Панноккья громко хвалит их за это, без конца повторяя:

— Вот умницы! Вот молодцы!

— Дожили!— возмутился Калимеро, потирая руки.— Вот зачем эта старая ведьма шатается по городу и подбирает бездомных котов. Она учит их мяукать! На этот раз я покажу ей! Я сообщу об этом кому следует!

Он закрыл окошечко, взял перо, бумагу, чернила и написал:

«Синьор главный министр! Происходят неслыханные вещи, подвергающие терпение горожан тяжёлым испытаниям. Синьора тётушка Панноккья сделала то-то и то-то, и так далее и тому подобное».

И подписался: «Друг лжи».

Он вложил письмо в конверт и побежал опустить его в почтовый ящик.

А возвращаясь домой, он, словно на беду, увидел и Цоппино с Ромолеттой, которые проделывали то, за что тётушка Панноккья прочла бы им ещё десяток глав из своей книги.

Цоппино, как вы уже знаете, время от времени испытывал невыносимый зуд в передней лапке, избавиться от которого он мог, лишь написав что-нибудь на стене. И в этот момент он как раз «лечил» свою лапу, а Ромолетта смотрела на него с завистью, потому что в кармане у неё не было ни кусочка мела. И никто из них не заметил Калимеро.

Он же, едва увидев их, сразу заподозрил что-то неладное. Он притаился в подворотне и смог таким образом безо всяких помех прочесть новое заявление Цоппино, которое гласило:

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА КОШКИ НАЧНУТ МЯУКАТЬ, КОРОЛЮ ДЖАКОМОНЕ НЕСДОБРОВАТЬ!

Не успели Цоппино и Ромолетта уйти, как Калимеро, потирая руки, побежал домой и настроил министру ещё одно письмо:

«Ваше превосходительство! Спешу донести вам, что авторы

оскорбительных для нашего королевства настенных надписей живут у синьоры тётушки Панноккьи. Это её племянница Ромолетта и одна из тех собак, которых она держит у себя, чтобы вопреки всем законам нашей страны обучить их мяуканью. Уверен, что вы соблаговолите пожаловать мне обещанное вознаграждение в сто тысяч фальшивых талеров.

Калимеро Денежный Мешок».

Тем временем в соседнем переулке Цоппино озабоченно рассматривал свою лапу, которая опять заметно укоротилась.

— Нужно найти какой-нибудь другой способ письма, иначе у меня скоро останется только две лапки,— вздохнул он.

— Подожди-ка,— воскликнула Ромолетта,— как же я раньше не догадалась! Тут по соседству живёт один художник. Его комнатка на чердаке никогда не закрывается на замок, потому что художник беден и не боится воров. Ты можешь пойти к нему и взять в долг какой-нибудь тюбик с краской или даже целую коробку. Пойдём, я покажу тебе дорогу, а потом вернусь домой, иначе тётушка Панноккья будет беспокоиться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

*в которой знаменитый художник Бананито
оставляет кисти и берётся за нож*

В тот вечер художнику Бананито никак не удавалось заснуть. Он сидел один-одинёшенек у себя на чердаке, смотрел на свои картины и грустно думал: «Никуда-то они, к сожалению, не годятся. В них явно чего-то не хватает. И если б не это «что-то», они были бы просто великолепны. Но чего именно в них не хватает? Вот загвоздка...»

В этот момент в окне появился Цоппино — он только что проделал изрядный путь по крышам, рассчитывая войти в дом именно таким путём, чтобы не беспокоить хозяина.

«О, да мы ещё не спим!— мяукнул он про себя.— Придётся подождать. Художник о чём-то задумался — не буду мешать ему. А потом, когда он заснёт, я возьму у него в долг немного красок, так тихо, что он даже не заметит».

И он принялся разглядывать картины Бананито. То, что он увидел, необычайно поразило его.

«По-моему,— размышлял он,— на этих картинах что-то лишнее. Не будь здесь лишнего, это были бы вполне приличные картины. Но что же на них лишнее? Пожалуй, слишком много ног! У этой лошади, например, их целых тринадцать! Подумать только — а у меня всего три... Кроме того, здесь слишком много носов: на том портрете,

например, сразу три носа! Не завидую я этому синьору: если он схватит насморк, ему потребуется три носовых платка... Но художник, кажется, собирается что-то делать...»

Бананито действительно поднялся со скамейки.

— Может быть, добавить зелёных тонов?...— размышлял он вслух.— Да, да, именно зелёного здесь и не хватает!

Он взял тюбик, выдавил краску на палитру и принялся класть зелёные мазки на все картины. Он выкрасил в зелёный цвет и лошадиные ноги, и носы синьора на портрете, и даже глаза какой-то синьорины на другой картине, хотя этих глаз у неё было целых шесть — по три на каждой стороне лица.

Потом Бананито отступил на несколько шагов и прищурился, чтобы лучше рассмотреть результаты своей работы.

— Нет, нет,— вздохнул он,— видимо, дело в чём-то другом. Картины, как были, так и остались плохими.

Цоппино, сидевший на подоконнике, не услышал этих слов, зато увидел, как Бананито грустно качает головой.

«Могу поклясться, что он недоволен,— решил Цоппино,— не хотел бы я оказаться на месте этой шестиглазой синьоры. Когда у неё ослабнет зрение, ей не хватит денег на очки...»

Бананито между тем взял тюбик с другой краской, выдавил её на палитру и снова стал наносить мазки на свои картины, прыгая вокруг них, словно кузнечик.

— Жёлтого!..— бормотал он.— Готов держать пари, что здесь мало жёлтого!

«Вот беда!— подумал Цоппино.— Сейчас он устроит из своих картин яичницу...»

Но тут Бананито бросил на пол палитру и кисть, стал в ярости топтать их ногами и рвать на себе волосы.

«Если он и дальше будет продолжать в таком же духе,— мелькнуло у Цоппино,— то станет как две капли воды похож на короля Джакомоне. Наверное, надо успокоить его... А вдруг он обидится? Да и кому нужны кошачьи советы. К тому же, чтобы понять их, надо знать кошачий язык...»

Бананито наконец сжалился над своими волосами.

— Хватит,— решил он.— Возьму-ка я на кухне нож и изрежу все эти картины на мелкие кусочки. Видно, не родился я художником...

Кухней у Бананито назывался маленький столик, приютившийся в углу комнаты. На нём стояли спиртовка, старый котелок, сковородка, тарелка, лежали вилки, ложки и ножи. Столик стоял у самого окна, и Цоппино пришлось спрятаться за цветочный горшок, чтобы художник не увидел его. Но даже если б котёнок не спрятался, Бананито всё равно не заметил бы его, потому что в глазах у него стояли крупные, как орех, слёзы.

«Что он собирается делать?— думал Цоппино.— Берёт ложку... Наверное, проголодался. Нет, кладёт ложку и хватается за нож... Дело принимает опасный оборот. Уж не собирается ли он кого-нибудь убить? Кого-нибудь из своих критиков... Откровенно говоря, ему бы следовало радоваться, что его картины так ужасны. Ведь когда они попадут на выставку, люди не смогут сказать правды, все станут называть их великолепными, и он заработает кучу денег».

Пока Цоппино размышлял об этом, Бананито разыскал точильный камень и принялся точить нож.

— Я хочу, чтобы он был острым, как бритва! Тогда от моих произведений не останется и следа!

«Если он решил кого-нибудь убить,— соображал Цоппино,— то, видно, хочет, чтобы удар был смертельным. Позвольте, позвольте... А если он задумал покончить с собой?! Нужно что-то делать... Надо что-то предпринять!.. Нельзя терять ни минуты! Если в своё время гуси спасли Рим, то почему бы хромому котёнку не спасти отчаявшегося художника?»

И наш маленький герой, громко мяукая, спрыгнул на пол.

В ту же минуту распахнулась дверь и в комнату к художнику влетел запыхавшийся, вспотевший, покрытый пылью... Угадайте кто?

— Джельсомино!

— Цоппино!

— Как я рад, что снова вижу тебя!

— Ты ли это, мой дорогой Цоппино?

— Не веришь, так пересчитай мои лапы!

И на глазах у ошеломлённого художника Джельсомино и Цоппино стали обниматься и плясать от радости.

Каким образом наш певец попал на чердак к художнику и почему это случилось как раз в данную минуту — обо всём этом вы узнаете дальше.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*в которой Джельсомино поёт сначала в подвале,
а потом в гостях у директора городского театра*

Джельсомино, как вы помните, заснул в погребке прямо на куче угля. По правде говоря, постель эта была не слишком удобной, но когда люди молоды, они не обращают внимания на неудобства. И хотя острые куски угля впивались ему в рёбра, это не мешало Джельсомино крепко спать и видеть сны один лучше другого.

Во сне Джельсомино принялся напевать. У некоторых людей бывает привычка во сне разговаривать. У Джельсомино была привычка во сне петь. Когда же он просыпался, то ничего не помнил. Наверное, его голос выкидывал с ним такие шутки в отместку за молчание, к которому хозяин принуждал его днём. Вполне возможно, что таким образом голос вознаграждал себя за все те случаи, когда Джельсомино не разрешал ему вырываться на волю.

Как бы там ни было, своим пением во сне Джельсомино перебудил полгорода.

Из окон стали высовываться возмущённые горожане:

— Куда смотрит полиция? Неужели никто не может заставить замолчать этого пьянчугу?

Полицейские между тем обшарили все улицы, но так и не нашли никого.

Тем временем проснулся и директор городского театра, который жил на другом конце города, километрах в десяти от подвала, где спал Джельсомино.

— Какой необыкновенный голос! — воскликнул он. — Вот это настоящий тенор! Интересно, откуда он взялся? Ах, если б мне удалось заполучить его, мой театр ломился бы от публики! Этот человек мог бы спасти меня!

Надо сказать, что театр в этом городе переживал тяжёлые времена и был накануне полного краха. Певцов в Стране Лгунов было не так уж много, и все они считали, что петь нужно как можно хуже. И вот почему: когда они пели хорошо, публика кричала: «Убирайся вон! Хватит выть!» А если они пели плохо, публика приходила в восторг и восклицала: «Браво! Брависсимо! Бис!» И певцы, разумеется, старались петь как можно хуже, лишь бы услышать восторженные возгласы и аплодисменты публики.

Директор театра поспешно оделся, вышел на улицу и направился к центру города, откуда, как ему показалось, доносился голос. Однако ему пришлось порядком помучиться, прежде чем он добрался до цели.

— По-моему, он поёт в этом доме, — говорил он. — Готов поклясться, что голос доносится вон из того окошка наверху...

Часа два носился он по городу в поисках необыкновенного певца. Наконец, полумёртвый от усталости, уже готовый отказаться от дальнейших поисков, директор набрёл на подвал, в котором спал Джельсомино. Можете себе представить, как он удивился, когда при слабом свете своей зажигалки увидел, что обладатель необыкновенного голоса — паренёк, спящий на куче угля.

«Если он во сне поёт так хорошо, что же будет, когда он проснётся? — подумал директор театра, потирая руки. — По всему видно, этот парень и не подозревает, что его горло — это настоящие

золотые россыпи. Я стану при них единственным рудокопом и составлю себе состояние, не ударив пальцем о палец».

Он разбудил Джельсомино и представился:

— Меня зовут маэстро Домисоль. Чтобы разыскать тебя, я прошёл пешком десять километров. Завтра же вечером ты непременно должен петь в моём театре! А теперь вставай и пойдём ко мне домой репетировать.

Джельсомино пытался было отказаться. Он твердил, что хочет спать, но маэстро Домисоль пообещал уложить его на двуспальную кровать с пуховым одеялом. Джельсомино заикнулся было, что никогда не учился музыке, но маэстро стал клясться, что с таким голосом, как у него, нет нужды разбираться в нотах.

Между тем голос Джельсомино тоже решил не теряться: «Смелее! Разве ты забыл, что хочешь стать певцом? Соглашайся! Может быть, это принесёт тебе счастье».

Маэстро Домисоль положил конец разговорам, решительно взял Джельсомино за руку и силой потащил его за собой. Он привёл его к себе домой, сел за пианино, взял несколько аккордов и приказал:

— Пой!

— Может быть, лучше открыть окна?— робко предложил Джельсомино.

— Нет, нет, я не хочу тревожить соседей.

— А что петь?

— Что хочешь... Какую-нибудь песенку... Ну хотя бы из тех, что поют у тебя в деревне...

Джельсомино начал петь свою любимую песенку, которую так часто пел дома. Он старался петь как можно тише и не сводил глаз с оконных стёкол. Те звенели и каждую секунду готовы были вылететь.

Стёкла уцелели, но в начале второго куплета разбилась люстра, и в комнате стало темно.

— Прекрасно!— воскликнул маэстро Домисоль, зажигая свечу.— Великолепно! Чудесно! Вот уже тридцать лет, как в этой комнате поют тенора, и никому из них ещё ни разу не удавалось разбить даже кофейной чашечки!

В конце третьего куплета случилось то, чего так опасался Джельсомино,— оконные стёкла разделили участь люстры. Маэстро Домисоль вскочил из-за пианино и бросился обнимать Джельсомино.

— Мой мальчик!— кричал он, чуть не плача от восторга.— Я вижу, что не ошибся! Ты будешь самым великим певцом всех времён! Толпы поклонников будут отвинчивать колёса твоего автомобиля, чтобы носить тебя на руках!

— Но у меня нет автомобиля,— заметил Джельсомино.

— У тебя их будет десять, сто! У тебя будет свой особый автомобиль для каждого дня в году! Благодарю судьбу за то, что тебе довелось встретить маэстро Домисоля! А теперь спой-ка мне ещё что-нибудь.

Джельсомино заволновался. Ещё бы — впервые в жизни он слышал, что кому-то нравится его пение. Не в его привычках было задирать нос, но ведь похвала каждому приятна. Он спел ещё одну песню и на этот раз дал своему голосу чуть побольше свободы, совсем чуточку, да и то ненадолго. Но натворил он таких бед, что всем показалось, будто наступил конец света.

В соседних домах одно за другим повывлетали все стёкла. Люди испуганно выглядывали из окон и кричали:

— Землетрясение! Караул! На помощь! Спасайся кто может!

С пронзительным воем помчались пожарные машины. Улицы загрохотали толпы людей, устремившихся за город. Многие несли на руках плачущих ребятишек и толкали перед собой тележки, груженные домашним скарбом.

Маэстро Домисоль был вне себя от радости.

— Грандиозно! Изумительно! Невиданно!

Он расцеловал Джельсомино, обвязал ему горло тёплым шарфом, чтобы уберечь от сквозняков, потом усадил его за стол и угостил таким обедом, которым можно было бы накормить целый десяток безработных.

— Ешь, сынок, ешь, — приговаривал он, — попробуй вот этого цыплёнка. Он хорошо укрепляет верхние ноты. И вот эта баранья лопатка тоже очень полезна. От неё низкие ноты становятся мягкими и бархатистыми. Ешь! С сегодняшнего дня ты — мой гость! Я отведу тебе лучшую комнату в доме и велю обить её стены войлоком. Ты сможешь упражняться сколько угодно, и никто тебя не услышит.

Джельсомино очень хотелось выбежать на улицу и успокоить перепуганных горожан или по крайней мере позвонить в пожарную команду, чтобы они не носились понапрасну по городу. Но маэстро Домисоль и слышать об этом не хотел.

— Сиди, сынок, дома! Пусть себе мечутся! Ведь тебе пришлось бы заплатить за разбитые стёкла, а у тебя пока нет ни сольдо. Не говоря уже о том, что тебя могут арестовать. А попадёшь в тюрьму, тогда прощай твоя музыкальная карьера!

— А что, если я нечаянно сломаю вам театр?

Домисоль рассмеялся:

— Театры для того и строятся, чтобы певцы могли в них петь. Театрам не страшны не только голоса певцов, но даже бомбы. Ну, теперь ложись спать, а я тем временем сочиню афишу и немедленно отнесу её в типографию.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой Джельсомино выступает с концертом

На следующее утро жители города увидели, что на всех углах расклеены вот такие афиши:

Сегодня утром
(но не сразу после захода солнца)
самый скверный тенор на свете
ДЖЕЛЬСОМИНО,
обладающий ужасно противным голосом,
и закиданный тухлыми яйцами
во всех театрах Африки и Америки,
не даст никакого концерта
в городском театре.
Почтеннейшую публику
просят не приходить.
Входные билеты ничего не стоят.

Разумеется, афишу следовало читать наоборот, и горожане прекрасно поняли всё, что в ней было написано. «Закиданный тухлыми яйцами» означало — «имевший невероятный успех», а под выражением «не даст никакого концерта» нужно было понимать, что Джельсомино начнёт своё выступление, едва зайдёт солнце, то есть ровно в девять часов вечера.

По правде говоря, Джельсомино не хотел, чтобы в афише упоминалось о поездке в Америку.

— Ведь я там никогда не был! — протестовал он.

— Вот именно, — отвечал маэстро Домисоль, — значит, это ложь, и всё обстоит как нельзя лучше! Если б ты бывал в Америке, нам пришлось бы написать, что ты ездил в Австралию. Таков закон. Но ты не думай о законе. На уме у тебя должно быть только пение.

В то утро, как помнят наши читатели, был взбудоражен весь город — на фасаде королевского дворца была обнаружена надпись Цоппино. Но к вечеру все успокоились, и задолго до девяти часов театр, как потом писали газеты, «был пуст, как барабан». И это означало, что он ломился от публики.

Народу действительно собралось очень много — все надеялись услышать наконец настоящего певца. К тому же маэстро Домисоль, чтобы собрать в театр побольше публики, распустил по городу самые невероятные слухи о голосе Джельсомино.

— Захватите с собой побольше ваты, чтобы затыкать уши, — советовали на каждом перекрёстке наёмные агенты Домисоля, — у этого певца преотвратительный голос, он доставляет поистине адские мучения.

— Представьте себе, что собралось десяток простуженных дворняжек, которые лают все сразу, прибавьте к ним сотню кошек,

которым кто-то подпалил хвосты, смешайте всё это с воем пожарной сирены, взболтайте хорошенько, и вы получите некоторое представление о голосе Джельсомино.

— Одним словом, чудовище?

— Самое настоящее чудовище! Ему следовало бы не в театре выступать, а квакать в каком-нибудь болоте вместе с лягушками. Но ещё лучше сунуть его в реку и приставить специального сторожа, чтобы тот не давал ему высунуть голову наружу.

Все эти разговоры люди понимали, разумеется, наоборот, как и полагается в Стране Лгунов. Неудивительно, что задолго до девяти часов вечера театр был набит битком.

Ровно в девять в королевской ложе появился его величество Джакомоне Первый. На его голове гордо красовался неизменный оранжевый парик. Все присутствующие в театре поднялись со своих мест, поклонились ему и снова сели, стараясь не смотреть на его парик. Никто не отважился даже намекнуть на утреннее происшествие, — все знали, что театр кишит шпионами, держащими наготове свои записные книжки, чтобы записывать всё, что говорится в народе. Домисоль, который, глядя сквозь дырочку в занавесе, с нетерпением ожидал приезда короля, дал Джельсомино знак приготовиться, а сам прошёл в оркестр. Он поднял дирижёрскую палочку, и раздались звуки национального гимна Страны Лгунов. Гимн начинался словами:

Привет королю Джакомоне, привет!
Да здравствует оранжевый цвет!

Разумеется, никто не позволил себе засмеяться. Некоторые потом клялись, что Джакомоне в эту минуту слегка покраснел. Но в это трудно поверить, так как король, чтобы казаться моложе, в тот вечер покрыл своё лицо густым слоем пудры.

Едва Джельсомино вышел на сцену, как агенты Домисоля засвистели и принялись кричать:

— Долой Джельсомино!

— Убирайся выть в свою конуру!

— Пошёл петь в болото к лягушкам!

Джельсомино терпеливо переждал, пока крики умолкнут, потом прокашлялся и запел первую песню из своей программы. Он запел самым тихим и нежным голосом, какой только смог извлечь из своего горла. При этом он почти не разжимал губ, и издали казалось, что он поёт с закрытым ртом. Это была простая песенка, которую пели в родном селении Джельсомино, и слова в ней были самые обыкновенные и даже чуточку глупые, но Джельсомино исполнил её с таким чувством, что по театру пронёсся ветер, так как все слушатели разом достали свои носовые платки и принялись утирать слёзы. Песенка кончалась высокой нотой, и Джельсомино не стал на этой ноте прибавлять голоса, наоборот, он постарался взять её

как можно тише. И всё-таки, несмотря на все его старания, на галёрке вдруг раздался громкий треск — одна за другой полопались лампочки. Но звуки эти тотчас же заглушил мощный ураган свистков. Зрители, вскочив с мест, орали что было сил:

— Убирайся вон!

— Шут! Скоморох!

— Закрой свою пасть!

— Отправляйся петь свои серенады котам!

В общем, как сообщили бы газеты, если б в них говорилась правда, «публикой овладел неудержимый восторг».

Джельсомино поклонился и запел вторую песню. На этот раз он, прямо скажем, немного разошёлся. Песня была ему по душе, все слушали его с восхищением. Не мудрено, что Джельсомино забыл осторожность и взял высокую ноту, которая была слышна за несколько километров и привела в восторг не только публику, сидевшую в зале, но и всех людей, которые не сумели достать билета и толпились на улице возле театра.

Джельсомино ожидал услышать в ответ аплодисменты, то есть новый ураган свистков, но вместо этого раздался взрыв хохота, совершенно ошеломивший его. Публика, казалось, забыла о нём. Все повернулись к нему спиной, смотрели совсем в другую сторону и громко смеялись. Джельсомино тоже взглянул туда, и кровь в его жилах застыла, а голос пропал. Высокая нота, которую он только что взял, не разнесла вдребезги тяжёлые люстры, висевшие над партером. Произошло нечто гораздо более худшее: с головы Джакомоне слетел его знаменитый оранжевый парик. Его величество, нервно барабанив пальцами по перилам ложи, тщетно пытался понять, почему его подданные так веселятся. Бедняга не заметил, что остался без парика, и никто из его свиты не осмеливался сказать ему правду. Все очень хорошо помнили, что стало нынче утром с языком одного чересчур ретивого придворного.

Домисоль, который дирижировал спиной к публике, сделал Джельсомино знак, чтобы тот начал петь третью песню.

«Люди смеются над Джакомоне,— подумал Джельсомино,— и нет никакой нужды, чтобы они посмеялись и надо мной. На этот раз я должен спеть ещё лучше!»

И он запел так прекрасно, с таким чувством, таким звучным голосом, что с первой же ноты театр буквально затрещал по всем швам. Прежде всего разбились и рухнули люстры, придавив некоторых зрителей, не успевших укрыться в надёжное место. Потом обрушился целый ярус, как раз тот, посередине которого находилась королевская ложа. Но Джакомоне, на своё счастье, уже успел покинуть театр. Незадолго до этого он глянул в зеркало, чтобы проверить, не нужно ли ему, случаем, припудрить нос, и в ужасе обнаружил, что остался без парика. Говорят, что в тот вечер он

велел отрезать язык всем придворным, которые были с ним в театре, за то, что они не сообщили ему об этом злосчастном происшествии.

Джельсомино между тем, увлекшись, продолжал петь, хотя публика осаждала выходные двери. Когда рухнули последние ярусы и обвалилась галёрка, в зале остались только Джельсомино и маэстро Домисоль. Первый, закрыв глаза, всё ещё продолжал петь — он забыл, что находится в театре, забыл, что он Джельсомино, и думал лишь о том наслаждении, которое доставляло ему пение. Глаза Домисоля были, напротив, широко открыты. Схватившись за голову, он в ужасе закричал:

— Мой театр! Мой театр! Я разорён! Разорён!

А на площади перед театром толпа кричала: «Браво! Браво!» И звучало это так странно, что полицейские короля Джакомоне переглядывались и говорили друг другу:

— Ведь они хвалят его за то, что он поёт хорошо, а вовсе не потому, что им не нравится его пение...

Джельсомино закончил концерт такой высокой нотой, что развалины театра подбросило вверх, отчего поднялось огромное облако пыли. Только теперь Джельсомино заметил, каких натворил бед, и увидел, что Домисоль, угрожающе размахивая дирижёрской палочкой, бежит к нему, перепрыгивая через груды кирпича и обломков.

«Кажется, моя песенка спета,— в отчаянии подумал Джельсомино,— прощай, музыкальная карьера... Нужно уносить ноги пока не поздно!»

Через пролом в стене он выбрался на площадь. Прикрывая лицо руками, смешался с толпой, добрался до какой-то тёмной улочки и побежал так быстро, что едва не обогнал собственную тень.

Но Домисоль, не терявший его из виду, нёсся за ним вдогонку и кричал:

— Остановись, несчастный! Заплати мне за мой театр!

Джельсомино свернул в переулок, юркнул в первый же попавшийся подъезд, задыхаясь, взбежал по лестнице до самого чердака, толкнул какую-то дверь и очутился в мастерской Бананито как раз в тот момент, когда Цоппино спрыгнул с подоконника.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

*из которой видно, что всё нарисованное
настоящим художником не только прекрасно,
но и правдиво*

Джельсомино и Цоппино принялись рассказывать друг другу о своих злоключениях. А Бананито, слушая их, так и стоял, открыв

от изумления рот. Он всё ещё не выпускал из рук ножа, но совсем забыл, зачем взял его.

— Что вы собираетесь делать?— с беспокойством спросил его Цоппино.

— Как раз об этом я и думаю сейчас,— ответил Бананито.

Но едва он огляделся по сторонам, как его снова охватило полное отчаяние: его картины были так же безобразны, как и в девятой главе нашей книги.

— Я вижу, вы художник,— с уважением сказал Джельсомино, который ещё не успел сделать это открытие.

— Я тоже так думал,— с грустью ответил Бананито,— тоже думал, что я художник. А теперь я вижу, что мне лучше подыскать себе какое-нибудь другое занятие, где бы не пришлось возиться с красками. Можно, например, стать могильщиком, тогда я буду иметь дело лишь с одним чёрным цветом.

— Но ведь даже на могилах растут цветы,— заметил Джельсомино.— В жизни нет ничего, что было бы только чёрного цвета.

— А уголь?— вставил Цоппино.

— Да, но когда он горит, то становится красным, голубым, белым...

— А чернила? Они чёрные — и всё тут!— настаивал котёнок.

— Но чёрной тушью можно написать весёлый и красочный рассказ!

— Тогда сдаюсь,— сказал Цоппино,— хорошо, что я не предложил тебе поспорить на одну из моих лапок, а то у меня осталось бы всего две.

— Всё-таки я поищу себе какое-нибудь другое занятие,— вздохнул Бананито.

Пройдясь по комнате, Джельсомино остановился перед трёх-носым портретом, который некоторое время назад так озадачил Цоппино.

— Кто это?— удивился Джельсомино.

— Один очень важный придворный.

— Счастливчик! У него три носа! Наверное, он в три раза сильнее чувствует все вкусные запахи! Но почему всё-таки у него три носа?

— О, это целая история... Когда он заказал мне свой портрет, то поставил непереносимое условие, чтобы я изобразил его с тремя носами! Мы долго спорили. Я хотел нарисовать только один нос, потом посоветовал удовольствоваться хотя бы двумя. Но он заупрямился — или рисуя три носа, или сам останешься с носом! И вот что получилось: настоящее пугало, которое годится лишь на то, чтобы пугать капризных детей.

— Скажите, а вот эта лошадь,— спросил Джельсомино,— она тоже придворная?

— Лошадь? Разве вы не видите, что это самая настоящая корова?!

Джельсомино почесал в затылке.

— Может быть, это и корова, но для меня она остаётся самой настоящей лошадей. Точнее говоря, это была бы лошадь, будь у неё четыре ноги, а не тринадцать. Этих тринадцати ног хватило бы для трёх лошадей и ещё осталось бы для четвёртой.

— Но у любой коровы как раз тринадцать ног!— возразил Бананито.— Это знает каждый мальчишка!

Джельсомино и Цоппино переглянулись, вздохнули и прочли в глазах друг у друга одну и ту же мысль: «Будь перед нами лживый кот, мы быстро научили бы его мяукать. Но чему мы можем научить этого беднягу?»

— По-моему,— сказал Джельсомино,— картина станет гораздо лучше, если убрать с неё лишние ноги.

— Вот ещё! И все поднимут меня на смех! А критики посоветуют упрятать в сумасшедший дом... Теперь я вспомнил, зачем взял нож! Я хотел изрезать на куски все мои картины. Этим я сейчас и займусь!

Бананито снова схватил нож и с грозным видом подскочил к тому холсту, где в неопишемом беспорядке были нагромождены лошадиные ноги, которые он называл коровыми. Художник уже занес руку, чтобы нанести первый удар, но вдруг передумал.

— Ведь это труд многих месяцев!— вздохнул он.— Жаль уничтожить его собственными руками.

— Золотые слова!— подхватил Цоппино.— Когда у меня появится записная книжка, я непременно запишу их, чтобы не забыть. Но почему бы вам, прежде чем кромсать картины, не испробовать совет Джельсомино?

— Это верно!— воскликнул Бананито.— Ведь я ничего не теряю. Уничтожить картины я всегда успею.

И он ловко соскоблил с полотна пять ног из тринадцати.

— По-моему, уже гораздо лучше!— подбодрил его Джельсомино.

— Тринадцать минус пять — восемь,— сказал Цоппино.— Если бы лошадей было две, всё обстояло бы как нельзя лучше. Простите, я хотел сказать — коров.

— Ну что ж, стереть ещё несколько ног?— спросил Бананито.

И, не ожидая ответа, он соскоблил с картины ещё две ноги.

— Прекрасно!— воскликнул Цоппино.— Лошадь уже почти как живая!

— Значит, помогает?

— Оставьте только четыре, и посмотрим, что будет.

Когда ног осталось четыре, с холста вдруг раздалось радостное ржание, и в тот же миг лошадь спрыгнула с картины на пол и лёгкой рысцой прошлась по комнате.

— И-и-го-го! Наконец-то я на свободе! До чего же тесно было в этой раме!

Пробегая мимо зеркала, висевшего на стене, лошадь придиричиво оглядела себя с ног до головы, потом в восторге заржала:

— Какая красивая лошадь! Я действительно красивая! Синьоры, я бесконечно благодарна всем вам! Окажетесь в моих краях — заходите в гости. Я с удовольствием вас покатаю!

— В каких краях? Эй, подожди!— закричал ей вдогонку Бананито.

Но лошадь уже была за дверью, на лестнице. Послышался цокот её копыт по ступенькам, и минуту спустя наши друзья увидели из окна, как гордое животное пересекло переулок и направилось в открытое поле.

От волнения Бананито даже вспотел.

— Честное слово!— воскликнул он.— Это и в самом деле была лошадь! Уж если она сама об этом заявила, волей-неволей приходится верить. И подумать только, что в школьной азбуке лошадь нарисована рядом с буквой «К»— КОРОВА!

— Скорее, скорее!— в восторге замыкал Цоппино.— Берись за другие картины!

Бананито подошёл к верблюду, у которого было так много горбов, что его портрет напоминал пустыню с уходящими вдаль песчаными холмами. Художник стал соскабливать с холста все горбы, пока не осталось только два.

— Он становится гораздо красивее,— бормотал Бананито, лихорадочно работая ножом.— Нет, этот портрет положительно становится лучше. Как вы думаете, он тоже оживёт?

— Когда верблюд будет совсем похож на настоящего, то непременно оживёт,— заверил его Джельсомино.

Но пока верблюд не желал сходить с холста, и вид у него был равнодушный и невозмутимый, словно разговор шёл вовсе не о нём.

— Хвосты!— вдруг закричал Цоппино.— У него же три хвоста! Этого хватит на целое верблюжье семейство!

Когда были убраны лишние хвосты, верблюд величаво сошёл с холста, облегчённо вздохнул и бросил благодарный взгляд в сторону Цоппино.

— Хорошо, что ты обратил внимание на хвосты,— сказал он,— чего доброго, я мог навеки остаться в этой каморке. Не знаете случайно, нет ли поблизости каких-нибудь пустынь?

— Есть одна в центре города,— сказал Бананито.— Это самая большая из наших городских пустынь, но сейчас она, кажется, уже закрыта.

— Он хочет сказать «сад»,— объяснил Цоппино верблюду.— А до настоящих пустынь отсюда не меньше двух-трёх тысяч километров. Смотри только не попадайся на глаза полицейским, не то угодишь в зоопарк.

Прежде чем уйти, верблюд тоже погляделся в зеркало и остался очень доволен. Через минуту он уже рысцей бежал по переулку. Ночной стражник, увидевший его, не поверил своим глазам и начал изо всех сил щипать себя, чтобы проснуться.

— Видно, я старею, — решил он, когда верблюд исчез за углом, — мало того, что засыпаю во время дежурства, мне ещё снится, будто я попал в Африку. Нужно взять себя в руки, не то меня уволят!

Теперь Бананито не остановила бы даже угроза смертной казни. Работая своим ножом, он кидался от картины к картине и радостно восклицал:

— Вот это хирургия! За десять минут я сделал больше операций, чем все профессора в больнице за десять дней.

А картины, когда с них соскабливали ложь, хорошели одна за другой. Они становились красивыми, правдивыми и... оживали! Собаки, овцы, козы выпрыгивали из рам и разбегались кто куда.

И только одну-единственную картину художник разрезал на мелкие кусочки. Это был портрет того придворного, который требовал, чтобы его непременно нарисовали с тремя носами. Уж очень Бананито боялся, что, став, одноносым, придворный выскочит из рамы и задаст художнику головоломку за то, что он посмел послушаться его.

Джельсомино помогал Бананито кромсать злополучную картину, и вдвоём они так расправились с нею, что она превратилась в сплошные лохмотья.

А Цоппино тем временем принялся шнырять по комнате, явно выискивая что-то. По его разочарованной мордочке было видно, однако, что он никак не может найти то, что хочет.

— И лошади, и верблюды, и придворные... — ворчал он. — Нет, чтобы нарисовать где-нибудь хоть кусочек сыра! Мыши и те удрали с этого чердака. Оно и понятно — запах нищеты ещё никому не приходился по вкусу. Голод — это штука почище крысиной отравы.

Роясь в каком-то тёмном уголке, Цоппино нашёл маленькую, покрытую толстым слоем пыли картину. На обратной стороне её пристроилась сороконожка. Когда её побеспокоили, она, быстро перебирая всеми своими сорока лапками, побежала прочь. Ножек у неё было действительно сорок, так что Бананито трудно было бы погрешить против истины, вздумай он нарисовать её.

На картине была изображена тарелка, а на ней какое-то диковинное животное, что-то вроде другой сороконожки. Но будь у этого животного только две ноги, все сразу бы узнали в нём жареную курицу.

«Славная картина! — подумал Цоппино. — Пожалуй, я не возражал бы, если б она ожила именно в таком виде, без всяких изменений. От курицы с двумя дюжинами ножек не отказалась бы

ни одна кухарка, ни один хозяин харчевни, не говоря уже о проголодавшемся котёнке. Отрежь от такой курицы десяток ножек — и тем, что останется, вполне можно накормить ещё троих».

Цоппино приволок картину к Бананито, чтобы он и над ней поработал своим ножом.

— Но курица жареная! — запротестовал художник. — Она не ожи- вёт!

— Вот-вот! Нам и нужна жареная! — ответил Цоппино.

Тут Бананито не мог возразить. К тому же он вспомнил, что и сам уже сутки ничего не ел, занявшись своими картинами. Курица, правда, не закудахтала, но зато выплыла из рамы такой ароматной и аппетитной, будто её только что вынули из духовки.

— Твоя слава художника ещё вся впереди, — сказал Цоппино, надкусывая крылышко (обе лапки он оставил Джельсомино и Бана- нито), — а как повар ты уже великолепен!

— Эх, если бы раздобыть ещё и немного вина к этой закуске! — заметил вдруг Джельсомино. — Но все харчевни уже закрыты... Впрочем и днём мы всё равно не могли бы ничего купить — ведь у нас нет денег.

— Что верно, то верно, — заметил Цоппино и добавил, обращаясь к Бананито: — А почему бы тебе не нарисовать, скажем, бутыл с вином?.. Или хотя бы небольшую бутылочку?

— Я попробую! — обрадовался художник.

Он набросал на холсте бутылку итальянского «кьянти» и рас- красил её. Рисунок получился таким удачным, что если бы Джельсомино не успел прикрыть горлышко рукой, то вино, которое сильной струёй забило из него, полилось бы прямо на пол.

Трое друзей выпили сначала за художников, потом за певцов и наконец за котят. Когда пили за котят, Цоппино вдруг погрузился и его долго пришлось упрасивать, чтобы он поделился своей печалью.

— В сущности, — признался он наконец, — я такой же ненормаль- ный котёнок, как и те животные, что были полчаса назад на этих полотнах. Ведь у меня только три лапки. И я даже не могу сказать при этом, что потерял четвёртую лапку на войне или под трамваем, потому что это было бы неправдой. Вот если бы Бананито...

Ему не пришлось продолжать. Бананито тут же схватил кисть и в два счёта нарисовал такую красивую переднюю лапу, что от неё не отказался бы и сам Кот в сапогах. Но замечательнее всего было то, что лапка сразу же заняла своё место на теле Цоппино и он сперва неуверенно, а потом всё смелее стал расхаживать по каморке.

— Ах, как прекрасно! — мяукал он. — Я просто не узнаю себя! Я стал совсем другим! Совсем другим! Не сменить ли мне ради такого случая имя?

— До чего же я глуп! — воскликнул Бананито, хлопая себя по

лбу.— Нарисовал тебе лапку масляной краской, а ведь остальные нарисованы мелом.

— Ничего страшного,— ответил Цоппино,— пусть остаётся. И горе тому, кто посмеет её тронуть! А имя я менять не буду! Оно, если разобраться, очень идёт ко мне,— ведь другая моя лапка укоротилась по крайней мере на два-три сантиметра, когда я писал на стенах.

Вечером Бананито уложил Джельсомино на свою кровать, а сам, несмотря на все его протесты, растянулся на полу, на груде старых холстов. А Цоппино — тот устроился в кармане пальто, висевшего около двери, и в ту же минуту заснул сладким сном.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

*в которой Цоппино читает газету и узнаёт из неё
скверные новости*

На другой день рано утром Бананито захватил мольберт и кисти и, полный творческих замыслов, вышел на улицу. Ему не терпелось поскорее показать своё искусство людям. Джельсомино ещё спал, и провожать художника отправился только Цоппино. По дороге котёнок дал Бананито несколько советов:

— По-моему, лучше всего рисовать цветы. Я уверен, что если ты начнёшь продавать их, то вернёшься домой с целым мешком фальшивых денег, без которых никак не обойтись в этой дурацкой стране. Старайся рисовать цветы, которые ещё не распустились и которых нет в цветочных магазинах. И ещё об одном не забудь — ни в коем случае не рисуй мышей. Иначе всех покупателей распугаешь. Я говорю это для твоей же пользы. Меня-то мыши, сам понимаешь, вполне устроили бы!

Расставшись с Бананито, Цоппино купил газету.

«Джельсомино, наверное, будет интересно узнать, что пишут о его концерте»,— подумал он.

Газета называлась «Вечерняя ложь» и, понятно, вся состояла из ложных и настоящих, но вывернутых наизнанку новостей.

В газете была, например, заметка, которая называлась «Блестящий успех бегуна Персикетти». В ней говорилось:

«Известный чемпион по бегу в мешках Флавио Персикетти пришёл вчера первым на десятом этапе гонки вокруг королевства, опередив на десять минут Ромоло Барони, пришедшего вторым, и на тридцать минут пятьдесят секунд Пьеро Клементини, пришедшего третьим. Группу бегунов, стартовавшую часом позже, в последнюю минуту опередил Паскуалио Бальзимелли».

«Что же здесь странного?— удивитесь вы.— Бег в мешках такое

же спортивное состязание, как и всякое другое, только гораздо веселее, чем, скажем, велосипедные или автомобильные гонки».

Всё это верно, но все читатели «Вечерней лжи» прекрасно знали, что на самом деле никакого состязания не было и в помине, а Флавио Персикетти, Ромоло Барони, Пьеро Клементини и Паскуалино Бальзимелли никогда в жизни не забирались в мешки и не видели бега наперегонки даже во сне.

На самом деле всё происходило так. Каждый год «Вечерняя ложь» устраивала состязание по бегу в мешках по этапам. Победить в этом состязании было не так-то просто. Самые тщеславные люди, жаждавшие увидеть своё имя в газете, платили «Вечерней лжи» за то, чтобы она записала их в число участников состязания.

А чтобы стать победителем на каком-нибудь этапе, нужно было ещё каждый день вносить определённую сумму. Таким образом, побеждал тот, кто платил больше всех. Тут уж газета не скупилась на описание героя и, рассыпаясь в похвалах, изображала победителя сверхчемпионом.

Понятно, что к финишу участники состязания приходили в том же порядке, в каком росли их денежные взносы.

В те дни, когда взносы эти казались газете слишком скромными, она мстила участникам состязания, говоря, что они спят на ходу, что не те пошли бегуны, что состязание превратилось в сплошной скандал и что чемпионы, вроде Персикетти или Барони, должны серьёзно отнестись к бегу на оставшихся этапах, если ещё хотят сохранить симпатии публики.

Синьор Персикетти был владельцем кондитерской фабрики, и каждое упоминание его имени в газете служило ему рекламой для его конфет. Так как синьор Персикетти был невероятно богат, то он почти всегда прибывал к финишу первым, намного опережая других. У финиша, как писала газета, ему устраивали чествования, подносили цветы, целовали... А по ночам под окнами его гостиницы собирались болельщики, чтобы петь ему серенады. Так по крайней мере говорилось в газете. Вы, конечно, понимаете, что болельщики, которые ни за кого не болели и не умели играть даже на барабанах, на самом деле преспокойно похрапывали в своих постелях.

На той же странице газеты Цоппино увидел и такой заголовок: «Не страшная трагедия на улице Корнелии. Пять человек не умирают, а десять других не ранены». В сообщении говорилось:

«Вчера на десятом километре улицы Корнелии два автомобиля, двигавшиеся не с большой скоростью в противоположных направлениях, не столкнулись. В столкновении, которого не было, не убито пять человек (перечислялись имена). Другие десять человек не ранены, поэтому не пришлось отправить их в больницу (перечислялись имена)».

Это сообщение, к сожалению, было не ложным, а только вывернутым наизнанку. В действительности всё произошло совсем наоборот.

Точно так же газета писала и о концерте Джельсомино. Из статьи можно было узнать, например, что «знаменитый певец за весь концерт не проронил ни звука». Газета помещала также фотоснимок развалин театра с такой подписью: «Как читатель может видеть своими ушами, с театром ровно ничего не случилось».

Читая «Вечернюю ложь», Джельсомино и Цоппино порядком развеселились и смеялись до упаду. В газете была даже литературная страница, где друзья обнаружили вот такое стихотворение:

В Пистойе как-то повар
Беседовал с лисой:
«Ах, если бы ты знала,
Куда вкуснее сала
Бульон из одеяла,
Когда его хлебают
Лопатой большой!
Ах, если бы ты знала,
Как пользы людям мало
Даёт зубная паста!
Тебе ведь нипочём,
Что зубы можно чистить
Железным молотком!
Ну вот и всё. И баста».

— Тут нет ответа лисы,— заметил Цоппино,— но я отлично представляю, как ей стало смешно.

В этот день на последней странице газеты в конце последней колонки было помещено короткое сообщение со скромным заголовком «Опровержение».

Джельсомино прочёл его:

«Категорически отрицается, что сегодня в три часа ночи в Колодезном переулке полиция арестовала синьору тётушку Панноккью и её племянницу Ромолетту. Эти две особы не были отправлены около пяти часов утра в сумасшедший дом, как полагают некоторые». И подпись: «Начальник полиции».

— Начальник лгунов!— воскликнул Цоппино.— А эта заметка означает, что обе они, бедняжки, сидят сейчас в сумасшедшем доме. Ах, сердце мне подсказывает, что это случилось из-за меня!

— Смотри,— перебил его Джельсомино,— ещё одно опровержение. Прочти-ка его.

На этот раз опровержение прямо касалось Джельсомино. В нём говорилось:

«Неправда, что полиция разыскивает знаменитого певца Джельсомино. Для этого у полиции нет ни малейшего основания, потому что Джельсомино совсем не обязан отвечать за ущерб, причинённый им городскому театру. Каждый, кто узнает, где скрывается Джель-

сомино, не должен сообщать об этом полиции под страхом сурового наказания».

— Дело дрянь!— решил котёнок.— Тебе, Джельсомино, лучше теперь не показываться на улице. А за новостями отправлюсь я.

Джельсомино не очень-то улыбалось отсиживаться дома, но Цоппино был прав. Когда он ушёл, Джельсомино растянулся на кровати и решил, что ему остаётся набраться терпения и волей-неволей провести весь день в праздности.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

*из которой вы узнаете о том, что правда
в Стране Лгунов — это болезнь*

Мы расстались с тётушкой Панноккьей в тот момент, когда она наслаждалась мяуканьем своих котов. Тётушка была счастлива, словно музыкант, который отыскал вдруг неизвестную симфонию Бетховена, лет сто пролежавшую в ящичке стола. А Ромолетту мы оставили в ту минуту, когда она, показав Цоппино дорогу к дому художника, бегом возвращалась домой.

Через несколько минут тётушка и племянница уже спокойно спали в своих постелях. Они и не подозревали, что письма синьора Калимеро уже привели в движение сложную машину городской полиции. В три часа ночи одно из колёс этой машины в образе целого взвода бесцеремонных полицейских ворвалось в дом к тётушке Панноккье. Они заставили старую синьору и маленькую девочку быстро одеться и потащили их в тюрьму.

Начальник полиции передал обеих арестованных в руки начальника тюрьмы и хотел было отправиться спать. Но он совсем забыл, что его коллега отличается невероятной дотошностью.

— Какие преступления совершили эти две osoby?

— Старуха учила собак мяукать, а девочка делала надписи на стенах. Это очень опасные преступники. Я бы на вашем месте посадил их в подполье и приставил к ним усиленную охрану.

— Я сам знаю, что мне делать,— ответил начальник тюрьмы.— Послушаем-ка, что скажут обвиняемые.

Первой допросили тётушку Панноккью. Арест не испугал её. Да ничто на свете не могло теперь нарушить её счастья — ведь семеро её котов запели наконец своими природными голосами! Тётушка Панноккья очень спокойно ответила на все вопросы.

— Нет, мяукали не собаки. Мяукали коты.

— В донесении говорится, что это были собаки.

— Это были коты. Знаете, из тех, что ловят мышей.

— Вы хотите сказать — львов? Но львов-то ловят как раз собаки.

— Нет, синьор, мышей ловят коты. Коты, которые мяукают. Мои семеро тоже сначала лаяли, как все остальные в городе. Но сегодня ночью они в первый раз замяукали.

— Эта женщина сошла с ума,— сказал начальник тюрьмы.— А таких мы сажаем в сумасшедший дом. Так что вы нам говорили, синьора?

— Я говорила правду, чистую правду.

— Ну, вот видите, дело ясное! — воскликнул начальник тюрьмы.— У неё буйное помешательство. Я не могу поместить её к себе. Моя тюрьма — только для нормальных людей. А тем, кто рехнулся, место в сумасшедшем доме.

И, несмотря на все протесты начальника полиции, которому так хотелось поскорее освободиться, чтобы поспать, он перепоручил ему тётушку Панноккью и её дело. Затем стал допрашивать Ромолетту:

— Правда ли, что ты делала надписи на стенах?

— Да, правда.

— Слышали?— воскликнул начальник тюрьмы.— Она тоже свихнулась. В сумасшедший дом! Забирайте их обеих и оставьте меня в покое. Мне некогда терять время со всякими умалишёнными.

Позеленев от злости, начальник полиции посадил обеих пленниц в фургон и повёз их в сумасшедший дом. Там от них не стали отказываться и посадили новых пациенток в большую палату, где уже было много других сумасшедших. Все они попали сюда тоже только за то, что неосторожно сболтнули где-то правду.

Но этой ночью произошли ещё и другие интересные события.

Начальник полиции, вернувшись к себе в кабинет, нашёл там... кого бы вы думали? Улыбаясь одной из своих самых отвратительных улыбок, теребя в руках шляпу, его подждал Калимеро Денежный Мешок.

— А вам что угодно?

— Ваше превосходительство,— пробормотал Калимеро, низко кланяясь и ещё более расплываясь в улыбке,— я пришёл к вам, чтобы получить сто тысяч фальшивых талеров... вознаграждение за то, что я помог арестовать врагов нашего короля.

— Ах, так это вы писали письма?— сказал начальник полиции и на минутку задумался.— А правда ли то, что вы писали?

— Ваше превосходительство,— воскликнул Калимеро,— это истинная правда, клянусь вам!

— Вот как!— в свою очередь воскликнул начальник полиции, и на его лице появилась прехитрая улыбка.— Значит, вы утверждаете, что писали правду? Друг мой, я сразу понял, что вы немного

того... А теперь вы сами подтвердили мне это. Извольте отправляться в сумасшедший дом!

— Ваше превосходительство, что вы!— закричал Калимеро. В отчаянии он швырнул на пол свою шляпу и затопал ногами:— Это несправедливо! Я друг лжи! Я и в письмах писал об этом!

— Друг лжи? И это правда?

— Правда! Клянусь вам! Чистая правда!

— Ну вот, вы снова попались!— торжествуя сказал начальник полиции.— Вы два раза уже поклялись мне, что говорите правду. А теперь перестаньте шуметь и отправляйтесь в сумасшедший дом. Там у вас будет достаточно времени, чтобы успокоиться. Пока же вы буйный сумасшедший, и я не имею права оставить вас без надзора. Это значило бы нарушить все правила общественной безопасности.

— Вы хотите прикарманить мои денюжки!— закричал Калимеро, барахтаясь в крепких руках дежурных полицейских.

— Вы слышите? У него начинается приступ. Наденьте на него смирительную рубашу и заткните рот. Ну, а что касается... кхе-кхе... вознаграждения, то даю слово, он не увидит ни сольдо, пока на моём мундире найдётся хоть один карман!

Так и Калимеро, вслед за жертвами своего доноса, попал в сумасшедший дом. Там его, как буйнопомешанного, посадили в отдельную палату, обитую войлоком.

Начальник полиции собрался было наконец соснуть, как вдруг зазвонили телефоны и со всех концов города посыпались сообщения:

— Алло! Полиция? У нас появилась мяукающая собака... Её слышно по всей округе... Могут быть неприятности... Пришлите срочно кого-нибудь.

— Алло! Полиция? Куда смотрит ваша живодёрная команда? У меня в подъезде уже полчаса мяукает какой-то пёс. Если он просидит там до утра, никто не посмеет носа высунуть из дома... Чего доброго, он ещё кусаться начнёт...

Начальник полиции немедленно вызвал два отряда живодёров-полицейских, разделил их на несколько групп и выслал на поиски мяукающих собак, или, как вы уже догадались, семи котов тётушки Панноккьи.

Не прошло и получаса, как был схвачен первый нарушитель городского спокойствия. Им оказался маленький котёнок. Он до того увлёкся мяуканьем, что даже не заметил, как его окружили, а когда увидел наконец вокруг себя много народу, то решил, что люди собрались, чтобы послушать его, и замаякал пуще прежнего.

Один из живодёров, фальшиво улыбаясь, осторожно приблизился к нему, погладил по спинке, а потом быстро схватил за шиворот и сунул в мешок.

Второго из семи котов пришлось стаскивать с мраморной лошади

какого-то памятника, откуда он произносил речь перед небольшой группой кошек, призывая их вернуться к мяуканью. Но кошки глядели на него с недоверием, мрачно посмеиваясь, и радостно залаяли, когда оратора взяли в плен.

Третьего кота захватили, подслушав его спор с какой-то собакой:

— Глупая, зачем ты мяукаешь?

— А что я, по-твоему, должна делать? Я кошка, вот и мяукаю,— отвечала собака.

— Ох, какая же ты глупая! Ты когда-нибудь видела себя в зеркале? Ведь ты же собака и должна лаять, а я кот и мне полагается мяукать. Вот послушай: мяу! мяу! мяу!

Словом, кончили они тем, что поругались, и живодёры без особого труда упрятали в мешок их обоих. Правда, собаку они потом выпустили, потому что ей положено было мяукать.

Затем изловили четвёртого, пятого и шестого котов.

— Ну, а теперь остаётся только один,— решили вконец измученные живодёры. И каково же было их удивление, когда через несколько часов они обнаружили не одного, а сразу двух мяукающих котов!

— Их стало больше,— с беспокойством заметил один живодёр.

— Должно быть, мяуканье заразительно,— ответил другой.

Из этих двух котов один был воспитанником тётушки Паннокки, а другой оказался тем самым Тузиком, которого мы встретили в одной из предыдущих глав.

Тузик после некоторых размышлений пришёл к выводу, что Цоппино, пожалуй, был прав, когда советовал ему вернуться

к мяуканью. Действительно, раз попробовав, он, как ни старался, больше уже не мог залаять. Тузик дал схватить себя без всякого сопротивления. Но седьмой кот, хоть и самый старый из всех, был ещё достаточно ловок, чтобы забраться на дерево. Там он почувствовал себя в безопасности и принялся потешаться над своими преследователями. Он чуть с ума их не свёл, потому что целый час распевал лучшие арии кошачьего репертуара.

Поглазеть на необычный спектакль собралось много народу. Как это всегда случается, зрители разделились на две партии. Одни, благомыслящие, поторапливали полицейских живодёров, чтобы те поскорее положили конец этому представлению. Другие, озорники, держали сторону кота, подзадоривали его и даже сами подпевали:

— Мяу! Мяу! Мяу!

Вокруг дерева собралось уже множество котов. Они изо всех сил лаяли на своего коллегу: одни — из зависти, другие — от злости... Но то и дело кто-нибудь из них всё-таки не выдерживал и тоже начинал мяукать. Полицейские тут же хватали провинившегося и сажали в мешок.

Только с помощью пожарных удалось согнать с дерева упрямого мяукальщика. Пожарные подожгли дерево, и толпа, таким образом, насладилась ещё и зрелищем небольшого пожара.

Мяукающих котов, когда подсчитали, оказалось целых двадцать штук. Всех их отправили в сумасшедший дом. Ведь они тоже по-своему, по-кошачьи говорили правду,— значит, были сумасшедшими.

Начальник сумасшедшего дома даже растерялся: шутка ли — разместить столько котов! Поразмыслив немного, он решил посадить их в палату к Калимеро Денежному Мешку.

Вы представляете, конечно, как обрадовался жалкий доносчик этой компании, которая напомнила ему о причине всех его несчастий!

За какие-нибудь два часа он и в самом деле сошёл с ума и принялся мяукать и мурлыкать. Ему всерьёз стало казаться, что он кот. И когда какая-то легкомысленная мышка пробежала по комнате, Калимеро изловчился и первым настиг её. Но мышка оставила у него в зубах хвостик и юркнула в щель.

Цоппино разузнал все эти новости и уже возвращался домой, как вдруг услышал голос своего приятеля. Джельсомино вовсю распевал одну из своих песенок, доставивших ему столько хлопот.

«На этот раз,— подумал Цоппино,— готов спорить на все три лапы, вместе с новой в придачу, что Джельсомино уснул и видит сладкие сны. Если я не поспешу, полицейские разбудят его раньше меня».

Возле дома Цоппино увидел большую толпу, которая собралась, чтобы послушать Джельсомино. Все стояли молча, не двигаясь. Время

от времени в соседних домах вылетали стёкла, но никто не выглядывал из окон и не учинял скандала. Чудесное пение Джельсомино, казалось, околдовало всех. Цоппино заметил в толпе даже двух молодых полицейских. На их лицах тоже было написано восхищение. Полицейские, как вы сами понимаете, должны были бы схватить Джельсомино, но они и не собирались этого делать.

К сожалению, к дому приближался начальник полиции, прокладывая себе дорогу среди толпы ударами хлыста. У начальника полиции не было музыкального слуха, и пение Джельсомино на него не действовало.

Цоппино вихрем взметнулся по лестнице и пулей влетел на чердак.

— Вставай! Вставай!— замяукал он и принялся щекотать нос Джельсомино кончиком хвоста.— Концерт окончен! Подходит полиция!

Джельсомино открыл глаза, протёр их хорошенько и спросил:

— Где я?

— Могу тебе сказать, где ты сейчас окажешься, если не сдвинешься с места,— ответил Цоппино.— В тюрьме!

— Я опять пел?

— Быстрее! Будем удирать по крышам!

— Ты рассуждаешь как настоящий кот. А я не очень-то привык скакать по черепицам.

— Ничего. Будешь придерживаться за мой хвост.

— А куда побежим?

— Во всяком случае, подальше отсюда. Куда-нибудь да попадём.

Цоппино выпрыгнул из окна каморки прямо на крышу, что была внизу, и Джельсомино оставалось только последовать за ним, закрыв глаза, чтобы голова не кружилась.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*из которой вы узнаете историю
Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту*

По счастью, дома́ в городе теснились один к другому, как сельди в бочке, и Джельсомино довольно легко перескакивал с крыши на крышу. Что же касается Цоппино, то он предпочёл бы, чтоб дома стояли подальше друг от друга: тогда он мог бы совершить хоть один прыжок, достойный его кошачьего звания. Но вдруг у Джельсомино подвернулась нога, он полетел вниз и свалился на небольшую террасу, где какой-то старичок поливал цветы.

— Простите, пожалуйста!— воскликнул Джельсомино, потирая

ушибленное колено.— Я совсем не собирался попадать к вам таким образом.

— Ну что вы, что вы!— просто ответил старичок.— Я очень рад вашему приходу! Что с вами? Вы ушибли ногу? Надеюсь, ничего страшного?

В это время, свесившись с крыши, на террасу заглянул Цоппино.

— Разрешите?— мяукнул он.

— Ах, ещё один гость!— обрадовался старик.— Пожалуйста, пожалуйста! Я очень рад!

Тем временем коленка Джельсомино распухла прямо на глазах.

— Вот только мне очень жаль,— сказал старик,— что у меня нет ни одного стула, чтобы усадить вас.

— Тогда давайте положим его на кровать,— предложил Цоппино,— если вы не возражаете, конечно.

— Беда в том, что у меня и кровати нет,— ответил старик, совсем расстроившись,— я сейчас схожу к соседу и попрошу у него кресло.

— Нет, нет,— поспешно вмешался Джельсомино,— мне совсем неплохо и на полу.

— Тогда зайдите в комнату,— пригласил старик,— и будьте как дома, а я тем временем приготовлю кофе.

Комната старика была маленькой и чистенькой. Мягко поблёскивала красивая мебель — стол, буфет, шкаф. Но не было ни одного стула, не было и кровати.

— А что, разве вы никогда не садитесь?— спросил Цоппино старика.

— Нет, не приходится,— ответил он.

— И не спите?

— Почему же, сплю иногда. Стоя. Правда, очень редко. Не больше двух часов в неделю.

Цоппино и Джельсомино переглянулись, как бы говоря друг другу: «Ну, держись, сейчас он наплетёт нам с три короба...»

— Простите за нескромный вопрос,— продолжал Цоппино,— а сколько вам лет?

— Точно я и сам не знаю. Родился я лет десять тому назад, но сейчас мне, должно быть, не то семьдесят пять, не то семьдесят шесть.

По лицам гостей старик понял, что они не очень-то верят ему.

— Нет, я не лгу,— вздохнув, сказал он,— это неправдоподобная история, но в ней нет ни капли вымысла. Если хотите, я расскажу вам её, пока варится кофе.

— Моё настоящее имя,— начал он,— Бенвенуто, но люди зовут меня Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту...

И старичок рассказал, что он родился в семье старёвщика. Такого резвого и живого ребёнка ещё никому не доводилось

видеть. Едва он появился на свет, как выскочил из пелёнок и стал бегать по комнате. Вечером Бенвенуто положили в люльку, а утром обнаружили, что люлька уже мала ему и ноги мальчика торчат из неё.

— Видно,— сказал старьёвщик,— он торопится вырасти, чтобы скорее помочь семье.

Вечером Бенвенуто раздевали и клали в постель, а утром вчерашняя одежда уже не годилась ему — башмаки жали, а рубашки не налезали.

— Ну, это не так страшно,— говорила мать,— чего, чего, а уж тряпки-то в доме старьёвщика всегда найдутся. Сейчас я сошью ему новую рубаху.

За какую-то неделю Бенвенуто так вырос, что соседи посоветовали отправить его в школу. Мать послушалась и повела Бенвенуто к учителю, но тот не на шутку рассердился:

— Почему вы не привели его пораньше? Ведь сейчас уже зима. Кто же начинает учиться в середине учебного года?

Но когда мать объяснила ему, что Бенвенуто всего семь дней, учитель рассердился ещё больше:

— Семь дней? Уважаемая синьора, здесь — не ясли, а я — не нянька! Приходите через семь лет, тогда и поговорим.

Но тут он поднял свой нос от классного журнала и увидел, что Бенвенуто куда выше ростом любого из его учеников. Тогда он посадил мальчика на последнюю парту и принялся объяснять классу, что дважды два — четыре.

В полдень зазвенел звонок, все школьники вскочили из-за парт и выбежали из класса. Только Бенвенуто остался сидеть на своём месте.

— Бенвенуто,— позвал его учитель,— надо проветрить класс.

— Но мне не встать, синьор учитель.

Действительно, за четыре урока он так вырос, что крепко-накрепко застрял в парте. Пришлось позвать служителя, чтобы он помог ему выбраться.

На следующее утро для Бенвенуто поставили парту побольше, но, когда наступил полдень, он опять не смог встать. И эта парта стала ему тесна. Бенвенуто сидел в ней, словно мышь в мышеловке.

Пришлось позвать столяра, и тот расколол парту на части. Учитель тот просто за голову схватился.

— Завтра принесём для тебя парту из пятого класса,— сказал он и тут же отдал распоряжение.

— Ну, как теперь?— спросил он, когда парту принесли.

— Хорошо! Совсем свободно!— радостно ответил Бенвенуто, и, чтобы ему поверили, он несколько раз встал и сел. Но с каждым разом вставать ему было всё труднее и труднее. И в двенадцать

часов, когда прозвенел звонок, всё повторилось сначала, и опять пришлось звать столяра.

Директор школы и мэр города возмутились:

— Что случилось, синьор учитель? Вы разучились поддерживать дисциплину в классе! Почему в этом году парты у вас колются, словно орехи? Вам нужно как следует взяться за своих сорванцов. Мы не в состоянии каждый день покупать новые парты!

Старёвщику пришлось отвести своего сына к доктору и рассказать ему всё, как было.

— Посмотрим, посмотрим,— сказал доктор. Он надел очки, чтобы лучше видеть, и измерил рост Бенвенуто.

— Теперь,— сказал он,— садись.

Бенвенуто уселся на стул. Доктор подождал, пока пройдёт минута, и сказал:

— Встань.

Бенвенуто встал, и доктор снова измерил его вдоль и поперёк.

— Гм,— сказал он и, не поверив тому, что видит, протёр очки платком.

— Присядь-ка ещё разок.

Он проделал так несколько раз и наконец заключил:

— Это очень интересный случай. Мальчик болен какой-то новой болезнью. До сих пор ещё никто не болел ею. Болезнь заключается в том, что, когда ребёнок сидит, он быстро стареет. Каждая минута, проведённая сидя, равна для него целому месяцу. А лечение простое — нужно всегда быть на ногах, иначе за несколько недель мальчик превратится в белобородого старика.

После этого дня жизнь Бенвенуто совершенно перевернулась. В школе ему сделали особую парту, без сидения, чтобы он даже не пытался присесть. Дома его заставляли есть стоя. А вздумай он хоть минутку отдохнуть у камина, как тотчас раздавалось:

— Что ты делаешь! Захотел состариться раньше времени?

— Вставай, вставай! Посесть хочешь?

Ну а кровать?

Никаких кроватей, если он не хотел проснуться седым стариком. Пришлось Бенвенуто научиться спать стоя, как спят лошади. Вот из-за всего этого люди и прозвали его: Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту. Прозвище это так и осталось за ним на всю жизнь.

Но вот в один несчастный день заболел отец Бенвенуто. Вскоре, почувствовав, что умирает, он позвал к себе сына.

— Бенвенуто,— сказал он, прежде чем навсегда закрыть глаза,— теперь твой черёд помогать матери. Она старенькая и не может больше трудиться. Найди себе честную работу. Она не принесёт тебе вреда. Наоборот, благодаря работе ты долго останешься молодым. Ведь у тебя не будет времени, чтобы сидеть сложа руки.

На другой день Бенвенуто отправился искать работу. Но люди смеялись ему в лицо:

— Работу, говоришь? Нет, сынок, у нас не играют ни в мяч, ни в кегли. Ты ещё слишком мал, чтобы работать на фабрике.

— Работу? Но ведь нас оштрафуют. Закон запрещает брать на работу детей...

Бенвенуто не стал спорить. Он тут же нашёл выход из положения. Вернувшись домой, он уселся перед зеркалом и стал ждать.

— Доктор говорил, что стóбит мне присесть, как я постарею. Посмотрим, правда ли это...

Через несколько минут он заметил, что растёт — стали жать башмаки. Он скинул их и принялся рассматривать свои ноги — те удлинились прямо на глазах. Когда же Бенвенуто опять взглянул в зеркало, то страшно удивился:

— Кто этот черноусый юноша, что смотрит на меня? Мы, кажется, знакомы. Я где-то видел его...

Наконец он понял и рассмеялся:

— Да это же я! Я — только совсем взрослый! Но теперь лучше будет встать. Больше стареть пожалуй не стоит.

Он не стал больше обивать пороги фабрик, а просто выкатил из сарая отцовскую тележку и двинулся с ней по улице, громко крича на ходу:

— Тряпки-лохмотья! Тряпки-лохмотья!

— Какой славный молодой человек! Откуда ты пришёл в наши края? — спрашивали соседи, выглядывая из окон на его голос.

— Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту, это ты?!

— Да, соседи, это я! Я задремал на стуле и проснулся уже устатым!

Так Бенвенуто начал трудиться. И все люди любили его. Бенвенуто всегда был на ногах, всегда что-нибудь делал, всегда готов был каждому помочь — как тут не стать всеобщим любимцем! Однажды его хотели даже выбрать в мэры города:

— Вот такой человек нам и нужен — чтобы не любил засиживаться в кресле.

Но Бенвенуто не захотел стать мэром.

А потом умерла и его мать, и тогда он подумал: «Теперь я совсем один. Сидеть без дела я всё равно не смогу, потому что быстро состарюсь. Пойду-ка лучше бродить по свету, посмотрю, где что делается».

Так он и сделал: взял тележку с тряпками и, недолго думая, отправился в дорогу. Счастливый, он дни и ночи мог шагать без усталости. Немало интересного увидел он на своём пути, немало людей повстречал.

— Ты очень славный парень, — говорили ему встречные, — присядь, поболтай с нами.

— Поболтать можно и стоя,— отвечал Бенвенуто.

Шёл он, шёл и всё не старел. Но вот однажды проходил он мимо какой-то бедной лачуги и, заглянув в окно, увидел картину, от которой у него сжалось сердце. В кровати лежала больная женщина, а на полу возились маленькие ребятишки. Они ревели во всё горло, стараясь перекричать друг друга.

— Молодой человек,— сказала женщина, увидев его,— если вы не очень торопитесь, зайдите на минутку к нам в дом. Мне не пошевельнуться, и я не могу укачивать детей, а каждая их слеза для меня всё равно что нож в сердце.

Бенвенуто вошёл в комнату, взял на руки одного из малышей, походил с ним взад и вперёд и убаюкал его. Таким же манером он успокоил и остальных. Но последний, самый маленький, никак не хотел засыпать.

— Присядьте на минутку,— посоветовала женщина,— и подержите его на руках. Присядьте и увидите — он уснёт.

Бенвенуто сел на скамеечку около камина, и плакавший ребёнок сразу же утих. Он был такой славный, что Бенвенуто принялся играть с ним и даже спел ему песенку.

— Спасибо вам от всего сердца!— сказала женщина, когда ребёнок уснул.— Я уже так отчаялась, что мне и жизнь немила стала.

— О, не говорите таких вещей даже в шутку!— ответил Бенвенуто.

Собираясь уходить, он случайно взглянул в зеркало на стене и увидел у себя седую прядь волос.

«Я и забыл совсем, что старею, когда сижу»,— мелькнуло у Бенвенуто. Но потом он расправил плечи, ещё раз взглянул на сладко спавших детей и пошёл своей дорогой.

В другой раз он проходил ночью через какую-то деревушку и, увидев в одном из домиков свет, заглянул в окно. В комнате стоял ткацкий станок, а за ним работала девушка и тяжело вздыхала.

— Что с вами?— спросил её Бенвенуто.

— Ох, я не сплю уже третью ночь... А к завтрашнему дню мне непременно нужно соткать этот коврик. Если я не успею, мне ничего не заплатят, и тогда всей нашей семье придётся голодать. У меня могут даже отнять станок. Ах, чего бы я не отдала, чтобы поспать хоть полчаса!

«Полчасика — это всего тридцать минут,— подумал Бенвенуто.— Пожалуй, тридцать минут я вполне мог бы поработать за девушку».

— Знаете что,— сказал он вслух,— идите-ка спать, а я заменю вас. Мне почему-то нравится этот станок. А через полчаса я вас разбужу.

Девушка прилегла на лавку и в ту же минуту уснула. Бенвенуто начал работать. Прошло полчаса, но разбудить девушку он не ре-

шился. Каждый раз, когда он подходил к ней, ему казалось, что ей снятся прекрасные сны.

Занялся рассвет, взошло солнце и разбудило девушку.

— Я проспала всю ночь! А вы работали!

— Э, пустяки! Я не скучал.

— У вас даже голова запылилась...

«Трудно сказать, на сколько лет я постарел сегодня»,— подумал Бенвенуто, но не почувствовал никакого сожаления. Он успел соткать коврик, и девушка была теперь самым счастливым человеком на свете.

В другой раз Бенвенуто довелось повстречаться с одним старым-престарым стариком.

— Мне так жаль,— говорил старик, вздыхая,— мне так жаль, что приходится умирать, не сыграв напоследок в карты. Все мои друзья уже умерли.

— Ну, если дело только за этим,— сказал Бенвенуто,— то в подкидного я тоже умею.

И они стали играть. Бенвенуто не хотел садиться, но старик вдруг раскричался на него:

— Ты нарочно остался стоять, чтобы подсматривать сверху в мои карты! Хочешь нечестно обыграть меня! Хочешь воспользоваться тем, что я бедный, несчастный старик!

И Бенвенуто, как упал от неожиданности на стул, так и не вставал с него до конца игры. Он так растерялся, что перепутал карты и проиграл. А старик потирал руки от удовольствия, словно мальчишка, наворовавший груш.

— Ещё разок!— весело предложил он.

Бенвенуто хотел было подняться с этого стула, который отнимал у него дни, месяцы, а может быть, и годы жизни, но ему не хотелось огорчать бедного старика. Он продолжал сидеть и проиграл во второй раз, а затем и в третий. Старик, казалось, помолодел от радости.

— Эти годы он взял у меня,— пробормотал Бенвенуто, глядя на себя в зеркало. Волосы его словно покрылись инеем.— Ну ничего,— утешал он себя,— кто знает, сколько уже времени этот старик мечтал поиграть в карты...

И так каждый раз, когда нашему Бенвенуто случалось присесть, чтобы помочь кому-нибудь, у него седели волосы. Потом у него постепенно согнулась спина, точно дерево под сильным ветром, и потускнели глаза. Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту старел. Скоро у него уже не осталось ни одного тёмного волоса. Люди, знавшие его историю, говорили:

— Много же пользы принесли тебе твои добрые дела, Бенвенуто! А ведь думай ты только о себе, был бы ты сейчас молодым парнем.

Но Бенвенуто не соглашался с такими речами. Каждый седой

волос напоминал ему о каком-нибудь добром деле. Так о чём же ему было жалеть?

— Ты мог бы сохранить жизнь для себя, а не раздавать её всем понемножку,— говорили ему соседи.

Но Бенвенуто только улыбался и качал головой. Он думал о том, что каждый седой волос помог ему найти нового друга, и таких друзей у него были тысячи и тысячи. Бенвенуто не знал устали в своих странствиях, хоть и опирался теперь на палку и часто останавливался, чтобы передохнуть.

— Скитался я, скитался, попал вот в эту страну и решил в ней поселиться,— закончил свой рассказ Бенвенуто,— и здесь я продолжаю заниматься отцовским ремеслом — ремеслом старьёвщика.

— Но ведь на свете сколько угодно других стран,— удивился Цоппино,— почему бы вам не выбрать какую-нибудь получше этой?

Бенвенуто улыбнулся:

— В этой стране люди нуждаются в моей помощи больше, чем в любой другой. Это ведь самая несчастная страна на свете. Значит, тут мне и место.

— Как это верно!— воскликнул Джельсомино. Он растрогался до слёз, слушая рассказ старика.— Вот самый правильный путь! Теперь я знаю, что мне делать с моим голосом. Он должен помогать людям, а не приносить им несчастья.

— Ну, это тебе будет нелегко,— заметил Цоппино,— например, не вздумай напевать колыбельную песенку — детишки только пуще разревутся. Ведь твой голос способен перебудить целую страну.

— Но будить спящих тоже бывает иногда очень полезно,— заметил Бенвенуто.

— Этим я и займусь!— решительно заявил Джельсомино, стукнув кулаком об пол.

— Нет, сначала ты займёшься своим коленом,— сказал Цоппино.

Колено действительно всё распухало и распухало. Джельсомино уже не мог ни ходить, ни стоять. Тогда решили, что он, пока не поправится, будет жить у Бенвенуто. Ведь он почти никогда не спал и мог позаботиться о том, чтобы Джельсомино не распевал во сне и не угодил таким образом в лапы полиции.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Бананито переселяется в тюрьму и готовит себе завтрак при помощи карандаша

Бананито, как вы помните, вышел рано утром из дома и пошёл куда глаза глядят. У него не было никаких определённых планов.

Просто ему хотелось поскорее что-нибудь нарисовать, чтобы показать всем своё мастерство.

Привратники, орудуя шлангами, поливали водой улицы. Они перебрасывались шутками с рабочими, которые, нажимая на педали велосипедов, спешили на фабрику, ежеминутно рискуя попасть под холодный душ. Утро было ясным и светлым. Бананито чувствовал, как в его голове бродят тысячи великолепных замыслов. Внезапно ему почудился необыкновенный аромат и показалось, что среди булыжников мостовой вдруг распустились мириады фиалок.

«Вот самое лучшее из того, что я мог бы сделать!— решил Бананито. И там же, где стоял, около ограды какой-то фабрики, он уселся на тротуар, достал из коробки кусок мела и принялся за работу. Вокруг сразу же столпились рабочие.

— Готов спорить,— сказал один из них,— что сейчас он нарисует кораблик или каких-нибудь голубков. Только где же собака, что держит шапку для подаяния?

— Я слышал однажды,— сказал другой рабочий,— такую историю. Какой-то художник провёл на земле красную черту. Люди, что собрались вокруг, стали ломать себе голову, соображая, что бы это значило.

— Ну и что же?

— Спросили наконец у художника. И он ответил: «Я хочу посмотреть, кто из вас сможет пройти под этой чертой, а не над ней». Потом он надел шляпу и ушёл. Он, наверное, был немножко...

— Ну, этот, пожалуй, ещё в своём уме,— перебил кто-то.— Посмотрите.

Бананито ни на секунду не отрывался от работы и рисовал так быстро, что трудно было уследить за его рукой. И на тротуаре в точности так, как он задумал, возникла целая клумба настоящих фиалок. Это был всего лишь рисунок, но такой прекрасный, что воздух внезапно оказался напоённым ароматом цветов.

— Мне кажется, я чувствую запах фиалок,— прошептал один из рабочих.

— Скажи лучше — запах тыквы, а не фиалок, не то тебя в два счёта упрячут в кутузку,— посоветовал ему товарищ.— Но запах чувствуется — это верно!

Все молча стояли вокруг Бананито. Было так тихо, что слышалось даже, как поскрипывает его мелок. С каждым новым штрихом, лжившимся на тротуар, аромат фиалок всё усиливался. Рабочие заволновались. Они переминались с ноги на ногу, перекладывали свёртки с завтраками из руки в руку, делали вид, будто проверяют, хорошо ли накачаны шины велосипедов, но не упускали из виду ни одного движения Бананито и только потягивали носами, чтобы полнее насладиться чудесным ароматом, который так радовал сердце.

Взвыл заводской гудок, призывавший их на работу, но никто не двинулся с места. Кругом только и раздавалось: «Молодчина! Вот это молодчина!»

Бананито оторвался наконец от работы, взглянул на собравшихся и прочёл в их глазах столько благодарности, что даже смутился. Он собрал свои краски и поспешно зашагал прочь.

Один из рабочих догнал его:

— Что с тобой? Куда ты? Подожди минутку, сейчас мы вывернем карманы и отдадим тебе все наши деньги. Никому из нас ещё не доводилось видеть такие замечательные рисунки.

— Спасибо,— пробормотал Бананито,— большое спасибо!

И он поспешил на другую сторону улицы, чтобы поскорее остаться одному. Сердце его билось так сильно, что куртка на груди приподнималась, как-будто под нею прятался котёнок. Бананито был по-настоящему счастлив. Он долго бродил по городу, не решаясь, однако, приняться за какой-нибудь новый рисунок. В голове у него возникали сотни замыслов, но он отбрасывал их один за другим. Наконец, увидев бродячую собаку, Бананито окончательно понял, что ему следует делать. Он уселся тут же на тротуаре и стал рисовать.

В Стране Лгунов всегда найдутся люди, которым нечего делать и которые поэтому слоняются по улицам. Это профессиональные прохожие или, попросту говоря, безработные. Около Бананито опять собралась небольшая группа зрителей, и они стали отпускать замечания на его счёт:

— До чего же горазд на выдумки! Вздумал рисовать кошку, как будто их и так мало в городе.

— Это не простая кошка,— весело сказал Бананито.

— Слышали? Он рисует особенную кошку! В наморднике, что ли, будет твоя кошка?

Споры прекратились, как по волшебству, когда Бананито в последний раз провёл кистью по хвосту своей собаки, и та, вскочив с земли, залилась весёлым лаем. Толпа испустила крик изумления. В ту же минуту прибежал полицейский:

— Что такое? Что случилось? Ага, вижу! Даже слышу! Лающая собака! Как будто с нас мало было мяукающих котов! Чья она?

Толпа поспешно разошлась, чтобы не отвечать ему. Только один, бедняга, не смог увернуться, потому что стоял рядом, и полицейский ухватил его за рукав.

— Это его кошка,— ответил он и, показав на Бананито, опустил глаза.

Полицейский отпустил парня и вцепился в художника:

— Ну-ка, отправляйся со мной!

Бананито ничего не оставалось делать. Он собрал свои краски и, ничуть не огорчившись, последовал за полицейским. А собака, повилая хвостом, отправилась по своим делам.

Художника посадили в тюремную камеру и велели ждать, пока его допросит начальник полиции. У Бананито горели руки, так ему хотелось поработать. Он нарисовал небольшую птичку и подбросил её в воздух. Но птичка не улетела. Она уселась ему на плечо и стала ласково поклёвывать его ухо.

— А, ты, наверное, хочешь есть!— догадался Бананито.

Он нарисовал птичке горстку зёрнышек проса и вспомнил при этом, что и сам ещё не завтракал.

«Яичницы из двух яиц мне бы вполне хватило. И пожалуй, неплохо было бы съесть большой спелый персик»,— подумал он и нарисовал всё, что ему хотелось. Скоро аппетитный запах яичницы распространился по камере, проник за дверь и зашекотал ноздри стражника.

— Гм, как вкусно пахнет!— сказал стражник, потягивая носом и стараясь подольше насладиться запахом.

Но потом он забеспокоился и открыл глазок камеры. Увидев заключённого, который с аппетитом уплетал яичницу, стражник окаменел от изумления. В таком положении его и застал начальник стражи.

— Замечательно!— закричал он вне себя от гнева.— Великолепно! Оказывается, заключённым теперь носят обеды из ресторана!

— Я не... я не...— только и мог пролепетать стражник.

— Ты не знаешь порядка! Хлеб и вода! Вода и хлеб! И ничего больше!

— Я не знаю, откуда у него всё это,— промолвил наконец стражник,— может быть, яйца были у него в кармане...

— Ну да, а жаровня, на которой он их поджарил? Тоже была у него в кармане? Я вижу, стоит мне отлучиться, как в тюремных камерах появляются кухонные плиты...

Но начальнику стражи тут же пришлось признать, что никакой плиты в камере нет и в помине. А Бананито, чтобы выручить стражника, решил рассказать, каким образом он приготовил себе завтрак.

— Ну нет, я не такой дурак! Меня не проведешь!— сказал начальник стражи, с недоверием выслушав художника.— А прикажи я тебе подать камбалу в красном вине, что бы ты стал делать?

Вместо ответа художник взял лист бумаги и принялся рисовать заказанное блюдо.

— Как угодно, с петрушкой или без неё?— поинтересовался он между прочим.

— С петрушкой,— посмеиваясь, ответил начальник стражи.— Ты и впрямь принимаешь меня за дурака. Ну, ничего, когда закончишь, я заставлю тебя самого съесть этот лист бумаги!

Но когда Бананито кончил рисовать, от рисунка повалил вкусный пар и все почувствовали запах жареного, а через несколько мгновений

камбала в красном вине уже дымилась на столе и, казалось, так и просила: «Съешь меня! Съешь меня!»

— Приятного аппетита!— сказал Бананито начальнику стражи, у которого от изумления глаза на лоб вылезли.— Ваш заказ выполнен.

— Мне... что-то... не хочется есть,— пробормотал тот, с трудом приходя в себя от удивления.— Отдай камбалу стражнику и следуй за мной!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

*в которой Бананито становится королевским министром
и тут же впадает в немилость*

Начальник стражи вовсе не был глупцом. Напротив, он был хитрым пройдохой.

«За этого человека,— рассуждал он, сопровождая Бананито в королевский дворец,— можно получить столько золота, сколько он весит. Даже, может быть, на несколько центнеров побольше. Сундук у меня достаточно глубок, так почему бы не отправить в него несколько мешков золота? Ведь места оно не пролежит... Король наверняка щедро наградит меня».

Но надежды его не оправдались. Король Джакомоне, как только узнал, в чём дело, повелел немедленно привести к нему художника. А с начальником стражи обошёлся весьма сурово и, лишь отпуская его, изрёк:

— За то, что ты нашёл этого человека, жалую тебе Большую Фальшивую медаль!

«Как же, нужна мне твоя медаль...— проворчал начальник стражи,— у меня их уже две дюжины, и все картонные. Будь у меня дома хромоногие столы, можно было бы подкладывать эти медали под их ножки, чтоб не шатались».

Пусть себе начальник стражи бормочет всё, что ему хочется. Оставим его в покое и посмотрим лучше, как встретились Бананито и король Джакомоне.

Художник ничуть не растерялся в присутствии столь высокой особы и спокойно ответил на все его вопросы. Разговаривая с Джакомоне, Бананито любовался его прекрасным оранжевым париком, который сиял на голове короля, словно гряда апельсинов на прилавке.

— Что это ты так разглядываешь?— спросил король.

— Ваше величество, я люблюсь вашими волосами.

— Гм! А ты мог бы нарисовать такие же хорошие волосы?— Джакомоне вдруг загорелся надеждой, что Бананито нарисует

волосы прямо на его лысине, они станут настоящими и их не придётся убирать на ночь в шкаф.

— Столь же прекрасные, конечно, нет!— ответил Бананито, думая доставить королю удовольствие этим комплиментом.

В глубине души он немного сочувствовал ему, как всякому человеку, страдающему из-за своей лысины. Ведь столько людей обрезают волосы только для того, чтобы не причёсывать их. К тому же о людях не судят по цвету волос. Будь у Джакомоне самые настоящие чёрные волнистые кудри, всё равно он остался бы таким же пиратом и негодяем, каким был.

Джакомоне горестно вздохнул и решил, что велит расписать свою лысину в другое время.

«Лучше, пожалуй,— подумал он,— сначала использовать его как-нибудь иначе. Можно, например, с его помощью прослыть в истории великим королём!»

— Я назначаю тебя,— сказал он художнику,— министром зоологического сада. Около дворца есть чудесный парк, но в нём нет никаких зверей. Ты должен нарисовать их. И смотри никого не забудь, иначе...

«По правде говоря, лучше уж быть министром, чем сидеть в тюрьме»,— рассудил Бананито. И ещё до захода солнца, на глазах у изумлённых зрителей, он нарисовал сотни различных животных, которые тут же оживали. Это были львы, тигры, крокодилы, слоны, попугаи, черепахи, пеликаны... И ещё были собаки, много-много собак — дворняжки, лайки, борзые, таксы, пудели... Все они, к великому ужасу придворных, громко лаяли.

— Чем только всё это кончится? — перешёптывались придворные.— Его величество позволяет собакам лаять! Это же против всяких законов! Наслушавшись собачьего лая, народ, чего доброго, наберётся опасных мыслей!

Но Джакомоне распорядился не беспокоить Бананито и разрешил ему делать всё, что он захочет. Поэтому придворным оставалось только давиться от злости.

Животные, по мере того как Бананито создавал их, занимали свои места в клетках. В бассейнах теперь плавали белые медведи, тюлени и пингвины, а по аллеям бегали сардинские ослики, те самые, на которых обычно катают в парках детей.

В этот вечер Бананито не вернулся в свою каморку. Король отвёл ему комнату в своём дворце. Опасаясь, как бы художник не сбежал, Джакомоне приставил к нему на ночь десять стражников.

На другой день, когда Бананито нарисовал всех животных, какие есть на свете, и в зоопарке уже больше нечего было делать, король назначил его министром съестных припасов (или, как он выразился, министром канцелярских товаров).

Перед воротами дворца поставили стол с кистями и красками

и посадили за него Бананито. А горожанам сказали, что они могут просить у художника любое кушанье, какое только захотят.

Вначале многие попали впросак. Просили, например, у Бананито чернил, подразумевая хлеб (как и полагалось по «Словарю Лгунов»),— художник и рисовал бутылку чернил, да ещё поторавливал:

— Ну, кто там следующий?

— На что она мне?!— восклицал злополучный проситель.— Я же не могу ни съесть, ни выпить эти чернила!

Так что очень скоро люди поняли: хочешь получить от Бананито что-либо, называя вещи настоящими именами, хоть они и запрещены.

Придворные просто из себя выходили от возмущения.

— Куда же это годится?! Чем дальше, тем хуже!— шипели они, просто позеленев от злости.— Это плохо кончится! Ещё немного, и люди перестанут лгать! Что стряслось с нашим королём?

А король Джакомоне всё ждал, когда к нему явится мужество, чтобы попросить художника нарисовать настоящие волосы. «Тогда можно будет не бояться ветра»,— думал он и тем временем позволял Бананито делать всё, что ему заблагорассудится. Придворные были вне себя от негодования.

Королевские генералы — те тоже не находили места от ярости.

— В кои-то веки в наших руках оказался такой человек, как этот художник, и что же? Как мы его используем? Яичницы, цыплята, мешки жареной картошки, горы шоколада... Пушки нам нужны, пушки! Тогда мы создадим непобедимую армию и раздвинем границы нашего государства!

Один самый воинственный генерал отправился к королю и рассказал ему об этих планах. У старого пирата Джакомоне закипела кровь.

— Пушки!— обрадовался он.— Конечно, пушки! И корабли, самолёты, дирижабли... Клянусь рогами дьявола! Позвать сюда Бананито!

Уже много лет подданные не слышали, чтобы король вспоминал рога дьявола. Это было его самое любимое ругательство в те времена, когда он, стоя на капитанском мостике, воодушевлял своих пиратов ринуться на abordаж какого-нибудь беззащитного корабля. -

Тотчас же прекратили раздачу съестного и привели Бананито к Джакомоне. Слуги уже развесили на стенах комнаты географические карты и приготовили коробку с флажками, чтобы отмечать места будущих сражений и побед.

Бананито спокойно выслушал всё, что ему сказали, не прерывая разгоревшихся вокруг него споров. Но когда ему вручили

бумагу и карандаш, чтобы он тут же, без промедления, начал отливать пушки, Бананито взял большой лист бумаги и огромными буквами написал на нём только одно слово: «Нет!» Затем он пронёс этот лист по всему залу, чтобы все увидели его ответ.

— Синьоры,— сказал он затем,— хотите кофе? Пожалуйста, в одну минуту я приготовлю вам его. Хотите лошадей, чтобы поохотиться на лисиц? Могу нарисовать вам самых лучших чистокровных скакунов. Но о пушках лучше забудьте. Пушек вы никогда от меня не получите!

Вот когда разразился настоящий скандал! Все закричали, зашумели, застучали кулаками по столу. Только один Джакомоне, чтобы не ушибить руку, подозвал слугу и стукнул по его спине.

— Голову! Отрубить ему сейчас же голову!— кричали придворные со всех сторон.

— Лучше сделаем так,— рассудил Джакомоне.— Пока что не будем лишать его головы. Дадим ему время привести её в порядок. По-моему, ясно как день, что этот человек не в своём уме. Наверное, именно поэтому он и рисует такие прекрасные картины. Посадим-ка его на некоторое время в сумасшедший дом.

Придворные стали было ворчать, что это слишком мягкое наказание. Но они понимали: Джакомоне ещё надеется обзавестись настоящими волосами — и умолкали.

— Пока же,— продолжал Джакомоне,— запретить ему рисовать!

Так Бананито тоже оказался в сумасшедшем доме. Художника посадили в отдельную палату и не оставили ему ни бумаги, ни карандаша, ни кисти, ни красок. В палате не нашлось даже ни кусочка кирпича или мела, потому что стены были обиты войлоком. И так как Бананито оставалось рисовать только кровью, то он решил отложить на время работу над своими шедеврами.

Он растянулся на скамье, закинул руки за голову и стал смотреть в потолок. Потолок был совершенно белый, но Бананито видел на нём чудесные картины — те, которые он непременно напишет, едва только окажется на свободе. А в том, что он будет освобождён, Бананито нисколько не сомневался. И он был прав, потому что кое-кто уже позаботился о его спасении. Вы, конечно, догадались, что это был Цоппино.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в конце которой Цоппино снова становится рисунком

Когда в доме Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту, где Джелисомино лечил своё колено, узнали, что художник Бананито сделался министром, котёнок решил отправиться к нему, чтобы подать

прошение об освобождении тётушки Паннокки и Ромолетты. Но, к сожалению, опоздал. Когда он добрался до дворца, художника там уже не было.

— Хочешь взглянуть на Бананито,— посмеиваясь, сказал ему стражник,— так ступай в сумасшедший дом. Правда, ещё не известно, пустят ли тебя туда. Разве только если ты тоже не в своём уме.

Цоппино долго соображал, притвориться ли ему помешанным, чтобы попасть в сумасшедший дом, или лучше поискать туда какую-нибудь другую дорогу.

— Ну, лапки мои, выручайте,— сказал он наконец,— теперь вчетвером вам будет немного полегче карабкаться по стенам.

Сумасшедший дом, вернее сумасшедшие, помещались в мрачном, похожем на замок здании, окружённом глубоким рвом с водой. Цоппино пришлось принять небольшую ванну. Он бросился в воду, переплыл ров, вскарабкался по стене, юркнул в первое же открытое окошко и очутился на кухне. Все повара и слуги в это время спали, и тут был только маленький поварёнок, которому велели вымыть пол. Увидев Цоппино, он закричал:

— Брысь! Брысь! Вон отсюда, противный котёнок! Пора бы уже знать, что здесь не бывает обедков!

Несчастный поварёнок вечно страдал от голода и съедал все кухонные отходы до последней рыбной косточки. Поэтому он и поспешил выгнать котёнка. В страхе, что тот утащит у него что-нибудь, поварёнок открыл дверь и выпустил его в коридор.

Направо и налево нескончаемо тянулись палаты сошедших с ума, а точнее говоря, совершенно здоровых заключённых. Вся их болезнь состояла лишь в том, что они неосторожно сболтнули где-то правду и попались при этом ищейкам Джакомоне.

Некоторые палаты были без дверей и отделялись от коридора лишь толстой железной решёткой; другие, напротив, имели тяжёлые железные двери с маленькими окошками для передачи пищи. Заглянув в одно из этих окошек, Цоппино увидел семерых котов тётушки Паннокки и, что удивило его гораздо больше, своего старого знакомого Тузика. Коты спали вповалку прямо друг на друге и видели, должно быть, прекрасные сны. У Цоппино не хватило мужества разбудить их, тем более что в этот момент он всё равно ничем не мог им помочь. В той же палате, как вы знаете, сидел и Калимеро Денежный Мешок. Калимеро не спал и, увидев Цоппино, стал умолять его:

— Приятель, раздобудь-ка мне мышку, а? Ведь ты разгуливаешь на свободе! Одну-единственную мышку! Как давно уже я не держал в своих когтях мыши!

«Вот это настоящий сумасшедший!»,— подумал Цоппино и закрыл окошко. Он не был знаком с Калимеро.

В конце коридора находилась самая большая палата, в которой

было заперто человек сто. Среди них были и тётушка Панноккья с Ромолеттой. Если бы в палате горел свет, Цоппино увидел бы их. А если б к тому же тётушка Панноккья не спала, она непременно схватила бы Цоппино за хвост по своей старой привычке. Но свет не горел, и тётушка Панноккья спала крепким сном. Цоппино на цыпочках пробрался через палату и вышел на лестницу, которая вела наверх. Там после долгих поисков он отыскал наконец палату, в которую упрятали Бананито.

Художник спокойно спал, закинув руки за голову, и видел во сне великолепные картины, которые ему предстояло написать. Но в одной из этих картин вдруг образовалась дыра, из чудесного букета цветов вдруг выглянула кошачья мордочка и громко мяукнула. Бананито проснулся, взглянул на дверь и сразу же вспомнил, что он — в сумасшедшем доме. Но окошко в двери было приоткрыто, и в нём виднелась голова мяукающего Цоппино.

— Бананито! Бананито! Ну и крепко же ты спишь!

— Вот чудеса! Голову даю на отсечение, что эти усы принадлежат Цоппино!

— Проснись, говорят тебе! Это я, Цоппино! Да, это я, и даже лапка, которую ты мне сделал, со мною. Она действует превосходно.

Говоря это, Цоппино изловчился, пролез в окошко и прыгнул в палату.

— Я пришёл, чтобы выручить тебя.

— Спасибо, милый Цоппино, но как?

— Ещё сам не знаю. Хочешь, украду ключи у сторожей?

— Но они могут проснуться.

— Хочешь, прогрызу в двери дырку?

— Эх, будь у тебя свёрла вместо зубов,— может быть, и удалось бы... Нет, знаешь, что нам нужно?

— Что?

— Напильник! Достань мне напильник, а об остальном я сам позабочусь.

— Есть! Я мигом разыщу тебе его! Бегу!

— Всё можно было бы сделать гораздо быстрее,— остановил его Бананито,— я мог бы просто нарисовать напильник, но эти каналы не оставили мне даже огрызка карандаша!

— Так за чем же дело стало!— воскликнул Цоппино.— Вот тебе мои лапки! Или ты забыл, что они из мела и масляной краски?

— Это верно... Но ведь они станут короче...

Цоппино и слышать ничего не хотел:

— Пустяки! Нарисуешь мне потом новые!

— Так как же выбраться из палаты?

— Нарисуй напильник!

— А как спуститься вниз?

- Нарисуй парашют!
- А как перебраться через ров?
- Нарисуй лодку!

Когда Бананито кончил рисовать всё, что требовалось для побега, лапка Цоппино превратилась в крохотную культяпку.

— Видишь,— засмеялся Цоппино,— как хорошо, что я не изменил себе имя. Хромоножкой был, хромоножкой и остался.

— Давай я нарисую тебе новую лапу,— предложил Бананито.

— Сейчас некогда. Надо успеть, пока не проснулись сторожа.

И Бананито принялся за работу. К счастью, он нарисовал такой острый напильник, что тот врезался в железо, как нож в масло. Через несколько минут в дверях уже зияло большое отверстие; через него наши друзья пролезли в коридор.

— Зайдём за тётушкой Панноккьей и Ромолеттой,— предложил Цоппино,— да и котов не стоило бы забывать.

Но скрежет напильника всё-таки разбудил сторожей. Чтобы навести порядок, они стали обходить палаты.

Бананито и Цоппино услышали их тяжёлые размеренные шаги, раздававшиеся в соседнем коридоре.

— Нужно добраться до кухни,— сказал Цоппино,— раз уж не можем убежать все вместе, удерём хотя бы вдвоём. На свободе от нас будет больше проку, чем здесь.

Едва они появились на кухне, как голодный поварёнок снова напустился на Цоппино:

— Я же только что выгнал тебя, бесстыжий обжора! А ты опять норовишь отнять у меня последние объедки! Ну, быстро! Вот окно — полезай в него! А утонешь, так туда тебе и дорога!

Он был так сердит и встревожен, что даже обратил внимания на Бананито. Бедного поварёнка беспокоил только кот, который, по его мнению, мог оставить его без ужина. Бананито пристегнул парашют, приготовил лодку и взял на руки Цоппино:

— Ну, в дорогу!

— Да, да! В дорогу! В дорогу! И больше тут не показывайтесь!— проворчал поварёнок.

Только когда беглецы скрылись, он заподозрил что-то неладное.

— А этот другой, кто бы это мог быть?— стал соображать он, схватившись за голову. И чтоб не навлечь на себя беды, решил притвориться, будто ничего не видел и не слышал. Затем поварёнок откопал в куче очистков капустную кочерыжку и, урча от удовольствия, вцепился в неё зубами.

Не прошло и десяти минут, как бегство Бананито было обнаружено. Сторожа высовывались из окон сумасшедшего дома и кричали:

— Караул! Караул! Сбежал буйнопомешанный!

Как раз в это время Бананито и Цоппино, пригнувшись к самому дну лодки и гребя руками, переплыли через ров. Но не уйти бы им от преследователей, если б на том берегу их не ждал со своей тележкой Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту.

— Скорее! Прячьтесь сюда!— велел старьёвщик. Он помог им забраться в тележку и забросал сверху кучей тряпья. А сторожам, которые вскоре подбежали к нему, он сказал:— Вон там ищите! Они туда побежали,— и махнул рукой вдаль.

— А ты что тут делаешь?

— Я — бедный старьёвщик. Я устал и остановился передохнуть.

И чтобы ему поверили, Бенвенуто присел на край тележки и закурил трубку. Бедный Бенвенуто, он прекрасно понимал, что станет сейчас совсем старым и в несколько минут лишится нескольких месяцев жизни. Но он продолжал сидеть.

«Годы, что я теряю сейчас,— думал он,— наверняка продлят жизнь моим друзьям»,— и он выпустил изо рта клуб дыма прямо в лицо стражникам.

К несчастью, в это самое мгновение у Цоппино защекотало в носу.

Тряпки, что укрывали его, были довольно пыльными, и только какой-нибудь носорог мог бы сказать, что они были надушены. Цоппино попытался лапками зажать себе нос, но слишком поздно вспомнил, что из передних лапок у него осталась только одна. И он громко чихнул. Так громко, что поднял целое облако пыли.

Чтобы не подвести Бананито, Цоппино тут же выскочил из тележки и задал стрекача.

— Кто это?— удивились стражники.

— Кажется, какая-то собака,— ответил Бенвенуто,— да, собака. Спряталась, должно быть, среди тряпок. Вон как улепётывает.

— Ага!— решили стражники.— Раз улепётывает, значит, совесть нечиста. Догнать её!

И Цоппино услышал за собой тяжёлый топот, услышал тревожные крики и обрадовался: «Если они погонятся за мной, то оставят в покое Бенвенуто и Бананито».

Он пробежал почти через весь город, а стражники всё гнались за ним высунув языки. Вот площадь перед королевским дворцом, вот колонна, на которой Цоппино провёл однажды такую хорошую ночь...

— Ну, последний прыжок,— сказал Цоппино своим лапкам,— и мы будем в безопасности!

И лапки с такой готовностью откликнулись на его призыв, что Цоппино, вместо того чтобы вскарабкаться на колонну, со всего разбега налетел на неё и тут же превратился в рисунок — в набросок трёхлапного котёнка. Правда, в тот момент он не пожалел об этом, потому что стражники остались, как они сами писали потом в донесении, с носом.

— Куда она провалилась?— спрашивали они друг друга.

— Я видел, как она бросилась к колонне...

— Но поблизости никого нет...

— Тут что-то нацарапано. Смотри — какой-то проказник стащил в школе мел и нарисовал на колонне собаку.

— Что ж, пойдём отсюда. Детские каракули — не наше дело.

А Бенвенуто между тем катил свою тележку к дому, останавливаясь время от времени, чтобы отдышаться. По пути он даже присел два-три раза, потому что уже еле держался на ногах от усталости. Словом, когда он выходил из дому, ему было около восьмидесяти лет, а когда вернулся обратно, ему уже перевалило далеко за девяносто. Подбородок Бенвенуто уткнулся в грудь, глаза затерялись среди морщин, а голос стал еле слышным, как бы доносящимся из-под груды опилок:

— Бананито, проснись, приехали!

Но Бананито его не слышал — он уснул, пригревшись под тряпьем.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

*в которой вы проститесь
с Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту*

— Что с тобой? Ты разговариваешь со своими тряпками?— За спиной Бенвенуто, который пытался разбудить художника, остановился ночной сторож.

— Я разговариваю с тряпками?— переспросил Бенвенуто, чтобы выиграть время.

— Ну да! Я же слышал, как ты что-то говорил вот этому чулку. Или ты считал на нём дырки?

— Я, должно быть, говорил, сам того не замечая,— пробормотал Бенвенуто,— знаете, так устал... Целый день колесил по городу с этой тележкой. В мои годы это не так-то просто...

— Раз устали, так присядьте и отдохните,— сочувственно посоветовал стражник,— всё равно в такой поздний час никто не станет поговаривать тряпки.

— Да, да, я присяду,— согласился Бенвенуто и присел на свою тележку.

— Вы знаете, я тоже с удовольствием отдохнул бы сейчас,— сказал стражник.— Позвольте?

— Отчего же, присаживайтесь!

— Спасибо! Знаете, ведь ночные сторожа тоже устают... И подумать только, что я хотел когда-то стать пианистом. Пианисты всегда играют сидя, и вообще вся их жизнь проходит среди прекрасной музыки. Я даже в школьном сочинении писал об этом. У нас была такая тема — «Кем вы будете, когда вырастете?». Я написал тогда: «Когда вырасту, я стану пианистом, объеду с концертами весь мир, заработаю много аплодисментов и стану знаменитым». Я не нажил славы даже среди воров, потому что до сих пор не поймал ещё ни одного из них. Кстати, а вы не вор, случайно?

Бенвенуто покачал головой. Он хотел было утешить стражника, но у него уже не было сил. Он чувствовал, как жизнь уходит от него с каждой минутой. Но он не позволял себе подняться и продолжал слушать разглагольствования стражника.

А стражник ещё долго говорил о своей работе, о пианино, на котором ему так и не удалось играть, о своих детях.

— Старшему уже десять лет,— рассказывал он,— вчера он тоже писал в школе сочинение. Ведь учителя из года в год дают одну и ту же тему — «Кем ты будешь, когда вырастешь?». «Я буду астрономом,— написал мой сын,— и отправлюсь на спутнике на Луну!» Я очень хотел бы, чтобы так оно и вышло, но годика через два сыну придётся бросить школу и подыскать себе работу, потому что

одного моего жалованья маловато. А как по-вашему, это очень трудно — стать астронавтом?

Бенвенуто покачал головой. Он хотел ещё добавить, что это совсем нетрудно, что в мире нет ничего невозможного, что никогда не следует терять мужества и никогда не надо расставаться со своими мечтами. Но стражник даже не увидел, как Бенвенуто покачал головой. Когда он взглянул на него, ему показалось, что Бенвенуто уснул.

— Бедный старик,— пробормотал стражник,— видимо, он и в самом деле не на шутку устал. Ну, ладно, продолжим наш обход.

И он осторожно, на цыпочках, пошёл дальше. Но Бенвенуто продолжал сидеть, даже не пошевельнувшись. У него уже не было сил подняться.

«Я подожду их так,— вздохнул он про себя,— подожду сидя. Я сделал всё, что было в моих силах. Теперь Бананито в безопасности».

Мысли Бенвенуто стали путаться, их как бы заволакивало туманом... Откуда-то издалека до него донеслось вдруг пение — кто-то напевал колыбельную песенку... Потом он уже больше ничего не слышал.

Но колыбельная песенка, друзья мои, не почудилась Бенвенуто. Нет, просто Джельсомино по своему обыкновению тихонько напевал во сне.

Голос его сначала заполнил комнату, затем разнёсся по лестнице и наконец загредел по всем переулкам. Он разбудил Бананито, и тот вылез из-под груды тряпья.

— Бенвенуто,— позвал он.— Бенвенуто, где мы? Что происходит? Но Бенвенуто уже не мог ответить ему.

Художник выбрался из тележки и стал трясти его за плечо, как вдруг заметил, что рука Бенвенуто похолодела. А вокруг всё громче звучал голос Джельсомино, певшего нежную колыбельную песенку.

Бананито бросился наверх, разбудил Джельсомино и вместе с ним вернулся на улицу.

— Он умер!— воскликнул Джельсомино.— Он умер ради нас! Он потратил свои последние годы на то, чтобы спасти нас, пока мы спокойно спали.

В это время в конце улицы снова показался стражник, который только что разговаривал с Бенвенуто.

— Отнесём старика в дом,— предложил Джельсомино. Но Бананито не пришлось помогать ему, потому что Бенвенуто стал теперь лёгким, как ребёнок, и Джельсомино почти не чувствовал его на своих руках.

Стражник постоял некоторое время у тележки.

«Этот старьёвщик живёт, наверное, где-нибудь поблизости,— подумал он,— мне бы надо оштрафовать его за то, что он оставил

свою тележку посреди улицы. Но старик был таким добрым... Сделаю вид, будто проходил другой стороной».

Бедный Бенвенуто! В его доме не было даже кровати, и пришлось положить его на пол, лишь подсунув под голову подушку.

Похороны Бенвенуто состоялись через два дня, после многих других событий, о которых вы ещё ничего не знаете и о которых прочтёте в следующих главах. На похороны пришли тысячи людей. И хотя каждый из них мог бы рассказать об одном из добрых дел Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту, никто не стал произносить речей.

Выступил только один Джельсомино. И первый раз в жизни он пел так тихо, что ничего не разбил и не сломал. Голос его был по-прежнему сильным, но звучал так мягко и нежно, что все слушавшие его чувствовали, как сердца их становятся лучше и добрее.

Но ещё раньше, как я уже сказал, Бананито и Джельсомино обнаружили исчезновение котёнка Цоппино. Сначала, расстроенные и опечаленные смертью Бенвенуто, они не придали этому особого значения, но потом забеспокоились.

— Он был со мной в тележке!— восклицал Бананито.— Я, правда, не видел его среди тряпок, но, представь себе, слышал, как он чихал.

— Он, конечно, опять впутался в какую-нибудь историю,— решил Джельсомино.

— Может быть, он вернулся в сумасшедший дом, чтобы выручить тётушку Панноккью и Ромолетту?

— Все что-то делают,— чуть не плача сказал Джельсомино,— один только я сижу сложа руки. Видно я только и могу, что бить люстры да пугать людей.

В таком отчаянии он ещё никогда не был. И вдруг у него возникла великолепная мысль, яркая, как утренняя звезда.

— Нет!— воскликнул он.— Вы ещё увидите, на что я способен!

— Куда ты?— удивился Бананито, видя, что Джельсомино вскочил и надевает куртку.

— Настал мой черёд действовать!— ответил Джельсомино.— А тебе советую сидеть смирно — стражники ищут тебя. Скоро ты услышишь обо мне! И ещё как услышишь!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Джельсомино поёт во всё горло и устраивает страшный переполох

После суматохи, вызванной бегством Бананито, в сумасшедшем доме мало-помалу воцарилось спокойствие. Уснули пациенты в пала-

тах, уснули стражники в коридорах. Не спал только поварёнок на кухне. Он вообще почти никогда не спал, потому что вечно хотел есть и все ночи напролёт рылся в мусорном ящике, разыскивая что-нибудь съедобное.

Поварёнку не было никакого дела до бегства Бананито и тщетных усилий его преследователей. Вполне понятно, что и до этого паренька, который остановился перед сумасшедшим домом и запел песню, поварёнку тоже не было никакого дела. Он уплетал картофельную шелуху и, поглядывая на Джельсомино, качал головой:

— Вот уж действительно сумасшедший! Где это видано, чтобы молодой человек распевал серенады перед сумасшедшим домом, а не под окнами красивой девушки! Впрочем, это его дело... Однако, какой сильный голос! Готов спорить, что стражники сейчас заберут его.

Но стражники, измученные долгой и напрасной погоней за Цоппино, спали как убитые.

Джельсомино, чтобы попробовать голос, запел сначала совсем тихо, а потом постепенно всё громче и громче. Поварёнок от изумления открыл рот и даже забыл про картофельные очистки.

— Вот это да! Даже есть расхотелось!

В эту минуту вдребезги разлетелось оконное стекло, возле которого стоял поварёнок, и осколки чуть не угодили ему в нос.

— Эй! Кто там кидается камнями?

И, как бы в ответ на его вопрос, на всех этажах огромного мрачного здания, на всех его этажах одно за другим со страшным звоном посыпались стёкла. Стражники разбежались по палатам, решив, что больные подняли восстание, но скоро убедились, что это не так, потому что пациенты хотя и проснулись, но вели себя спокойно и с удовольствием слушали пение Джельсомино.

— Кто это бьёт стёкла?— возмущались стражники.

— Тише!— шикали на них со всех сторон.— Не мешайте слушать! Какое нам дело до стёкол? Они ведь не наши.

Потом стали раскалываться на куски железные решётки на окнах. Они ломались, как спички, и, плюхнувшись в ров, камнем шли ко дну.

Начальник сумасшедшего дома, узнав о происходящем, задрожал как осиновый лист.

— Знаете, мне что-то стало холодно,— объяснил он секретарям, а про себя подумал: «Началось землетрясение!» Он вызвал служебный автомобиль.— Я еду на доклад к министру! — Бросил свой сумасшедший дом на произвол судьбы и спрятался на своей загородной даче.

— К министру!— злобно зашипели секретари.— Как же! К министру! Он попросту удрал! А мы должны погибать, как мыши в мышеловке! Ну, нет! Не бывать этому!

И один за другим, кто на машине, а кто пешком, они помчались по подъёмному мосту. Через мгновение часовые только их и видели.

К этому времени почти рассвело. По крышам скользнули первые солнечные лучи. И для Джельсомино это было как бы сигналом: «Пой ещё громче!»

Если б вы только слышали, как он тогда пел! Его голос вырывался из горла, словно огонь из кратера вулкана. Все деревянные двери сумасшедшего дома давно уже рассыпались в пыль, а железные настолько погнулись, что уже и не походили больше на двери. Заключённые, которые ещё оставались в палатах, выбежали теперь в коридор, шумно радуясь неожиданному освобождению. Часовые, служители, стражники сумасшедшего дома тоже поспешили к главным воротам и оттуда через подъёмный мост ринулись на площадь. Все они вдруг почему-то вспомнили о каких-то важных делах.

— Мне нужно вымыть голову моей собачке!— говорил один.

— Меня пригласили провести несколько дней у моря!— говорил другой.

— А я не сменил воду моим золотым рыбкам и боюсь, как бы они не подохли.

Никто не смог откровенно признаться, что просто-напросто струсил,— слишком сильна была привычка лгать.

Словом, очень скоро из всего персонала сумасшедшего дома в нём остался один только поварёнок с кочерыжкой в руках. Он так и стоял, открыв от изумления рот. Впервые в жизни ему не хотелось есть, и в его голове, словно струя свежего воздуха, пронеслась какая-то хорошая мысль.

— Ромолетта первая из всей палаты заметила, что стражники удрали.

— А чего же мы ждём? Тоже надо бежать!— предложила она тётушке Панноккье.

— Это против всех порядков,—возразила старая синьора.— Но, с другой стороны, ведь все порядки против нас. Поэтому — бежим!

Они взялись за руки и устремились к лестнице, по которой уже неслись вниз десятки людей. Сумятица была невероятная. Но тётушка Панноккья моментально различила в многоголосом шуме нежные голоса своих котов. А верные ученики Цоппино тоже, в свою очередь, сразу же отыскивали среди пёстрой толпы бегущих высокую старуху с суровым лицом. Вскоре коты, громко мяукая, со всех сторон попрыгали на руки к своей покровительнице.

— Ну-ну,— заворчала тётушка Панноккья прослезившись,— пойдёте домой. Один, два, три, четыре... Все тут? Семь, восемь! Даже на одного больше!

Восьмым оказался наш старый знакомый — Тузик. На руках у тётушки Панноккьи хватило места и для него. В это время Джельсомино перестал петь и принялся расспрашивать всех убежавших из сумасшедшего дома о Цоппино. Но никто ничего не знал о котёнке. Тут уж Джельсомино совсем потерял терпение.

— Остался там кто-нибудь?— спросил он, показывая на сумасшедший дом.

— Никого, ни души!— ответили ему.

— Ну, тогда смотрите!

Он набрал полную грудь воздуха, как пловец перед прыжком в воду, сложил руки рупором, чтобы направить звук в нужном направлении, и испустил особенно громкий, просто невероятно громкий крик. Если у обитателей Марса и Венеры есть уши, то и они, конечно, слышали его на этот раз.

Достаточно вам сказать, что здание сумасшедшего дома закачалось, словно на него налетел сильнейший ураган. С крыши во все стороны брызнули черепицы, здание накренилось, зашаталось и со страшным грохотом рухнуло в ров, подняв тысячи брызг.

Всё это произошло в одну минуту. Подтвердить может поварёнок — он оставался на кухне до последнего мгновения и едва успел броситься в ров, чтобы переплыть его. На площадь он выбрался за миг до того, как всё рухнуло.

А когда стены обвалились, громкое радостное «ура!» разнеслось по площади, и как раз в этот момент взошло солнце, словно кто-то предупредил его: «Скорее, поторопись, не то упустишь замечательное зрелище!»

Восхищённый народ столпился вокруг Джельсомино таким плотным кольцом, что даже журналистам не удавалось приблизиться к нашему певцу и попросить его поделиться своими впечатлениями. Им пришлось удовольствоваться беседой с Калимеро Денежным Мешком, который угрюмо стоял в стороне.

— Не могли бы вы сказать несколько слов для газеты «Вечерняя ложь»?— обратились к нему журналисты.

— Мяу!— ответил Калимеро и повернулся к ним спиной.

— Изумительно!— вскричали журналисты.— Стало быть, вы один из очевидцев! Так расскажите нам, каким образом здесь ничего не случилось?

— Мяу!— снова ответил Калимеро.

— Чудесно! Значит, мы можем самым категорическим образом опровергнуть, что сумасшедший дом разрушен и заключённые разбежались по городу!

— Да поймите вы наконец,— вдруг рявкнул на них Калимеро,— поймите же вы наконец, что я — кот!

— То есть вы хотите сказать — собака? Ведь вы мяукаете совсем по-собачьи!

— Да нет же, я — кот! Самый настоящий кот и ловлю настоящих мышей! Вот и сейчас я отлично вас вижу. Можете попрятаться куда угодно, меня вы не проведёте! Всё равно вы — мыши, и все до одной попадёте мне в лапы. Мяу! Мяу! Курняу!

И, сказав это, Калимеро сделал прыжок и припал к земле.

Журналисты поспешно спрятали свои авторучки и в страхе попрыгали в автомобили.

А отчаянно мяукавший Калимеро пролежал на том месте до самого вечера, пока его не подобрал какой-то сострадательный прохожий и не отправил в больницу.

Ровно через час вышел экстренный выпуск «Вечерней лжи». Всю первую страницу занимал огромный заголовок, набранный большими буквами:

НОВАЯ НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПРОДЕЛКА
ПЕВЦА ДЖЕЛЬСОМИНО,
СВОИМ ПЕНИЕМ ОН НЕ РАЗРУШИЛ ДО
ОСНОВАНИЯ
СУМАСШЕДШИЙ ДОМ!

Редактор газеты потирал от удовольствия руки:

— Славненькое опроверженьице! Сегодня мы продадим, по крайней мере, сто тысяч экземпляров...

Но вышло наоборот. Мальчишки-газетчики, продававшие «Вечернюю ложь», стали скоро возвращаться в редакцию. Все они тащили обратно кипы нераспроданных газет. Никто не пожелал купить ни одного номера.

— Как?— вскричал редактор.— Что же тогда люди читают? Может быть, календарь?

— Нет, синьор редактор,— ответил какой-то мальчишка похрабрее,— календарь люди тоже не читают. Куда он годится, если декабрь в нём называется августом? Оттого, что изменилось название месяца, никому не станет теплее... Все смеются нам прямо в лицо и советуют делать из ваших газет кораблики.

В эту минуту в комнату вбежала собачка редактора. Она только что вернулась с прогулки по городу, на которую сама себя сводила.

— Кис-кис! Иди сюда! Иди сюда, мой котёночек!— обрадованно позвал её редактор.

— Гав! Гав!— ответила ему собака.

— Что? Да ты, кажется, лаешь?

Вместо ответа собака дружелюбно вильнула хвостом и залаяла ещё громче.

— Да ведь это конец света!— вскричал редактор, вытирая со лба пот.— Конец света!

Но это был всего лишь конец Королевства Лжи. После того как рухнул сумасшедший дом, на свободе оказались сотни правдивых людей. В городе появились лающие собаки, мяукающие коты, лошади, которые ржали по всем правилам зоологии и грамматики... В городе вспыхнула эпидемия правды, и большинство населения уже заболело ею. Торговцы спешили сменить ярлыки на своих товарах. Какой-то булочник снял вывеску, на которой было написано «Канце-

лярские товары», перевернул её и на обратной стороне углём написал «Хлеб». Перед его лавкой сразу же столпился народ, и люди стали шумно выражать ему своё одобрение.

Но больше всего народу собралось на площади перед королевским дворцом. Этой толпой предводительствовал Джельсомино. Он громко распевал свои песни, и люди сбегались на его голос со всех концов города и даже из окрестных сёл.

Джакомоне увидел из окна своего дворца эту огромную толпу и радостно захлопал в ладоши.

— Скорее! Скорее!— заторопил он своих придворных.— Скорее! Мой народ хочет, чтобы я произнёс речь. Смотрите, люди собираются, чтобы поздравить меня с праздником!

— Гм, а какой же сегодня праздник?— спрашивали придворные друг друга.

Может быть, это покажется вам странным, но они ещё ничего не знали о случившемся. Королевские сыщики, вместо того чтобы сообщить обо всём во дворец, попрятались кто куда. С другой стороны, коты, жившие во дворце короля Джакомоне, ещё лаяли,— эти бедняги были последними лающими котами во всём королевстве.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

*в которой Джельсомино своим пением изгоняет
из страны короля Джакомоне*

Никакой книги судеб, как вы знаете, на свете не существует. Нет такой книги, в которой предсказывалось бы всё, что должно случиться. Чтобы написать подобную книгу, нужно быть, по меньшей мере, редактором газеты «Вечерняя ложь». Одним словом, книги судеб нет и не было даже во времена короля Джакомоне. И очень жаль, потому что, будь у короля такая книга, он мог бы прочесть в ней то, что должно было случиться в этот день, а именно: «Сегодня король Джакомоне не произнесёт речи!»

Действительно, в то время как Джакомоне с нетерпением ждал, пока слуги откроют ему двери балкона, по всему дворцу, откликаясь на голос Джельсомино, со звоном посыпались стёкла.

— Нельзя ли поосторожнее?!— закричал Джакомоне слугам.

В ответ он только услышал: «Трах-тах-тах-тах-тах!», которое донеслось из его спальни.

— Зеркало!— вскричал король.— Кто разбил моё любимое зеркало?

Удивлённый, что никто не отвечает, его величество осмотрелся вокруг. Увы! Он остался совсем один. Министры, адмиралы, придвор-

ные и камергеры при первом же сигнале опасности, то есть при первой же высокой ноте Джельсомино, бросились по своим комнатам. Они без лишних слов отшвырнули прочь свои роскошные наряды, которые носили столько лет, и достали из-под кроватей старые чемоданы со своими пиратскими одеждами, бормоча при этом:

— Если не надевать на глаз чёрную повязку, то я, пожалуй, смогу сойти за городского мусорщика.

Или же:

— Если не пристёгивать деревянную руку, никто меня не узнает.

При Джакомоне осталось только двое слуг, в обязанности которых входило открывать и закрывать балконные двери. И хотя стёкол в дверях балкона уже не было, слуги стояли как вкопанные и время от времени протирали дверные ручки своими кружевными манжетами.

— Бегите уж и вы заодно,— вздохнул Джакомоне,— всё равно дворец сейчас рухнет.

Действительно, в этот момент, словно хлопшки, стали лопаться лампочки в люстрах — это Джельсомино запел в полную силу.

Слуги не заставили себя просить. Пятясь и кланяясь через каждые три шага, они добрались до двери, ведущей на лестницу. Тут они повернулись и, чтобы поскорее спуститься, съехали вниз по перилам.

А Джакомоне прошёл в свою комнату, снял королевский наряд и надел костюм простого горожанина, который купил когда-то, чтобы неузнанным ходить по улицам своего города и слушать, что о нём говорят. (Правда, ему быстро разонравилось это занятие и он предпочёл посылать в город своих сыщиков.) Костюм был коричневого цвета, он одинаково подошёл бы и банковскому служащему и профессору философии. А как хорошо сочетался коричневый цвет с оранжевым париком! Но, к сожалению, приходилось расстаться и с париком: он был слишком хорошо известен людям, куда лучше самой королевской короны.

— Мой любимый парик!— вздохнул Джакомоне,— Мои дорогие парики!— И он открыл шкаф, где ровными рядами висели его парики, похожие на головы марионеток, приготовленных к спектаклю. Тут уж Джакомоне не смог удержаться. Он схватил добрую дюжину париков и запихал их в чемодан.

— Я возьму вас с собой в изгнание! Вы будете напоминать мне об этих невозвратных счастливых днях!

И бывший король спустился по лестнице, но не в подвал, как это сделали его придворные, которые, словно мыши, удирали из дворца по канализационным трубам. Он вышел в парк. Ведь его уже тоже можно было не считать королевским. Но всё равно он был прекрасным, зелёным, полным запахов цветов.

Джакомоне подышал ещё немного этой поистине королевской атмосферой, затем открыл небольшую калитку, выходящую в какой-то переулок, убедился, что его никто не видит, и, пройдя метров сто, оказался на площади, в самой гуще народа, который восторженно приветствовал нашего Джельсомино.

Никто не узнал короля — ведь он впервые появился на улице лысым. Коричневый костюм и чемоданчик, который он держал в руке, придавали ему вид приезжего коммерсанта.

— Вы, должно быть, не здешний? — вдруг спросил его какой-то человек, дружески хлопнув по плечу. — Послушайте, послушайте, как поёт наш Джельсомино! Вон он там, видите? Тот самый паренёк... Увидев его на велосипедных гонках, вы не поставили бы за него и двух сольдо. А между тем слышите, какой голос?

— Слышу, слышу, — пробормотал Джакомоне, а про себя добавил: «И вижу!»

Он действительно увидел, как разлетелся на куски его любимый балкон, увидел то, о чём вы, наверное, уже догадываетесь, — королевский дворец рухнул, как карточный домик, которому надоело стоять, и целое облако пыли поднялось к небу.

Тогда Джельсомино взял ещё одну высокую ноту, чтобы разогнать пыль, и все увидели на месте дворца лишь груды развалин.

— Кстати,— снова обратился к Джакомоне его сосед,— вам никто не говорил, что у вас великолепная лысина? Ведь вы не обидитесь на меня за эти слова, правда? Взгляните вот на мою.

Джакомоне провёл рукой по своей голове и посмотрел на голову своего соседа, которая была круглой и гладкой, как резиновый мяч.

— В самом деле, прекрасная лысина,— согласился Джакомоне.

— Ну что вы! Лысина как лысина... Вот ваша — это да! Ваша — просто блестящая! Особенно сейчас, при солнце. Она так сверкает, что глазам больно.

— Ну что вы! Это слишком любезно с вашей стороны,— пробормотал Джакомоне.

— Да нет же, я нисколько не преувеличиваю! Знаете, что я вам скажу? Если б вы были членом нашего клуба лысых, то вас непременно избрали бы его президентом.

— Президентом?

— Да, и единогласно!

— А что, разве есть такой клуб лысых?

— Конечно! Правда, до вчерашнего дня он существовал нелегально, но теперь он станет легальным. В него входят лучшие граждане нашего города. И знаете, стать членом клуба не так уж трудно. Нужно только, чтобы на голове у вас не было ни одного волоса. Находятся даже люди, которые вырывают себе волосы только ради того, чтобы войти в наш клуб.

— И вы говорите, что я...

— Ну да, вы могли бы стать президентом нашего клуба. Готов спорить на всё что угодно!

Вот когда Джакомоне по-настоящему расстроился. «Значит,— подумал он,— я жестоко ошибся в выборе профессии. Вся моя жизнь — это сплошная ошибка. А теперь слишком поздно, чтобы начинать сначала».

Воспользовавшись общей толкотнёй, Джакомоне улизнул от своего собеседника, выбрался из толпы и пошёл по безлюдным улицам. А в чемодане у него грустно шуршали двенадцать париков. Несколько раз он замечал, как из канализационных люков выглядывали головы, которые он как будто где-то уже видел раньше. Не его ли это пираты? Но головы эти сразу же исчезали при виде этого толстого лысого гражданина в коричневом костюме.

Бывший король направился было к реке, решив положить конец своей неудавшейся жизни. Но, подойдя к воде, он передумал. Открыв чемодан, он вытащил из него парики и один за другим побросал их в воду.

— Прощайте,— прошептал Джакомоне,— прощайте, мои дорогие маленькие луны!

И парики поплыли по воде, но не затерялись бесследно. В тот же день их выудили мальчишки, что разбойничают на речных

берегах не хуже крокодилов. Мальчишки высушили парики на солнце, натянули их себе на головы и устроили весёлое шествие. Они пели песни и громко смеялись, и им было невдомёк, что они справляют поминки по владычеству короля Джакомоне.

Надо сказать, что самому Джакомоне ещё повезло. Ведь он может просто уйти из своего королевства и даже, пожалуй, станет президентом или, по крайней мере, секретарём какого-нибудь клуба лысых.

Ну а пока он идёт куда глаза глядят, вернёмся в город и бросим последний взгляд на площадь перед дворцом.

Окончив свою разрушительную песню, Джельсомино вытер со лба пот и сказал:

— Ну вот... С этим тоже покончено...— Но на душе у него было тяжело: Цоппино всё ещё не отыскался.

— Где же он может быть?— спрашивал себя наш герой.— Я бы не хотел, чтобы он остался под развалинами сумасшедшего дома. Так недолго и до беды.

Но толпа отвлекла его от грустных мыслей.

— Колонна!— кричали со всех сторон.— Нужно сломать колонну!

— Зачем?

— На ней изображены походы короля Джакомоне. А это ложь, потому что Джакомоне никогда и носа не показывал из своего дворца!

— Хорошо,— согласился Джельсомино,— колонне я тоже пропою серенаду по всем правилам. Разойдитесь немного, чтобы она никого не придавила.

Люди, что стояли вокруг колонны, сразу же попятнулись, толпа на всей площади всколыхнулась, словно вода в ванне. И тогда Джельсомино увидел там, на колонне, в каких-нибудь двух метрах от земли хорошо знакомый рисунок трёхлапного котёнка.

— Цоппино!— радостно закричал он.

Рисунок заколебался, его линии на мгновение изогнулись, но затем снова застыли неподвижно.

— Цоппино!— ещё громче позвал Джельсомино.

На этот раз его голос проник в мрамор, преодолел его твёрдость, Цоппино отделился от колонны и спрыгнул на землю.

— Уф! До чего же хорошо!— промяукал он, целуя Джельсомино в щёку.— Если б не ты, я бы так и остался приклеенным к этой колонне, и меня в конце концов смыло бы дождями. Я люблю чистоту — это всем известно. Но умереть смытым мне ничуть не улыбается...

— Но вы совсем забыли обо мне, друзья мои,— услышали они вдруг голос художника Бананито. Раздав направо и налево немало хороших толчков и пинков, он наконец протиснулся сквозь толпу к своим товарищам.

— Если с тобой ещё раз случится что-нибудь подобное, я нарисую тебя заново, мой Цоппино, и ты станешь ещё более красивым и совсем настоящим!

Трёх друзьям, которые только что встретились, нужно многое рассказать друг другу. Поэтому оставим их в покое.

Ну а как колонна? А она никому не мешает. Наоборот, ложь, изображённая на ней, будет напоминать людям о том, что когда-то в их стране властвовал бессовестный лгун и что достаточно было однажды только хорошо спеть песню, чтобы разрушить всё его королевство.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

*в которой Джельсомино, чтобы никого не обидеть,
забивает гол, а за ним и другой*

Эта история будет совсем закончена, когда я сообщу вам самые последние новости. Дело в том, что, торопясь дописать предыдущую главу, я совсем забыл, что в кармане у меня лежат заметки, которые я сделал в тот день, когда Джельсомино рассказал мне о своих приключениях в Стране Лгунов. Из этих заметок явствует, в частности, что никто, никогда, нигде и ничего не слышал больше о короле Джакомоне. Поэтому я даже не могу вам сказать, стал ли он порядочным человеком или же пиратская натура взяла в нём верх и повлекла его по дурной дороге.

Из этих заметок я узнал также, что Джельсомино, который был, в общем, доволен своими делами, проходя по главной площади, каждый раз чувствовал себя так неловко, словно в ботинок ему попал камешек.

— Разве так уж нужно было разрушать дворец и превращать его в груды развалин? — упрекал он себя. — Разбей я лишь несколько стёкол, Джакомоне всё равно бы только и видели. А потом можно было бы позвать стекольщика, и всё было бы в порядке.

Но вскоре Бананито позаботился о том, чтобы избавить друга от этого камешка. Он восстановил дворец своим обычным способом — при помощи нескольких листов бумаги и коробки красок. Он потратил на это полдня и не забыл даже про балкон. И когда на фасаде нового дворца появился балкон, люди потребовали, чтобы Бананито поднялся на него и произнёс речь.

— Послушайте моего совета, — сказал Бананито, — издайте закон, запрещающий кому бы то ни было произносить речи с этого балкона. К тому же я художник, а не оратор. А если вам так уж хочется услышать речь, то обратитесь лучше к Джельсомино.

В этот момент на балконе появился Цоппино:

— Мяу! Мяу! Курню!

Люди заплодировали ему и не стали больше требовать никаких речей.

Из другого листка, найденного в кармане, я узнал, что тётушка Панноккья стала директором института по охране бездомных котов. И это очень хорошо. Уж теперь-то можно не опасаться, что кто-нибудь заставит котов лаять. Ромолетта вернулась в школу и сейчас, наверное, сидит в классе. Только не за партой, а за столом — у неё было достаточно времени, чтобы стать учительницей.

И наконец, на самом маленьком листке я нашёл только одну строчку: «Война закончилась со счётом один-один». Вы только подумайте — я чуть не забыл рассказать вам о войне!

Это произошло через несколько дней после бегства короля Джакомоне. Оказывается, Джакомоне, рассчитывая на пушки, которые нарисует ему Бананито с помощью своего карандаша, втайне от своих подданных объявил войну одному из соседних государств. Самую настоящую войну, так что армии обоих государств уже отправились к границе, чтобы встретиться там и сражаться не на жизнь, а на смерть.

— Но мы совсем не хотим воевать, — заявили новые министры. — Мы же не такие пираты, как Джакомоне...

Один журналист отправился к Джельсомино, который теперь всерьёз занимался музыкой, готовясь выступить с настоящим концертом.

— Что вы думаете о войне? — спросил его журналист.

— О войне? — удивился Джельсомино. — Предложите противникам устроить вместо войны хорошую футбольную встречу. Если при этом и окажется несколько ушибленных коленок, то крови, во всяком случае, прольётся очень мало.

К счастью, эта мысль пришлась по душе и другой стороне, потому что там тоже никто не хотел воевать. И вот в одно из ближайших воскресений состоялся футбольный матч. Само собой разумеется, что Джельсомино болел за свою команду и так увлёкся, что в один из самых острых моментов не выдержал и закричал: «Бей!» Тут мяч влетел прямёхонько в сетку ворот противника, как это уже случилось в самой первой главе.

Но в ту же минуту Джельсомино закричал:

— Мы хотим только честной победы. В спорте не должно быть никакого обмана!

И немедленно забил гол в другие ворота. Я уверен, что на его месте вы бы сделали, конечно, то же самое.

Сказки по необходимости

*Паолетте Родари и её друзьям всех
цветов кожи*

Жил-был однажды...

...синьор Бьянки. Он жил в городе Варезе и служил в одной торговой фирме, которая продавала лекарства. И работа у него была очень беспокойная. Каждую неделю шесть дней из семи он колесил по всей Италии. Он ездил на запад и на восток, на юг и на север, и опять туда же — и так включая субботу. Воскресенье он проводил дома, вместе с дочуркой, а в понедельник, едва поднималось солнце, снова отправлялся в путь. Дочка провожала его и всегда напоминала:

— Слышишь, папа, сегодня вечером я опять жду новую сказку!

Надо вам сказать, что девочка эта не могла уснуть, пока ей не расскажут сказку. Мама уже по три раза перерассказала ей всё, что знала: и были, и небылицы, и просто сказки. А ей всё мало! Пришлось и отцу взяться за это ремесло. Где бы ни находился он, в каком бы местечке Италии ни оказался, он каждый вечер ровно в девять часов звонил домой и рассказывал по телефону новую сказку. Он их сам придумывал и сам рассказывал. В этой книге как раз и собраны все эти «сказки по телефону», и вы можете прочитать их. Они, как вы заметите, не очень длинные. Ведь синьору Бьянки приходилось платить за телефонный разговор из своего кармана, и, сами понимаете, он не мог разговаривать слишком долго. Только иногда, когда дела у него шли хорошо, он позволял себе поговорить подольше. Конечно, если сказка этого заслуживала.

Скажу вам по секрету: когда синьор Бьянки вызывал Варезе, даже телефонистки приостанавливали работу и с удовольствием

слушали его сказки. Ещё бы — некоторые из них мне и самому нравятся!

НЕЗАДАЧЛИВЫЙ ОХОТНИК

— Возьми-ка, Джузеппе, ружьё,— сказала однажды мать своему сыну,— и сходи на охоту. Завтра твоя сестра выходит замуж, и надо бы приготовить праздничный обед. Очень хороша была бы для этого зайчатина.

Джузеппе взял ружьё и отправился на охоту. Только вышел на дорогу, видит — бежит заяц. Выскочил косою из-под забора и пустился в поле. Вскинул Джузеппе ружьё, прицелился и нажал на курок. А ружьё и не подумало стрелять!

— Пум!— сказало оно вдруг звонким и весёлым голоском и выбросило пулю на землю.

Джузеппе так и замер от удивления. Подобрал пулю, повертел её в руках — пуля как пуля! Потом осмотрел ружьё — ружьё как ружьё! И всё-таки оно не выстрелило, как все нормальные ружья, а звонко и весело произнесло «Пум!». Джузеппе даже в дуло заглянул, да только разве может там кто-нибудь спрятаться?! Никого там, конечно, не оказалось.

«Что же делать? Мама ждёт, что я принесу с охоты зайца. У сестры свадьба, нужно приготовить праздничный обед...»

Едва Джузеппе успел подумать это, как вдруг снова увидел зайца. Только оказалось, это зайчиха, потому что на голове у неё была свадебная фата с цветами и шла она скромно потупившись, мелко перебирая лапками.

— Вот так раз!— удивился Джузеппе.— Зайчиха тоже выходит замуж! Придётся мне, видимо, поискать фазана.

И он пошёл дальше в лес. Двух шагов сделать не успел, как увидел фазана. Идёт он себе по тропинке, нисколько никого не опасаясь, как в первый день охоты, когда фазаны ещё не знают, что такое ружьё.

Джузеппе прицелился, нажал на курок... И ружьё снова сказало человеческим голосом:

— Пам! Пам!— совсем как мальчуган, когда играет со своим деревянным ружьём. А пуля опять выпала из дула на землю, прямо на кучу красных муравьёв. Перепугались муравьи и кинулись прятаться под сосну.

— Хорошенькое дельце!— рассердился Джузеппе.— Так я вернусь домой с пустыми руками!

А фазан, услышав, как разговаривает ружьё, бросился в заросли и вывел оттуда своих фазанят. Идут они цепочкой друг за другом, рады-радешеньки, что отправились на прогулку. А следом за ними и мама-фазаниха шествует — важная и довольная, будто первую премию получила.

— Ещё бы— проворчал Джузеппе.— Как ей не быть довольной! Ведь она уже замужем. А мне как быть — на кого теперь охотиться?!

Он снова старательно зарядил ружьё и осмотрелся по сторонам. Кругом ни души. Только дрозд сидит на ветке. Сидит и посвистывает, словно подзадоривает: «Ну-ка, подстрели меня! Попробуй!»

Ну Джузеппе и выстрелил. Только ружьё и в этот раз не послушалось его.

— Бах!— сказало оно, совсем как ребята, когда играют в разбойников, и даже ещё хихикнуло тихонько. Дрозд засвистел ещё веселее, словно говоря: «Обманули дурака на четыре кулака!»

— Так я и знал!— вздохнул Джузеппе.— Видно, сегодня ружьё устроило забастовку.

— Ну, как ты поохотился?— спросила мать, когда Джузеппе вернулся домой.

— Хорошо поохотился,— ответил он.— Три весёленькие насмешки принёс. Не знаю только, подойдут ли они к праздничному столу.

ДВОРЕЦ ИЗ МОРОЖЕНОГО

Однажды в Болонье на самой главной площади построили дворец из мороженого. И ребята сбегались сюда со всех концов города, чтобы полакомиться хоть немножко.

Крыша дворца была из взбитых сливок, дым, что поднимался над трубами, из фигурного сахара, а сами трубы — из цукатов. Всё остальное было из мороженого: двери из мороженого, стены из мороженого, мебель из мороженого.

Один совсем маленький мальчик ухватился за ножку стола и стал уплетать её. Потом он съел вторую ножку, третью, а когда расправился и с четвёртой, то весь стол со всеми тарелками — а они были из самого лучшего, шоколадного мороженого — упал прямо на него...

А городской стражник заметил вдруг, что во дворце подтаивает одно окно. Стёкла его — из земляничного мороженого — розовыми ручейками стекали вниз.

— Бегите сюда! Быстрее бегите сюда!— позвал стражник ребят.

Все прибежали и стали лизать розовые ручейки — чтобы ни одна капля не пропала из этого поистине чудесного сооружения.

— Кресло! Дайте мне кресло!— взмолилась вдруг какая-то старушка, которая тоже пришла на площадь, но не могла протиснуться в толпе.— Дайте кресло бедной старушке! Помогите мне! Кресло, и, если можно, с ручками!..

Один очень отзывчивый пожарный сбегал во дворец и принёс кресло из крем-брюле, и бедная старушка ужасно обрадовалась и принялась прежде всего облизывать ручки кресла.

Да, это был большой день в Болонье. Настоящий праздник! По приказу докторов ни у кого не болели животики.

И до сих пор, когда ребята просят купить вторую порцию мороженого, родители вздыхают:

— Ах, дружок, тебе надо купить, наверное, целый дворец из мороженого, вроде того, что был в Болонье, вот тогда ты, может быть, будешь доволен!

КАК ГУЛЯЛ ОДИН РАССЕЯННЫЙ

— Мама, я пойду гулять?

— Иди, Джованни. Только будь осторожен, когда станешь переходить улицу.

— Ладно, мама. Пока!

— Ты всегда такой рассеянный.

— Да, мама. Пока!

И Джованни весело выбежал из дома. Поначалу он был очень внимателен. То и дело останавливался и ощупывал себя:

— Всё на месте? Ничего не потерял? — и сам же смеялся.

Он был так доволен своей внимательностью, что даже запрыгал от радости, как воробушек. А потом загляделся на витрины, на машины, на облака, и, понятное дело, начались неприятности.

Какой-то очень вежливый синьор мягко упрекнул его:

— Какой же ты рассеянный, мальчик! Смотри, ты ведь потерял пальцы!

— Ой, и верно! Какой же я рассеянный!

И Джованни стал искать свои пальцы. Но нашёл только какую-то пустую банку. Пустую? Посмотрим-ка! А что в ней было, в этой банке, раньше? Не всегда же она была пустая...

И Джованни уже забыл, что ему надо отыскать свои пальцы. А потом он забыл и про банку, потому что увидел вдруг хромую собаку. Он кинулся за ней, но не успел и до угла добежать, как потерял руку. Потерял и даже не заметил. Бежит себе дальше как ни в чём не бывало.

Какая-то добрая женщина крикнула ему вслед:

— Джованни, Джованни! Руку потерял!

Куда там! Он даже не услышал!

— Ну ничего,— решила добрая женщина.— Отнесу руку его маме.— И она пошла к Джованни домой.

— Синьора, вот тут у меня рука вашего сына!

— Вот растеряха! Просто не знаю, что с ним делать! Такой рассеянный! Такой рассеянный, что дальше некуда.

— Да, конечно, только все дети такие.

Спустя немного пришла другая добрая женщина:

— Синьора, я нашла тут чью-то ногу. Не вашего ли Джованни она?

— Ну конечно, это его нога! Узнала по дырявому ботинку! Ах, какой же у меня рассеянный сын уродился! Просто не знаю, что с ним делать!

— Да, конечно, с ребятами всегда так.

Прошло ещё немного времени, и один за другим в дом Джованни потянулись разные люди — какая-то старушка, рассыльный булочника, вагоновожатый и даже старая учительница-пенсионерка. И все приносили какой-нибудь кусочек Джованни: кто ногу, кто ухо, кто нос.

— Ну где вы найдёте ещё такого рассеянного мальчишку, как мой сын!— воскликнула мать.

— И чего вы удивляетесь, синьора! Все дети такие!

Наконец заявился домой и сам Джованни, прыгая на одной ноге, без рук, без ушей, но как всегда весёлый, живой и резвый, словно воробушек.

И мама только головой покачала. Потом привела его в порядок и поцеловала.

— Всё на месте, мама? Ничего не потерял? Видишь, какой я молодец!

— Да, да! Уж такой молодец, что дальше некуда!

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ СЧИТАЛА «АПЧХИ!»

В Гавирате жила одна женщина, которая целыми днями только и делала, что считала, кто сколько раз чихнёт, а потом рассказывала об этом своим приятельницам, и они вместе долго судачили про эти «апчхи!»

— Аптекарь чихнул семь раз!— рассказывала женщина.

— Не может быть!

— Клянусь вам! И пусть у меня отвалится нос, если я говорю неправду! Он чихнул все семь раз ровно за пять минут до того, как пробило полдень!

Они долго обсуждали это событие и наконец пришли к выводу, что аптекарь подливает воду в касторку.

— А священник чихнул четырнадцать раз!— продолжала рассказывать женщина, вся красная от волнения.

— Ты не ошиблась?

— Пусть у меня отвалится нос, если он чихнул хоть одним разом меньше!

— Боже, что станет с миром, если и дальше так пойдёт!

Они снова долго судачили и пришли к выводу, что священник слишком много наливает масла себе в салат.

Однажды эта женщина и её приятельницы (а их было больше, чем дней в неделе) спрятались под окнами синьора Делио, чтобы пошпионить за ним. Но синьор Делио и не думал чихать — он не нюхал табака и не был простужен.

— Ни разу не чихнул!— огорчилась женщина, которая считала «апчхи!».— Должно быть, тут-то и зарыта собака!

— Конечно!— поддержали её приятельницы.

Синьор Делио услышал их разговор. Он взял молотого перца, насыпал его в пульверизатор и незаметно обсыпал сверху сплетниц, что притаились у него под окном.

— Апчхи!— чихнула женщина, которая считала «апчхи!».

— Апчхи! Апчхи!— стали чихать её приятельницы и никак не могли остановиться.

— Я чихнула больше, чем вы!— заявила вдруг женщина, которая считала «апчхи!».

— Нет, мы чихнули больше! — закричали приятельницы.

Тут женщины вцепились друг другу в волосы и давай колошматить одна другую. Платья на них порвались, и у каждой оказалось по выбитому зубу.

С тех пор женщина, которая считала «апчхи!», перестала разговаривать со своими приятельницами. Она купила себе записную книжку с карандашом и стала ходить одна-одинёшенька. Каждое «апчхи!» она отмечала в записной книжке плюсиком.

Когда она умерла и люди нашли её записную книжку, заполненную плюсиками, они удивились:

— Смотрите, должно быть, она отмечала этими плюсиками все свои добрые дела! Как же много добра она сделала людям! Уж если она не попадёт в рай, то нас туда и подавно не пустят!

СТРАНА, ГДЕ НЕТ НИЧЕГО ОСТРОГО

Джованнино-Бездельник очень любил путешествовать. Путешествовал он, путешествовал и оказался в удивительной стране, где дома строили без углов — они были круглые. И крыши тоже ставили не углом, а плавной закругляли. Вдоль дороги, по которой шёл Джованнино, тянулась живая изгородь из кустов роз, и ему, конечно, захотелось вдеть одну розу в петлицу своей курточки. Он хотел осторожно, чтобы не уколоться о шипы, сорвать цветок, как вдруг заметил, что шипы нисколько не колотятся, — они, оказывается, вовсе не острые и только слегка щекочут руку.

— Чудеса, да и только! — удивился Джованнино.

В ту же минуту из-за куста с розами появился городской стражник, и, очень вежливо улыбаясь, спросил его:

— Вы, должно быть, не знаете, что нельзя рвать розы?

— Мне очень жаль... Я не подумал...

— Тогда вам придётся заплатить только половину штрафа, — сказал стражник всё с той же приветливой улыбкой и стал выписывать квитанцию. Джованнино заметил, что карандаш у него был не заточен — совсем тупой, и спросил стражника:

— Простите, а можно взглянуть на вашу саблю?

— Пожалуйста, — ответил тот и протянул Джованнино свою саблю. Она тоже оказалась не острой, а тупой.

— Так что же это за страна такая? — удивился Джованнино. — Куда я попал? Здесь всё так странно!

— Это страна, где нет ничего острого, — объяснил стражник, и так вежливо, что все его слова надо было бы писать только с заглавной буквы.

— А как же гвозди! — удивился Джованнино. — Они ведь должны быть острыми!

— Мы давно уже обходимся без них. Ведь есть клей! А теперь, будьте добры, дайте мне две пощёчины.

От изумления Джованнино широко открыл рот, будто собирался проглотить сразу целый торт.

— Что вы! — воскликнул он наконец. — Я вовсе не хочу оказаться в тюрьме за оскорбление городского стражника. Уж если на то пошло, так это я должен получить две пощёчины, а не вы.

— Но у нас так принято, — любезно объяснил стражник, — полный штраф — это четыре пощёчины, а половина штрафа — две.

— Две пощёчины — стражнику?

— Стражнику.

— Но это ужасно несправедливо! Так нельзя!

— Конечно, несправедливо! Конечно, так нельзя! — ответил стражник. — Это настолько несправедливо и ужасно, что люди, чтобы не давать пощёчин ни в чём не повинным стражникам, просто не делают

ничего такого, что запрещается законом и за что нужно брать штраф. Ну, так я жду — дайте мне две пощёчины! И в другой раз, сеньор путешественник, вы, конечно, будете осторожнее, не так ли?

— Но я не хотел бы даже ущипнуть вас за щёку, не то что ударить!

— В таком случае я вынужден проводить вас до границы и предложить покинуть нашу страну!

И Джованнино, ужасно пристыжённый, вынужден был покинуть страну, где нет ничего острого. Однако он до сих пор всё ещё мечтает вернуться туда, чтобы жить по самым вежливым законам на свете, среди самых воспитанных людей, в домике, где нет ничего острого.

СТРАНА, ГДЕ ВСЕ СЛОВА НАЧИНАЮТСЯ С «НЕ»

Да, Джованнино-Бездельник был заядлым путешественником. Путешествовал он, путешествовал и оказался ещё в одной удивительной стране. Здесь все слова начинались с частицы «НЕ».

— Что же это за страна такая? — спросил он у одного горожанина, что отдыхал в тени под деревом.

Горожанин вместо ответа достал из кармана перочинный нож и протянул его на ладони Джованнино.

— Видишь?

— Вижу. Ножик.

— Ничего подобного! Это неножик, то есть ножик, у которого впереди «не». Он служит для того, чтобы огрызки карандашей превращать в новые карандаши. Очень полезная вещь для школьников.

— Великолепно! — удивился Джованнино. — А ещё что?

— А ещё у нас есть невешалка.

— То есть вы хотите сказать — вешалка?

— Нет, именно то, что я и сказал, — невешалка. От вешалки мало проку, если на неё нечего вешать. А вот с нашей невешалкой совсем иначе. На неё ничего вешать не надо, на неё уже всё повешено. Нужно тебе пальто, иди и сними его! А если кому-нибудь нужен пиджак, то незачем ходить в магазин и покупать его. Надо только подойти к невешалке и снять его оттуда. У нас есть невешалки летние и невешалки зимние, невешалки для мужчин и отдельно — для женщин. Это сберегает нам деньги.

— Прекрасно! А ещё что?

— Ещё у нас есть нефотоаппарат, который, вместо того чтобы делать обычные снимки, делает карикатуры, и людям становится весело. Ещё у нас есть непушка.

— Уфф! Как страшно!

— Ничуть! Непушка — это совсем не то, что пушка. Она служит для того, чтобы прекращать войну.

— А как же она действует?

— Очень просто! Даже ребёнок может управлять ею. Если начинается война, мы сразу же трубим в нетрубу, стреляем из пушки, и война тотчас же прекращается.

Какая прелесть эта страна, где все слова начинаются с «НЕ»!

СТРАНА, ГДЕ ВСЕ ЛЮДИ СДЕЛАНЫ ИЗ МАСЛА

Однажды Джованнино-Бездельник, великий путешественник и землепроходец, оказался в стране, где все люди сделаны из масла. На солнце они таяли, и поэтому им приходилось всё время укрываться в тени и прятаться в прохладе. И жили они в городе, где вместо домов повсюду стояли огромные холодильники. Джованнино ходил по улицам этого странного города и видел, как жители сидят у окон своих домов-холодильников, положив на голову пузырь со льдом. На двери каждого холодильника висел телефон, чтобы можно было разговаривать с его обитателями.

— Алло!— сказал Джованнино, сняв трубку у одного из холодильников.

— Алло!— ответили ему.

— Кто говорит?— спросил Джованнино.

— Король страны, где все люди сделаны из масла. А я сбит из сливок высшего сорта, снятых с молока лучших швейцарских коров. Вы обратили внимание на мой холодильник?

— Нет, а что? Ах вот в чём дело! Он же из чистого золота!.. А вы что, так никогда и не выходите из него?

— Отчего же, иногда выхожу. Зимой. В сильный мороз. И катаюсь в ледяном автомобиле.

— А если, пока ваше величество гуляет, выглянет солнце — что тогда?

— Не может оно выглянуть! Это запрещено! Я бы тотчас же приказал моим солдатам посадить его в тюрьму!

— Как бы не так!— сказал Джованнино, бросил трубку и отправился путешествовать в другую страну.

ПРО АЛИСУ, С КОТОРОЙ ВСЕГДА ЧТО-НИБУДЬ СЛУЧАЛОСЬ

А эта сказка про Алису, которая вечно куда-нибудь пропадала. Ищет, к примеру, её бабушка, чтобы пойти с ней в сад погулять:

— Алиса! Где ты, Алиса?!

— Я здесь, бабушка!

— Да где здесь-то?

— В будильнике!

Ну да, она правду сказала. А случилось вот что. Открыла Алиса окошечко, что на задней стенке будильника,— уж очень захотелось заглянуть туда,— глазом моргнуть не успела, как тут же оказалась внутри, прямо в механизме, среди пружинок и зубчатых колёсиков. А они ведь движутся, не стоят на месте. Пришлось и Алисе всё время прыгать с зубца на зубец, чтобы не пропасть, не погибнуть под колёсиками, которые, не умолкая ни на секунду, приговаривали: «Тик-так! Тик-так! Тик-так!»

А в другой раз дедушка искал Алису, чтобы накормить завтраком:

— Алиса! Где ты, Алиса?

— Я здесь, дедушка.

— Да где здесь-то?

— Ой, ну совсем рядом! В бутылке!

— Как же ты туда попала?

— Мне захотелось пить, и я только заглянула в горлышко...

Ну конечно, она оказалась в бутылке! И теперь барахталась там, чтобы не утонуть. Хорошо ещё, что летом, когда её возили в Сперлону, она научилась плавать по-собачьи.

— Ну потерпи немного. Сейчас я тебя вытащу,— сказал дедушка.

Он затолкнул в бутылку верёвку. Алиса ухватилась за неё, ловко вскарабкалась вверх и вылезла наружу. Вот когда она поняла, как хорошо, что занималась гимнастикой.

А однажды Алиса совсем пропала. Искал её дедушка, искала её бабушка, искала её соседка, которая всегда приходила читать дедушке газету, чтобы не покупать её и сэкономить на этом сорок лир.

— Боже! Вот беда-то какая!— шептала перепуганная бабушка.

— Что-то скажут её родители, когда вернуться с работы!

— Алиса! Алиса! Где ты, Алиса?

Только на этот раз девочка не откликнулась. Потому что она не могла откликнуться. Путешествуя по кухне и заглядывая всюду, куда только можно было сунуть свой любопытный нос, она попала в ящик, где всегда лежали скатерти и салфетки. Попала туда, да и заснула там, как на мягкой постели. Кто-то задвинул ящик, не заметив Алису. И в самом деле, кому может прийти в голову, что она там.

Когда же Алиса проснулась, то оказалась в полной темноте. Но она несколько не испугалась. Однажды ей уже довелось побывать в таком же положении — когда она попала в водопроводный кран. Вот там действительно было темно, пожалуй, ещё темнее, чем в ящике.

«Скоро, наверное, будут накрывать на стол к ужину,— подумала Алиса.— Тогда и откроют ящик, чтобы достать скатерть». Но разве кто-нибудь мог думать об ужине, когда Алиса пропала? Конечно,

всем было не до ужина. Родители девочки пришли с работы и очень рассердились на дедушку и бабушку:

— Хорошо же вы смотрите за ребёнком!

— Но наши дети не забирались в водопроводные краны,— возразили дедушка и бабушка.— В наше время дети иногда только падали с кровати, и если получали при этом лишнюю шишку, то это было не так уж страшно.

Наконец Алисе надоело ждать, пока кто-нибудь догадается открыть ящик. Она разрыла скатерти и салфетки, добралась до дна ящика и стала сильно топтать ногами:

— Топ! Топ! Топ!

— Тише!— сказал папа.— По-моему, где-то стучат.

— Топ! Топ! Топ!— продолжала топтать Алиса.

Как же все её обнимали и целовали, когда нашли наконец! И Алиса не растерялась — она воспользовалась случаем и тут же оказалась в кармане папиного пиджака. А когда её вытащили и оттуда, то увидели, что она успела перепачкаться в чернильной пасте, потому что уже наигралась с папиной шариковой ручкой.

ШОКОЛАДНАЯ ДОРОГА

Жили в Барлетте три маленьких мальчика — трое братишек. Гуляли они как-то за городом и увидели вдруг какую-то странную дорогу — ровную, гладкую и всю коричневую.

— Из чего, интересно, сделана эта дорога?— удивился старший брат.

— Не знаю из чего, но только не из досок,— заметил средний брат.

— И на асфальт не похоже,— добавил младший брат.

Гадали они, гадали, а потом опустили на коленки да и лизнули дорогу языком.

А дорога-то, оказывается, вся была выложена плитками шоколада. Ну братья, разумеется, не растерялись — принялись лакомиться. Кусочек за кусочком — не заметили, как и вечер наступил. А они всё уплетают шоколад. Так и съели всю дорогу! Ни кусочка от неё не осталось. Как будто и не было вовсе ни дороги, ни шоколада!

— Где же мы теперь?— удивился старший брат.

— Не знаю где, но только это не Бари!— ответил средний брат.

— И конечно, мы не в Молетте,— добавил младший брат.

Растерялись братья — не знают, что и делать. По счастью, вышел тут им навстречу крестьянин, возвращавшийся с поля со своей тележкой.

— Давайте отвезу вас домой,— предложил он. И отвёз братьев в Барлетту, прямо к самому дому.

Стали братья вылезать из тележки и вдруг увидели, что она

вся сделана из печенья. Обрадовались они и, недолго думая, принялись уплетать её за обе щёки. Ничего не осталось от тележки — ни колёс, ни оглобель. Всё съели.

Вот как повезло однажды трём маленьким братьям из Барлетты. Никогда ещё никому так не везло, и кто знает, повезёт ли ещё когда-нибудь.

КАК ПРИДУМЫВАЮТ ЧИСЛА

— Давайте придумывать числа?!

— Давайте. Чур, я первый! Почти-один, почти-два, почти-три, почти-четыре, почти-пять, почти-шесть...

— Это слишком маленькие числа. Послушай мои. Один сверх-миллион биллионов! Одна восьмица миллионниц! Один удиви-удивятище и один изумилище!

— Подумаешь! А я могу целую таблицу умножения придумать! Вот смотри!

Трижды один — Паолина и Мартин!

Трижды два — вкусная халва!

Трижды три — нос скорей утри!

Трижды четыре — шоколад, вкуснейший в мире!

Трижды пять — ошибся опять!

Трижды шесть — я хочу есть!

Трижды семь — никогда суп не ем!

Трижды восемь — милости просим!

Трижды девять — мир слезам не верит!

Трижды десять — ничего не весят!

— Скажи-ка быстро, сколько стоит эта коврижка?

- Дважды «надеру-уши»!
- А сколько отсюда до Милана?
- Тысяча километров новых, один километр совсем уже старый и семь шоколадок!
- Сколько весит слеза?
- А это по-разному. Слеза капризного мальчика весит меньше ветра. Слеза голодного мальчика — тяжелее всей Земли!
- Очень длинная получилась сказка?
- Слишком!
- Давай напоследок придумаем ещё несколько чисел. Знаешь, как считают в Модене? Раз-и-раз, двас-и-двас, трижды-трижки, четыре коврижки и пяток кочерыжек.
- А я посчитаю, как в Риме. Разик, двазик, третий тазик, а дальше считай как знаешь...

БРИФ! БРУФ! БРАФ!

Двое ребятешек мирно играли у себя во дворе. Они придумывали особый язык, чтобы можно было разговаривать только друг с другом и чтоб никто больше не понимал их.

— Бриф, бруф!— сказал первый мальчик.

— Бруф, браф!— ответил другой. И они весело рассмеялись.

На балконе второго этажа сидел старый добрый синьор, читал газету. А в окно напротив него выглядывала старая синьора — синьора так себе: ни плохая, ни хорошая.

— Какие глупые эти ребята!— сказала синьора.

Но синьор не согласился с нею.

— Я этого не нахожу,— возразил он.

— Не станете же вы утверждать, будто поняли, что они говорят?!— спросила синьора.

— Отлично понял! Первый мальчик сказал: «Какой сегодня чудесный день!» А другой ответил: «Завтра будет ещё лучше!»

Синьора поморщилась, но промолчала, потому что в это время ребята снова заговорили на своём языке.

— Мараски, барабаски, пимпиримоски!— сказал первый мальчик.

— Бруф!— ответил другой. И они снова стали смеяться.

— Неужели и на этот раз вы будете уверять, что поняли их?— рассердилась старая синьора.

— Конечно!— ответил, улыбаясь, старый добрый синьор.— Первый сказал: «Как хорошо, что мы живём на земле!» А второй ответил: «Мир так чудесен!»

— Неужели он и в самом деле так чудесен?!— удивилась старая синьора.

— Бриф! Бруф! Браф!— ответил ей старый синьор.

КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК КУПИЛ ГОРОД СТОКГОЛЬМ

Кто угодно бывает на базаре в Гавирате. И уж конечно, попадают там и такие пройдохи, которые торгуют где придётся и чем попало.

А однажды в базарный день появился на рынке человек, который продавал какие-то уж совсем необычные вещи: гору Монблан, что в Альпах, Индийский океан, Лунные моря... Язык у этого человека был так хорошо подвешен, что через час у него остался только один город — Стокгольм.

Город этот купил парикмахер. Вместо платы он побрил торговца и освежил одеколоном. А затем повесил на самом видном месте между зеркалами большое удостоверение о том, что он является владельцем города Стокгольма. Парикмахер с гордостью показывал этот документ всем своим клиентам и с удовольствием отвечал на их расспросы:

— Это город в Швеции, и не просто какой-нибудь захудалый городишко, а столица! Там живёт около миллиона человек! И все они, разумеется, принадлежат мне. Гам есть ещё море, понятно, но я пока незнаком с его владельцем...

Мало-помалу парикмахер скопил денег на дорогу и спустя год отправился в Швецию — надо же наконец посмотреть на свои владения.

Стокгольм очень понравился ему. Он нашёл, что это прекрасный город, а шведы — милейший народ. Только вот беда: шведы ни слова не понимали из того, что он говорил им, и он тоже ни полслова не понимал из того, что они отвечали ему.

— Знаете ли вы, кто хозяин вашего города? Вам сообщили, что хозяин его я?

Шведы улыбались и кивали головами, как бы отвечая — да. Ведь они не понимали, что он говорит, но были людьми вежливыми и воспитанными. Бесконечно довольный, парикмахер потирал руки:

— Такой город! Подумать только, как дёшево я заплатил за него — всего-навсего стрижкой с одеколоном отделался!

И всё же он ошибался, этот парикмахер. Он слишком много заплатил за него — переплатил! Ему невдомёк было, что каждому ребёнку, который появляется на свет, принадлежит весь мир, и ему ничего не надо платить за него — ни единого сольдо! Ему нужно только засучить рукава, хорошо поработать, и всё на земле окажется в его руках.

КАК ДЖОВАННИНО ПОТРОГАЛ КОРОЛЯ ЗА НОС

Однажды Джованнино-Бездельник решил побывать в Риме, чтобы потрогать короля за нос. Друзья отговаривали его:

— Смотри, опасное это дело! Рассердится король — и расстанешься ты со своим собственным носом, а заодно и с головой!

Но Джованнино был упрямым человеком. Собираясь в путь, он решил для практики потрогать за нос священника, мэра и фельдфебеля. Он сделал это так ловко и осторожно, что те даже ничего не заметили.

— Не так уж это и трудно?— решил Джованнино и отправился в путь.

Приехал он в соседний город, узнал, где живут мэр и судья, явился к ним с визитом и всех по очереди тоже потрогал за нос — кого одним пальцем, а кого и двумя. Важным особам это не очень понравилось, — ведь он поначалу казался вполне воспитанным человеком и умел разговаривать почти про всё что угодно. Мэр посердился про себя немного, а потом всё-таки спросил:

— Зачем вы трогаете меня за нос?

— Что вы, господин председатель!— воскликнул Джованнино.— Вам, наверное, показалось. Это была муха!

Председатель посмотрел по сторонам и не увидел ни мухи, ни комара, но Джованнино уже успел откланяться и удалиться, не забыв затворить за собой дверь.

У Джованнино была тетрадка. Он вёл в ней счёт всем носам, которые ему удалось потрогать. Всё это были важные носы.

В Риме, однако, число носов росло так быстро, что Джованнино пришлось купить тетрадку потолще. Стоило пройти немного по любой улице, как непременно встречались ему пара каких-нибудь сиятельств, несколько бывших министров и десятков-другой генералов. О разных там председателях и говорить нечего — в Риме их было больше, чем нищих.

И все эти сиятельные носы были прямо под руками. Когда Джованнино трогал их, все они принимали этот жест как знак уважения к ним. А один крупный начальник даже порекомендовал своим подчинённым узаконить новый обычай, советуя поступать так же,

— Отныне и впредь вместо поклона можете трогать меня за нос!— заявил он.— Это более современная и более утончённая манера.

Вначале подчинённые с опаской протягивали руки к носам своих начальников. Но те подбадривали их, широко улыбаясь. И тогда началось — все стали трогать, щупать, щипать и дёргать за нос своих начальников. Высокопоставленные носы стали красными и заблестели от удовольствия.

Джованнино не забыл, однако, ради чего он приехал в Рим,— ему надо было потрогать за нос короля. И он ждал удобного случая. Случай этот представился в день королевского выезда. Джованнино заметил, что время от времени кто-нибудь выбегал из толпы, вскакивал

на подножку королевской кареты и вручал королю пакет, конечно, с каким-нибудь прошением. Король, улыбаясь, передавал пакет первому министру.

Когда карета оказалась рядом с Джованнино, он тоже вскочил на подножку и, пока король благосклонно улыбался ему, сказал: — С вашего позволения! — протянул руку и указательным пальцем потёр королю кончик носа.

Король тотчас же и сам с изумлением потрогал свой нос, открыл было рот, чтобы что-то приказать, но Джованнино уже спрыгнул с подножки и скрылся в толпе. Кругом раздались шумные аплодисменты, и тотчас же все с восторгом поспешили последовать примеру Джованнино: один за другим люди взбирались на подножку кареты, хватали короля за нос и как следует дёргали его.

— Не беспокойтесь, ваше величество! Это новый знак внимания! — шепнул на ухо королю первый министр и натянуто улыбнулся.

Но королю было уже совсем не до улыбок: нос у него распух и заболел, начался насморк. Он не успевал даже прикладывать платок, потому что его верные подданные не давали ему ни минуты покоя и, смеясь, продолжали весело дёргать короля за нос.

Словом, король уже мечтал только об одном — как бы остаться с носом!

А Джованнино предовольный вернулся в родное село.

КАРУСЕЛЬ В ЧЕЗЕНАТИКО

Однажды в Чезенатико появилась на берегу моря карусель — шесть деревянных лошадок и столько же красных, довольно облезлых автомобилей — для ребят с более современными вкусами. Невысокий человек вручную раскачивал карусель. Он был маленький, хмурый, худой и лицом походил на тех людей, которые день едят, а два нет. Словом, это была не бог весть какая карусель, но ребятам она, должно быть, казалась намазанной мёдом, потому что они так и тянулись к ней, упрасывая родителей покатать их.

— Да что́ она, в самом деле намазана мёдом, что ли? — удивлялись мамы и предлагали ребятам: — Давайте пойдём посмотреть дельфинов в канале! Или сходим в кафе, где есть кресла-качалки!

Но где там! Ребятам подавай карусель, да и только!

Как-то вечером один старый синьор посадил своего внука в красный автомобиль, а сам тоже поднялся на карусель и сел на деревянную лошадку. Ему было неудобно сидеть на ней — ноги у него были длинные и волочились по земле, и синьор смеялся. Но едва карусель закружилась... Что за чудеса! Старый синьор в одно мгновение оказался выше самого высокого небоскрёба в Чезенатико, и его лошадка поскакала по воздуху прямо к облакам. Синьор

посмотрел вниз и увидел сразу всю Романию — провинцию, в которой он жил, — затем всю Италию, а потом и всю Землю, которая удалялась куда-то под стук копыт его лошадки. Скоро она стала походить на маленькую голубую карусель, которая кружилась и кружилась, показывая один за другим свои материки и океаны, словно нарисованные на глобусе.

— Куда же мы едем? — удивился синьор, как вдруг увидел своего внука. Тот сидел за рулём красного, довольно облезлого автомобиля, который превратился теперь в космический корабль. Затем он рассмотрел и остальных ребят. Они спокойно и уверенно правили — кто рулём, а кто вожжами. И все мчались по своим орбитам, будто искусственные спутники.

А человек, который крутил карусель, был уже ух как далеко! Но снизу ещё доносилась заигранная популярная песенка, под которую крутилась карусель.

«Тут, пожалуй, не без колдовства! — решил старый синьор. — Этот человек, наверное, волшебник! — И спустя немного ещё подумал: — Если мы облетим вокруг Земли, пока звучит эта песенка, то, пожалуй, побьём рекорд Гагарина...»

В это время небесный караван пролетал над Тихим океаном со всеми его островками, а потом над Австралией со скачущими кенгуру, над Южным полюсом, где миллионы пингвинов стояли, задрав кверху головы. Сосчитать их не было времени, потому что на их месте уже появились американские индейцы, сигналившие дымом костров, а затем небоскрёбы Нью-Йорка, а потом ещё один небоскрёб — в Чезенатико. Музыка умолкла. Старый синьор изумлённо оглянулся по сторонам: он снова сидел на выдавшей виды тихой карусели, в родном городе, на берегу Адриатического

моря. Хмурый, худой человек медленно и осторожно — чтобы не было резких толчков — останавливал карусель.

Старый синьор, пошатываясь, сошёл на землю.

— Скажите...— обратился он к хмурому человеку. Но тому некогда было слушать его. Другие ребята уже уселись на лошадок, в машины, и карусель отправлялась в новое кругосветное путешествие.

— Скажите...— снова смущённо заговорил старый синьор.

Хмурый человек даже не взглянул на него. Он раскручивал карусель. И вот уже замелькали весёлые лица ребят, которые искали глазами своих пап и мам, стоявших у карусели и ободряюще улыбававшихся.

«Волшебник он или не волшебник, этот полунищий человек? А эта смешная машина, что крутится под звуки заигранной пластинки, волшебная карусель? Ладно,— решил старый синьор,— лучше я никому не буду говорить про это. Ещё посмеются надо мной, скажут: "Разве вы не знаете, что в вашем возрасте опасно кататься на карусели — может закружиться голова?!"»

НА ПЛЯЖЕ В ОСТИИ

Неподалёку от Рима, на берегу моря, есть небольшой городок Остия. Летом римляне ездят туда купаться и загорать. Народу приезжает так много, что невозможно даже детской лопаткой копнуть песок. И тому, кто приходит на пляж позже всех, просто негде расположиться.

Как-то раз пришёл на пляж один очень странный синьор, весёлый и к тому же большой выдумщик. Он пришёл позже всех и, конечно, не нашёл места, чтобы поставить свой зонт от солнца. Тогда он раскрыл его, покрутил немного ручку, и вдруг зонтик сам собой поднялся в воздух, пролетел над тысячами других зонтов, что стояли на песке, и прилетел к самому берегу моря, но не опустился на землю — опуститься было некуда,— а повис в воздухе метрах в двух-трёх над землёй. Изобретательный синьор раскрыл свой шезлонг, и он тоже повис в воздухе. Синьор расположился в шезлонге в тени зонта, достал из кармана книжку и принялся читать, наслаждаясь солёным и целебным морским воздухом.

Сначала его даже не заметили. Все спокойно сидели под своими зонтами. Одни пытались разглядеть хотя бы краешек моря из-за торчащих впереди голов. Другие решали кроссворды, а третьи просто дремали. На небо никто и не смотрел. Вдруг что-то упало на зонт одной синьоры. Она подумала, что это мяч, и встала, чтобы отругать расшалившихся ребят. Оглянулась туда, сюда, но не нашла озорников, взглянула наверх и увидела весёлого синьора, висевшего в своём шезлонге прямо у неё над головой.

— Простите, у меня упала книжка. Бросьте мне её, пожалуйста, сюда, будьте любезны!— сказал ей синьор.

Синьора так удивилась, что тут же упала как подкошенная. К ней подбежали родственники, помогли подняться. Синьора была такая толстая, что сама никак не могла встать. Она не в силах была даже слово вымолвить от испуга и только молча показывала пальцем на висящий в воздухе зонт.

— Будьте любезны,— повторил синьор как ни в чём не бывало,— бросьте мне сюда мою книжку.

— Разве вы не видите, что напугали нашу тётушку?— услышал он в ответ.

— Мне очень жаль, но я не хотел этого!

— И вообще спускайтесь оттуда! Висеть в воздухе запрещено!

— Ничего подобного! Я устроился тут, потому что на пляже нет места. Я ведь тоже заплатил деньги за вход!

Теперь весёлого синьора увидели уже все отдохавшие на пляже, все стали показывать на него пальцем и громко смеяться.

— Смотрите-ка на него,— говорили люди,— у него там, наверное, зонтик с ракетным двигателем!

— Синьор Гагарин!— кричали другие.— А нас не прихватите к себе?!

Какой-то мальчик бросил синьору его книжку, и тот, найдя нужную страницу, снова принялся читать. Постепенно люди успокоились и перестали обращать на него внимание. Только ребята то и дело с любопытством посматривали на него, а самые смелые кричали:

— Синьор, а синьор!

— Ну, что вам?

— Научите и нас летать!

Но синьор фырчал в ответ что-то непонятное и снова принимался читать.

Вечером зонт с лёгким свистом тронулся с места и пролетел над всем пляжем. Изобретательный синьор приземлился на дороге прямо у своего мотоцикла, сел на него и уехал.

И никто так и не узнал, что это был за синьор и где ему удалось купить такой зонт.

ПРО МЫШОНКА ИЗ КНИЖОНКИ

Этот мышонок всю свою жизнь прожил в тоненькой дешёвенькой книжонке — знаете, из тех, в которых печатают рассказы в картинках. Надоело мышонку жить в этой книжке, и решил он поменять себе квартиру — найти другую, где бумага была бы получше на вкус и хотя бы пахла сыром. Собрал он все свои силёнки и как прыгнет!..

Так он и оказался вдруг в настоящем мире, среди настоящих живых мышей.

— Скуаш!— сразу же испугался он, почуяв запах кошки.

— Что он сказал?— удивились мыши, поражённые столь непонятным языком.

— Сплум, бах, плюм!— сказал мышонок, который умел говорить только на том языке, на каком делались надписи к рисункам в его книжонке.

— Наверное, он иностранец!— заметила одна старая корабельная мышь, которая, прежде чем уйти на пенсию, служила на Средиземном море. И она попыталась заговорить с ним по-английски.

Но мышонок посмотрел на неё, ничего не понимая, и сказал:

— Циип, фниш, броик.

— Нет, это не англичанин,— заметила корабельная мышь.

— Тогда кто же?

— Пойди разбери кто!

Так и прозвали мышонка — Пойди-Разбери — и относились к нему как к деревенскому дурачку.

— Пойди-Разбери,— спрашивали его,— какой сыр тебе больше по душе — пармиджанский или пошехонский?

— Сплинг, грон, цицицаир,— отвечал мышонок из книжонки.

— Спокойной ночи!— смеялись мыши. А самые маленькие мышата вдобавок дёргали его за хвост — им хотелось послушать, как он смешно будет сердиться:

— Цоонг, сплаш, скуарр!

Однажды мыши отправились на мельницу, где лежало много мешков с белой и жёлтой мукой. Мыши прогрызли мешки и принялись уплетать муку. Только и слышно было, как они дружно щёлкали зубами:

— Крик, крик, крик!

Впрочем, так делают все мыши на свете. Только мышонок из книжонки щёлкал зубами совсем по-другому:

— Крек, скрек, скерекек.

— Научись хотя бы есть, как порядочные люди,— проворчала корабельная мышь.— Будь ты на корабле, тебя за это уже давно выбросили бы в море. Ты понимаешь хотя бы, что неприятно слушать твоё чавканье?

— Кренг,— ответил мышонок из книжонки и снова забрался в мешок с мукой.

Корабельная мышь подала остальным мышам знак, и все они тихо-тихо удалились, покинув «иностранца» на произвол судьбы, уверенные, что он не найдёт дорогу домой.

Мышонок как ни в чём не бывало продолжал лакомиться мукой. А когда заметил наконец, что остался один, было уже слишком темно, чтобы возвращаться домой. И он решил провести ночь на

мельнице. Он уже и задремал было, как вдруг в темноте вспыхнули два жёлтых семафора и послышались осторожные шаги четвероногого охотника. Это был кот!

— Скуаш!— в ужасе воскликнул мышонок.

— Грагранья!— ответил ему кот. Он, оказывается, тоже был из книжки! И настоящие коты прогнали его, потому что он не умел говорить «мяу» как полагается.

И изгнанники обнялись, поклялись в вечной дружбе и всю ночь провели в разговорах на своём странном книжном языке. Они прекрасно понимали друг друга!

ИСТОРИЯ КОРОЛЕВСТВА ОБЖОРИЯ

В далёком древнем королевстве Обжория, что лежит на восток от герцогства Пей-до-дна, первым королём был когда-то Обжорий Железный Желудок. Его прозвали так за то, что, уплетая макароны, он с хрустом сжёвывал и тарелки, на которых они подавались, и отлично переваривал всё это.

Его сменил на троне Обжорий Второй по прозвищу Три Ложки: потому что он ел суп сразу тремя серебряными ложками — две он держал сам, а третью ему подносила ко рту королева, и горе ей, если ложка была неполной.

Трон королевства Обжория возвышался во главе громадного стола, который с утра до ночи был уставлен кушаньями и завален всякой снедью. Понятно, что от королей отбоя не было. Один за другим на трон забирались:

Обжорий Третий, Любитель Закуски.

Обжорий Четвёртый, Свинная Отбивная.
Обжорий Пятый, Вечно Голодный.
Обжорий Шестой, Фаршированный Индюк.
Обжорий Седьмой, Дай Добавку. Он был знаменит ещё тем, что съел даже свою корону, а она ведь была из кованого железа.
Обжорий Восьмой, Сырная Крошка. Про него рассказывают, что, когда на столе уже не оставалось ни крошки, он съедал скатерть.
Обжорий Девятый, Стальная Челюсть. Он кончил тем, что съел трон со всеми подушками.
Так и окончилась династия королей Обжориев.

КАК АЛИСА В МОРЕ ПОБЫВАЛА

Однажды пошла Алиса купаться в море, и так оно ей понравилось, что она ни за что не захотела выходить из воды.

— Алиса, хватит, вылезай!— кричала ей мама.

— Сейчас, сейчас!— отвечала Алиса.

А сама думала: «Буду сидеть в воде до тех пор, пока у меня не вырастут плавники и я не превращусь в рыбку».

И с тех пор каждый вечер, прежде чем улечься в постель, она подходила к зеркалу и смотрела, не прорезались ли у неё плавники, или, быть может, прежде начнёт появляться серебристая чешуя? Но каждый раз находила на своих плечиках только несколько песчинок, и то если она не слишком старательно мылась в душе.

Однажды утром она пришла на пляж раньше обычного и встретила там мальчика, который собирал морских ежей и моллюсков. Мальчик был сыном рыбака и прекрасно разбирался во всём, что касается моря.

— А не знаешь ли ты, как превратиться в рыбу?— спросила у него Алиса.

— Ну, это проще простого!— ответил мальчик.— Могу хоть сейчас показать.

Он положил на камень узелок с ежами и моллюсками и прыгнул в море. Прошла минута, прошла другая, а мальчик всё не всплывал на поверхность. А в том месте, где он нырнул, вдруг показался из воды дельфин и давай кувыркаться между волнами и вздымать к небу весёлые фонтаны брызг. Он играл и резвился у самых ног Алисы, и она нисколечко его не боялась.

Наигравшись, дельфин легко взмахнул хвостом и уплыл в море. А на том месте, где только что был дельфин, вдруг появился мальчик.

— Видела, как это просто?— улыбнулся он.

— Видела,— ответила Алиса,— только у меня, наверное, не получится.

— А ты попробуй.

Алиса бултыхнулась в воду. Ей очень хотелось стать какой-нибудь

морской звездой. Но тут с ней, конечно же, приключилась беда: Алиса опустилась на большую двустворчатую раковину, которой как раз в этот момент захотелось зевнуть. Едва Алиса коснулась раковины, она тут же захлопнулась и заперла Алису вместе со всеми её мечтами.

«Ну вот, опять я куда-то попала!» — подумала девочка.

Но какая тишина, какая свежесть и покой царили тут, на дне морском. Хорошо было бы остаться тут навсегда и жить на дне моря, как когда-то в давние времена жили русалки. Алиса вздохнула. Она вспомнила о маме. Бедная мама, наверное, думает, что её дочь уже в постели! Потом Алиса вспомнила о папе, который как раз сегодня вечером должен приехать из города, потому что была суббота.

— Нет, не могу я оставить их одних! Ведь они так любят меня! На этот раз я уж так и быть вернусь на землю.

Она изо всех сил упёрлась руками и ногами в створки раковины, приоткрыла их, выскользнула наружу и скорее поплыла наверх.

Вынырнула она на поверхность и увидела, что мальчик, который собирал морских ежей и моллюсков, уже далеко.

И Алиса побежала домой. Она никогда и никому не рассказывала о том, что с ней приключилось в море.

ВОЙНА КОЛОКОЛОВ

Шла однажды война, большая и ужасная война между двумя странами. Очень много солдат тогда полегло на поле боя. Мы были на нашей стороне, а враги — на своей. Стрельба шла день и ночь, но война всё никак не кончалась, и нам стало не хватать бронзы для пушек, кончилось железо для пулемётов и так далее.

Тогда наш командующий Сверхгенерал Стреляй-мимо приказал снять колокола со всех колоколен и отлить из них одну огромную пушку — только одну, но такую большую, чтобы можно было выиграть войну с одного выстрела.

Чтобы поднять эту пушку, нужно было сто тысяч подъёмных кранов, а чтобы отвезти её на фронт — девяносто семь поездов. Сверхгенерал потирал руки от удовольствия и говорил:

— Стоит только выстрелить из этой пушки, как враги пустятся наутёк и докатятся до самой Луны.

И вот настал торжественный момент. Сверхпушку нацелили на врагов. Мы заткнули уши ватой, потому что от грохота выстрела у нас могли лопнуть барабанные перепонки и евстахиева труба. Сверхгенерал Стреляй-мимо скомандовал:

— Огоны!

Артиллерист нажал на пусковой рычаг. И вдруг по всему фронту,

с одного края в другой, прокатился оглушительный колокольный звон:

— Дин! Дон! Дин! Дон!

Мы вынули вату из ушей, чтобы лучше слышать.

— Дин! Дон! Дин! Дон!— гудела сверхпушка.

И сто тысяч эхо повторяли по всем городам и сёлам:— Дин! Дон! Дин! Дон!

— Огонь!— снова закричал Сверхгенерал.— Огонь, чёрт возьми!

Артиллерист снова нажал на пусковой рычаг, и снова величавый колокольный перезвон поплыл над траншеями. Казалось, будто зазвонили сразу все колокола в нашей стране. Сверхгенерал рвал на себе волосы от злости и отчаяния и так перестарался, что у него остался всего один волосок.

Затем наступила тишина. И вдруг с другой стороны фронта, словно по команде, тоже раздался громкий и радостный перезвон:

— Дин! Дон! Дин! Дон!

Потому что, надо вам сказать, командующему наших врагов Смерть-генералу Бах-фон-Бабаху тоже пришлось в голову отлить одну большую пушку из всех колоколов, что были в его стране.

— Дин! Дон!— гудела сверхпушка.

— До-он!— отвечало ей вражеское орудие.

Тут солдаты обеих армий выскочили из траншей и побежали друг другу навстречу. Они бросились обниматься, стали смеяться и танцевать от радости.

— Колокола! Колокола звонят! Праздник! Войне конец! Ура! Да здравствует мир!

Сверхгенерал Стреляй-мимо и Смерть-генерал Бах-фон-Бабах забрались в свои автомобили и пустились наутёк! Они умчались так далеко, что у них даже кончился весь бензин, но колокольный звон ещё долго продолжал преследовать их.

ФИАЛКА НА СЕВЕРНОМ ПОЛЮСЕ

Однажды утром на Северном полюсе Белый Медведь почувствовал в воздухе какой-то необычный запах и сказал об этом Большой Медведице (а Малая Медведица — это его дочь):

— Разве снова приехала какая-нибудь экспедиция?

Но оказалось, дело было не в этом. Оказалось, медвежата нашли фиалку. Она была совсем маленькая, дрожала от холода, но продолжала источать свой аромат, потому что это было её профессией, её призванием.

— Папа! Мама! Идите сюда!— позвали медвежата родителей и показали им свою удивительную находку.

— Я сразу же сказал, что тут что-то не так,— заметил Белый Медведь.— По-моему, это не рыба.

— Я не уверена в этом,— ответила Большая Медведица,— но это даже не птица.

— Ты тоже права,— сказал Медведь, сначала порядком подумав.

К вечеру по всему Северному полюсу разнеслась новость: в необозримой ледяной пустыне появилось маленькое странное ароматное существо лилового цвета. Оно держалось только на одной-единственной ножке и не двигалось с места.

Посмотреть на фиалку собрались моржи и тюлени, прибыли олени из Сибири, из Америки — мускусные быки, а из совсем далёких краёв прибежали белые лисицы, волки, прилетели морские сойки.

Все восхищались незнакомым цветком, его трепещущим стеблем, все вдыхали его аромат. И что самое странное: чудесного запаха хватало на всех — и для тех, кто всё подходил и подходил. Его было столько же, сколько раньше.

— Раз она источает столько аромата,— сказал один морж,— значит, у неё подо льдом должен быть целый запас его.

— Я же сразу сказал, что тут что-то кроется,— воскликнул Белый Медведь.

Он сказал не совсем так, но этого никто не помнил.

Чайка, которую послали на юг разузнать что-нибудь про странное явление, вернулась и рассказала, что маленькое ароматное существо зовётся фиалкой и что в некоторых странах растут миллионы таких фиалок.

— Ну, в этом нет ничего нового для меня!— заметил морж.— Вопрос в другом — как она попала сюда? Я скажу вам всё, что думаю по этому поводу: я просто не знаю, какую рыбу хватать!

— Я не понял. Что он хотел сказать?— спросил Белый Медведь у своей жены.

— Он хотел сказать, что не знает, какую рыбу хватать. Другими словами — он в полном недоумении.

— Вот!— воскликнул Белый Медведь.— Это как раз то, что и я думаю по этому поводу!

В ту ночь над Северным полюсом стоял страшный грохот. Вечные льды дрожали и, как стёкла, раскалывались на куски. Фиалка источала столько чудесного аромата и такого сильного, будто она решила сразу, за один день, растопить эту огромную ледяную пустыню, чтобы превратить её в тёплое лазурное море или в зелёный бархатный луг. Бедняжка так потрудилась, что силы её иссякли. К рассвету она увяла, головка её поникла, она потеряла свой цвет, а вместе с ним и жизнь.

Если перевести на наш язык то, что подумала она в последнюю минуту, то это прозвучало бы примерно так: «Вот я умираю... Но это неважно. Важно, что кто-то начал борьбу... И в один прекрасный день здесь распустятся миллионы фиалок. Льды растают, и тут появятся острова, покрытые лугами и цветами, и по ним будут бегать дети...»

ПРО МОЛОДОГО РАКА

Один молодой рак подумал как-то: «Почему все мои сородичи ходят одинаково — все пятятся назад? А я вот возьму и научусь ходить наоборот — вперёд, как лягушка, например. И пусть у меня отвалится хвост, если я не добьюсь своего!»

Стал рак тренироваться среди камней в родном ручье. Поначалу это стоило ему огромного труда. Он всё время на что-нибудь наткался, ударялся панцирем, цеплялся одной клешней за другую. Но постепенно дела у него пошли лучше, потому что ведь всему на свете можно научиться; стоит только захотеть.

Когда рак почувствовал уверенность в себе, он явился к родным и сказал:

— Вот посмотрите!— и горделиво прошёлся перед ними, но не пятясь, как все раки, назад, а двигаясь вперёд.

— Сын мой!— заплакала его мать.— Разве я не учила тебя уму-разуму?! Опомнись, милый! Ходи ты, пожалуйста, как все нормальные раки ходят!

А братья только хихикали. Отец же сурово посмотрел на молодого рака и сказал:

— Хватит! Хочешь жить вместе с нами, ходи, как ходят все нормальные раки. А если ты сам себе голова, то иди отсюда и не возвращайся: ручей большой, места всем хватит.

Храбрый рак очень любил родных, но он был слишком уверен в своей правоте, и сомнений у него не было: он обнял мать, попрощался

с отцом и братьями и отправился в дальние края — на другой конец ручья.

Лягушки, что собрались посплетничать на большом листе кувшинки, увидев, как необычно движется молодой рак, были потрясены и оживлённо стали обсуждать это событие:

— Боже! Ну и дела творятся на белом свете! Стоит посмотреть на этого рака — и страшно подумать, что станет с человечеством! — сказала одна лягушка.

— Да, ни капли уважения к старым традициям! — согласилась другая.

— Ох! Ох! — вздохнула третья.

Но молодой рак не стал обращать на них внимания и пошёл дальше.

Вдруг он услышал, что кто-то зовёт его. Он оглянулся и увидел старого, большого и очень грустного рака, который жил под камнем совершенным отшельником.

— Добрый день! — приветствовал его молодой рак.

Старый рак долго смотрел на него, а потом сказал:

— Ты думаешь, что совершаешь геройский подвиг? Я тоже в молодости хотел научить всех раков двигаться вперёд. И вот что стало со мной в результате: живу в одиночестве, и люди скорее прикусят себе язык, чем заговорят со мной. Послушай меня, пока не поздно, — успокойся и делай всё, как все люди, увидишь, ты ещё поблагодаришь меня за этот совет.

Молодой рак не знал, что ответить, и промолчал. Но про себя подумал: «А всё-таки прав я!» Он попрощался со старым раком и упрямо пошёл своей дорогой.

Далеко ли он уйдёт? Найдёт ли он своё счастье? Изменит ли он что-нибудь в мире? Мы не знаем этого, потому что он пока ещё мужественно и решительно идёт своей дорогой. Мы можем только пожелать ему от всего сердца: доброго пути!

ВОЛОСЫ ВЕЛИКАНА

Жили однажды четыре брата. Трое были очень маленького роста и ужасно хитрые, а четвёртый был великаном, невероятным силачом и очень простодушным человеком, совсем не таким, как его братья.

Вся сила у него была в руках, а ум — в волосах. Понятно, что хитрые братья подстригали великана как можно короче, чтобы ума у него оставалось поменьше, и заставляли работать за четверых. Сами они только смотрели, как он работает, да потуже набивали свои карманы деньгами.

Бедняге великану приходилось делать всё за всех: пахать поле, колоть дрова, вертеть мельничное колесо, возить телегу вместо вола. А хитрые братья только понукали, сидя на козлах, да пощёлкивали бичом. И ещё они всё время следили, чтобы у великана не отросли волосы.

— Тебе очень идёт короткая стрижка! — говорил один.

— Да, истинная красота не в кудрях! — замечал другой.

— Смотрите, вот эта прядка у него слишком длинная, по-моему. Надо её сегодня вечером подкоротить! — предлагал третий.

А сами пересмеивались и подталкивали друг друга в бок. На базаре они забирали себе всю выручку и отправлялись веселиться в трактир, а брата-великана заставляли сторожить телегу.

Кормили они его, правда, неплохо — надо же, чтобы у него хватало сил работать. Пить они ему тоже давали всякий раз, как он попросит, но всегда это было вино только одного сорта — то, что бьёт из фонтана.

Но вот однажды великан заболел, и братья в страхе, что он умрёт и перестанет работать на них, позвали самых лучших докторов, накупили ему самых дорогих лекарств и даже стали подавать завтрак в постель.

Один брат поправлял подушки, другой — одеяло. И все трое наперебой говорили:

— Видишь, как мы любим тебя! Смотри не вздумай умереть! Не выкинь с нами такую шутку!

Братья так были обеспокоены его болезнью, что совсем забыли про его причёску, и волосы у великана незаметно отросли — стали длинными-длинными. Вместе с ними прибавилось у великана и ума. Он стал больше думать, внимательнее присматриваться к братьям, примечать всё, что делается вокруг, и понял наконец, какие это недобрые люди. Но поначалу он ничего не сказал им, подождал, пока наберётся сил побольше, и однажды утром, когда братья ещё спали, встал, перевязал каждого, словно колбасу, верёвкой и погрузил в телегу.

— Куда ты везёшь нас? Куда везёшь своих любящих братьев? — взмолились они.

— Сейчас узнаете, — ответил великан.

Он привёз их на вокзал, посадил в поезд, так и не развязав верёвок, и сказал напоследок:

— Уезжайте, и чтобы ноги вашей не было в этих краях! Вы достаточно поизмывались надо мной. Теперь я сам себе хозяин.

Паровоз засвистел, поезд тронулся. Трое хитрых братьев сидели тихохонько-тихохонько. И никто больше никогда не видел их.

КАК УБЕЖАЛ НОС

Синьор Гоголь рассказал как-то историю об одном носе, который катался по Невскому проспекту в коляске и проделывал невероятные вещи.

Такой же нос проказничал однажды в Лавено, на озере Лаго Маджоре.

Однажды утром синьор, который жил напротив причала, встал и пошёл в ванную комнату. Он собирался побриться, но, взглянув в зеркало, вдруг закричал не своим голосом:

— На помощь! Спасите! Мой нос!..

На лице у него не было носа. Вместо него осталось ровное, гладкое место. Синьор, в чём был, выбежал на балкон как раз вовремя, чтобы увидеть, как его нос выходит на улицу и быстро направляется к причалу.

— Стой! Стой!— закричал синьор.— Мой нос! Хватайте его! Держите его!

Люди смотрели на балкон и смеялись:

— Нос украли, а лысину забыли?! Нехорошо, ай, как нехорошо!..

Синьору оставалось только одно — выбежать на улицу и пуститься в погоню за беглецом. К лицу он прижимал платок, словно у него был сильный насморк. К сожалению, на причал он прибежал, когда паром уже отошёл. Тогда синьор отважно бросился в воду и поплыл вдогонку за ним. А пассажиры и туристы кричали ему что было мочи:

— Давай! Давай! Жми!

Но паром уже набрал скорость, и у капитана не было ни малейшего желания возвращаться ради какого-то опоздавшего пассажира.

— Подожди следующего парома!— крикнул ему один моряк.— Он ходит каждые полчаса.

Синьор страшно огорчился и поплыл обратно к берегу, как вдруг увидел, что его нос плывёт по озеру на своём плаще.

— Ах вот как?! Значит, ты только притворился, будто хочешь сесть на паром!— закричал синьор.

Нос невозмутимо продолжал смотреть вперёд, словно старый морской волк, и даже ухом не повёл. Плащ медленно, словно медуза, покачивался на волнах.

— Да куда же ты?— в отчаянии закричал синьор.

Нос не удостоил его ответом, и несчастному синьору пришлось вернуться на берег. Пробравшись сквозь толпу любопытных, он пошёл домой. Поднявшись к себе, он заперся, велел служанке никого не пускать к нему, сел перед зеркалом и принялся рассматривать гладкое ровное место, которое осталось у него вместо носа.

А спустя несколько дней один рыбак из Ранко, выбирая свои сети, обнаружил в них беглеца, утонувшего посреди озера, потому

что плащ его был слишком дырявым. Рыбак решил отнести нос на базар в Лавено.

Служанка синьора в тот день тоже отправилась на базар за рыбой. Там она и увидела хозяйский нос. Он гордо красовался среди линей и щук.

— Да ведь это же нос моего хозяина!— испугалась служанка, а потом сразу же сообразила:— Дайте мне его сюда, я отнесу домой!

— Чей это нос — меня не касается!— заявил рыбак.— Я его выловил, я его и продаю.

— За сколько?

— На вес золота, разумеется! Это ведь нос, не рыбёшка какая-нибудь!

Служанка побежала домой и рассказала всё хозяину.

— Дай ему всё, что он попросит! Я хочу, чтобы мой нос вернулся на место!— в отчаянии закричал синьор.

Служанка быстро подсчитала, что нужно страшно много денег, потому что нос был довольно большой, надо было триста ужасных тысяч и тринадцать девятищ с половинкой. Чтобы собрать столько денег, ей пришлось даже продать свои серёжки. Но она очень любила своего хозяина и поэтому без сожаления распрощалась с ними.

Служанка купила нос, завернула в платок и принесла хозяину. Нос спокойно позволил принести себя домой и даже несколько не возмутился, когда хозяин осторожно взял его дрожащими руками за кончик.

— Отчего же ты убежал, глупенький? Что я тебе такого сделал?— спросил синьор.

Нос посмотрел на него искоса, недовольно поморщился и сказал:

— Знаешь, если хочешь, чтобы я оставался на месте, не ковыряй больше пальцем в носу. Или стриги, по крайней мере, ногти!

ДОРОГА, КОТОРАЯ НИКУДА НЕ ВЕДЁТ

На окраине села улица разветвлялась на три дороги — одна вела к морю, другая — в город, а третья — никуда не вела. Мартино знал это, потому что у всех спрашивал про третью дорогу и все отвечали ему одно и то же, будто сговорились:

— Та дорога? Она никуда не ведёт. Не стоит ходить по ней.

— Но всё-таки куда-то она ведёт?

— Нет, совсем никуда не ведёт!

— Так зачем же её построили?

— Никто и не строил её. Она всегда там была.

— И никто никогда не ходил по ней?

— Ох, и упрямая ты голова!.. Раз тебе говорят, что там ничего нет...

— А откуда вы знаете? Вы разве ходили по ней?

Мартино был такой настойчивый, что его так и прозвали — Martino Упрямая Голова. Но он не обижался на это и продолжал думать о дороге, которая никуда не ведёт.

Когда он подростом настолько, что мог переходить улицу, не держась за дедушку, он встал однажды рано утром, вышел из села и решительно зашагал по таинственной дороге, которая никуда не вела.

Дорога была вся в выбоинах, местами заросла травой, но, к счастью, дождя давно не было — не было и луж на дороге. Поначалу по обе стороны шла изгородь, но скоро она кончилась, и тогда дорога потянулась через лес. Ветви деревьев переплетались над ней, и получалась тёмная прохладная галерея, в которую лишь изредка, словно луч карманного фонарика, пробивался солнечный свет.

Шёл Martino, шёл, а галерея всё не кончалась, и дорога не кончалась тоже. У Martino уже заболели ноги от усталости, и он стал подумывать, не вернуться ли назад. Вдруг откуда ни возьмись — собака!

— Где собака, там и жильё!— решил Martino.— Или, во всяком случае, человек.

Собака побежала навстречу Martino, радостно виляя хвостом, и лизнула ему руку, а потом побежала вперёд по дороге, всё время оглядываясь, идёт ли за ней Martino.

— Иду, иду!— говорил Martino, которого всё это очень заинтересовало.

Постепенно лес стал редеть, проглянуло небо, и дорога привела к большому железным воротам.

За оградой Martino увидел дворец. Все окна его были гостеприимно распахнуты, из трубы шёл дым, а на балконе стояла прекрасная синьора, приветливо махала Martino рукой и звала:

— Сюда, сюда, Martino Упрямая Голова!

— Э! — обрадовался Martino.— Я не знал, куда приду, но вы, оказывается, хорошо знали, кто к вам придёт!

Martino открыл ворота, пересёк парк и вошёл во дворец как раз в тот момент, когда прекрасная синьора уже вышла к нему навстречу. Синьора была очень красива и одета куда лучше всяких фей и принцесс. И к тому же весёлая-превесёлая.

— Так ты не поверил?— засмеялась она.

— Чему?— удивился Martino.

— Не поверил, что эта дорога никуда не ведёт?

— Ещё бы! Слишком глупая история. По-моему, на свете гораздо больше просто ещё не изведанных путей, чем нехоженных дорог.

— Разумеется. Нужно только не бояться неизвестных дорог. А теперь идём, я покажу тебе дворец.

Больше ста залов было во дворце, и все они были забиты сокровищами — совсем как в сказках про спящих красавиц или про чудовищ, оберегающих свои богатства. Тут были алмазы, драгоценные камни, золото, серебро. А прекрасная синьора всё говорила Мартино:

— Бери, бери всё, что захочешь. Я одолжу тебе тележку, чтобы ты мог забрать всё, что хочешь.

Сами понимаете, Мартино не заставил себя уговаривать. Он доверху нагрузил тележку и отправился в обратный путь. Вместо кучера у него сидела собака. Это была учёная собака — она умела править вожжами и лаяла на лошадей, когда те начинали дремать или сбивались с дороги.

В селе о Мартино уже и думать забыли — решили, что он погиб. И когда он вдруг вернулся, все очень удивились. Учёная собака выгрузила на площади все сокровища, вильнула хвостом в знак прощания, снова забралась на тележку и скрылась в облаке пыли.

Мартино сделал богатые подарки всем — и друзьям, и недругам — и раз сто вынужден был повторить свой рассказ про всё, что с ним приключилось. И всякий раз, когда он умолкал, кто-нибудь из его односельчан бежал домой, запрягал лошадь и пускался вскачь по дороге, которая никуда не ведёт.

К вечеру все они возвращались. У всех были вытянутые от огорчения лица: дорога, уверяли они, вела прямо в болото, в чащу леса, в заросли колючего кустарника. Не было там ни железной ограды, ни дворца, ни прекрасной синьоры, раздающей богатства.

А всё потому, что некоторые сокровища открываются только тем людям, которые первыми проходят по нехоженным путям! Как Мартино Упрямая Голова.

ПУГАЛО

Гонарио был самым маленьким из семерых братьев. У родителей его не было денег, чтобы послать мальчика в школу учиться. И пришлось ему наняться на богатую ферму — работать. Так Гонарио стал ...пугалом. Он должен был ходить по полям и разгонять птиц.

Каждое утро ему давали кулёк с порохом и он отправлялся на работу. Время от времени он останавливался среди поля, поджигал щепотку пороха. Вспышка огня пугала птиц, и те улетали, думая, что пришли охотники.

А однажды искра попала на куртку Гонарио, она загорелась, и если бы мальчик не догадался броситься в ров с водой, то, конечно, погиб бы от огня. Прыгнув в ров, Гонарио перепугал там всех лягушек — они с невероятным шумом и гамом бросились врассыпную. Крики лягушек напугали кузнечиков и цикад, и они на мгновение замолкли...

Но больше всего испугался сам Гонарио. Испугался и заплакал. Он сидел один-одинёшенек около рва, мокрый, словно гадкий утёнок, маленький, оборванный и голодный. Он плакал так горько, что даже воробьи перестали прыгать с ветки на ветку. Они глядели на мальчика и сочувственно щебетали, пытаясь утешить его. Но разве могут воробьи утешить своё пугало?!

Эта история случилась в Сардинии.

КАК ОДИН МАЛЬЧИК ИГРАЛ С ПАЛКОЙ

Было утро. Маленький Клавдио играл у ворот, а по улице, сторбившись, опираясь на палку, шёл старик в золотых очках. У ворот он вдруг уронил палку. Клавдио поднял её и подал старику. Тот улыбнулся:

— Спасибо. Только, знаешь, она не нужна мне больше. Я отлично смогу обойтись и без палки. Оставь её себе, если хочешь.

И ушёл, не дожидаясь ответа. Заметно было, что он уже не так горбился.

А Клавдио так и остался стоять с палкой в руках, не зная, что с ней делать. Это была обыкновенная деревянная палка, с изогнутой ручкой и железным наконечником. Ничего в ней особенного не было.

Клавдио стукнул раза два палкой о землю, а затем просто так, играя, взял и оседлал её, словно игрушечного коня. И вдруг он действительно оказался на коне — на замечательном чёрном жеребце с белой звездой на лбу. Скакун заржал и галопом понёсся по двору, выбивая копытами искры из камней.

Когда Клавдио, изумлённый и немного растерянный, слез с него,

то палка уже снова стала обыкновенной палкой. На ней не было и следов каких-нибудь копыт, а был только железный наконечник, не было пышной гривы, а была только изогнутая ручка.

«Что, если ещё попробовать?» — подумал Клавдио.

Он снова сел верхом на палку. На этот раз она оказалась величественным верблюдом, а двор превратился в огромную пустыню. Но Клавдио не испугался и стал всматриваться в безлюдную даль пустыни, пытаясь найти оазис.

«Это, конечно, волшебная палка», — решил Клавдио и в третий раз оседлал её. Теперь он мчался в красном спортивном автомобиле по гоночному треку, а на трибунах шумели болельщики. И Клавдио первым пришёл к финишу.

Затем палка стала моторным катером, а двор — спокойным зелёным озером. Потом Клавдио оказался на космическом корабле, оставляющем за собой звёздный шлейф...

Но всякий раз, когда Клавдио ступал на землю, палка приобретала свой обычный мирный вид — у неё была всё та же гладкая изогнутая ручка и ржавый железный наконечник.

В играх быстро пролетел весь день. А вечером Клавдио снова выглянул на улицу и снова увидел старика в золотых очках, возвращавшегося откуда-то. Клавдио с любопытством оглядел его, но ничего необычного не заметил — это был обыкновенный старик, немного утомлённый после долгого пути.

— Понравилась тебе палка? — спросил он Клавдио.

Клавдио решил, что старик хочет забрать палку, и протянул ему её, покраснев:

— Спасибо!

Но старик покачал головой.

— Оставь её себе, — сказал он, — на что мне теперь эта палка! Ты с её помощью можешь даже летать, а я ведь только опираюсь на неё. Я могу прислониться и к стене — всё равно.

И старик ушёл, улыбаясь, потому что нет на свете человека счастливее того, кто может подарить что-нибудь детям.

СТАРЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

— Ночью, — заявила одна Старая Пословица, — все кошки серы!

— А я чёрная! — возразила ей чёрная кошка, которая как раз в этот момент перебежала дорогу.

— Не может быть! — рассердилась Старая Пословица. — Старые Пословицы никогда не ошибаются!

— А я всё равно чёрная! — ответила кошка.

От удивления и огорчения Старая Пословица тотчас же свалилась с крыши и сломала себе ногу.

А другая Старая Пословица отправилась однажды на футбол. Там она стала болеть за одного игрока и решила помочь ему. Она шепнула ему на ухо:

— И один в поле воин!

Футболист попробовал играть мячом в одиночку. Но смотреть на это зрелище было так тоскливо, что можно было умереть от скуки. К тому же футболисту, игравшему в одиночку, некого было побеждать, и он вскоре вернулся в свою команду. С досады Старая Пословица заболела, и ей пришлось удалить гланды.

Встретились как-то три Старые Пословицы и, едва открыв рот, сразу же принялись спорить.

— Начало — половина дела!— заявила первая.

— Ничего подобного! Всем известно, что в любом деле лучше всего золотая середина!— возразила вторая.

— Глубочайшее заблуждение!— воскликнула третья.— Конец — всему делу венец!

Тут они вцепились друг другу в волосы, да так до сих пор и дерутся.

Есть ещё одна история про Старую Пословицу, которой захотелось отведать груш. Она уселась под грушевым деревом и стала ждать. «Спелая груша сама с ветки падает!»— подумала она. Но груша упала с дерева только тогда, когда насквозь прогнила. Она шлёпнулась прямо на макушку Старой Пословицы, и та с горя тотчас же ушла на пенсию.

ПРО АПОЛЛОНИЮ, КОТОРАЯ ЛУЧШЕ ВСЕХ УМЕЛА ВАРИТЬ ВАРЕНЬЕ

В Сант-Антонио — это у озера Лаго Маджоре — жила одна женщина, великая мастерица варить варенье, и такое вкусное, что отовсюду, из всех окрестных долин, приезжали к ней люди, чтобы она сварила им варенье. В хорошую погоду в Сант-Антонио всегда было много приезжих — из Валькувии и Вальтравалы, из Дументины и Поверины. Люди присаживались отдохнуть на невысокую каменную ограду, откуда можно было полюбоваться видом озера, а потом шли к Аполлонии.

— Не сварите ли вы нам варенье из черники?

— Охотно!— отвечала Аполлония.

— А мне из слив?!

— Пожалуйста!

У Аполлонии были поистине золотые руки. Как-то приехала к ней одна бедная женщина из Аркумеджи, такая бедная, что у неё не было даже горсточки персиковых косточек, чтобы сварить варенье, и по дороге она набрала в передник каштановой скорлупы.

- Аполлония, сварите мне варенье!— попросила она.
- Из каштановой скорлупы?— удивилась та.
- У меня нет ничего другого!
- Ну что же, попробую.

Аполлония постаралась и сварила такое вкусное варенье, какого ещё никто и никогда не отвеживал.

В другой раз бедная женщина из Аркумеджи не нашла даже каштановой скорлупы, потому что её уже засыпали сухие опавшие листья. И она нарвала полный передник крапивы.

И снова:

- Аполлония, сварите мне ещё варенья!
- Из крапивы?
- Я не нашла ничего другого...
- Ну что ж, попробую.

Аполлония взяла крапиву, засыпала её сахаром, сварила так, как только она одна умела это делать, и у неё получилось такое варенье, что пальчики оближешь.

И всё потому, что у Аполлонии были поистине золотые руки: она могла сварить варенье даже из камней.

Проезжал как-то в тех краях король, и захотелось ему тоже попробовать знаменитого варенья, которое варила Аполлония. Подала она ему блюдо с вареньем. Взял король ложечку, попробовал и недовольно поморщился — в варенье случайно оказалась муха.

— Невероятно противно!— заявил король.— Ужасно невкусно!

— Не будь варенье хорошим, муха не сунулась бы в него,— ответила Аполлония.

Однако король уже рассердился и приказал своим солдатам отрубить Аполлонии руки.

Тогда люди разозлились на короля и заявили, что если он отрубит Аполлонии руки, то они снимут ему голову вместе с короной. Потому что голова, чтобы носить корону, всегда найдётся, а таких золотых рук, как у Аполлонии, днём с огнём не сыщешь!

Пришлось королю убраться восвояси подобру-поздорову.

СТАРАЯ ТЁТУШКА АДА

Когда старая тётушка Ада стала совсем-совсем старенькой, она переехала жить в дом для престарелых людей. Поселили её в небольшой комнате, где стояли три кровати. Две из них занимали такие же, как она, старенькие старушки, а третью отвели ей. Старая тётушка Ада сразу же облюбовала себе креслице у окна, взяла печенье и накрошила его на подоконник.

— Что же это вы придумали!— рассердились старушки.— Так же муравьи наползут сюда.

Но вместо муравьёв на окне вдруг появилась птичка. Она с удовольствием поклевала печенье, а потом вспорхнула и улетела.

— Ну вот,— снова заворчали старушки.— Вы старались, а она поела, хвостиком покрутила и улетела! Даже спасибо не сказала! Как и наши дети. Выросли и разлетелись кто куда, даже не вспомнят о своих родителях.

Ничего не ответила старая тётушка Ада. А на другой день опять накрошила печенье на подоконник. И так она делала каждое утро. И птичка тоже стала прилетать каждый день, всегда в одно и то же время. А если случалось, что тётушка Ада ещё не приготовила ей завтрак, птичка начинала беспокоиться и волноваться.

Прошло некоторое время, и птичка прилетела на окно не одна, а со своими птенцами. Потому что она уже свила себе гнездо и у неё появилось четверо детишек. Птенцы тоже с удовольствием клевали печенье, которое крошила им старая тётушка Ада. Так что теперь каждое утро на подоконнике появлялась целая стайка. И если, случалось, завтрак запаздывал, птицы поднимали ужасный шум и галдёж — пищали и чирикали на все голоса.

— Там ваши птицы прилетели,— говорили старушки старой тётушке Аде, и видно было, что им немного завидно. И тётушка Ада бросала все дела и семеняла как могла к своей тумбочке. Она доставала печенье, лежавшее рядом с пачкой кофе и анисовыми карамельками, и говорила:

— Сейчас, сейчас! Иду!

— Ох-ох!— вздыхали старушки.— Если б вот так же — печеньем — можно было бы вернуть сюда наших детей. А ваши, тётушка Ада, где ваши дети?

Старая тётушка Ада не знала, где они. Может быть, в Австралии. Но она не смущалась. Она крошила птичкам печенье и приговаривала:

— Ешьте, ешьте, иначе у вас не будет сил летать.

А когда птицы заканчивали свой завтрак, она добавляла:

— Ну а теперь летите, летите! Чего вы ещё ждёте? Крылья на то и даны вам, чтобы летать.

Старушки покачивали головами. Они думали, что старая тётушка Ада просто выжила из ума. Ведь она такая старая и такая бедная, а всё норовит кого-то угостить. И даже не ждёт при этом, что ей скажут спасибо.

А потом старая тётушка Ада умерла. И её дети узнали об этом, когда прошло много времени и уже поздно было ехать на похороны. А птички — те по-прежнему прилетали на подоконник всю зиму и сердились, что старая тётушка Ада не накрошила им печенья.

СОЛНЦЕ И ТУЧА

Солнце путешествовало по небу на своей огненной колеснице весело и горделиво. Оно щедро разбрасывало лучи — во все стороны.

И всем было весело. Только туча злилась и ворчала на солнце. И неудивительно — у неё было грозное настроение.

— Транжира ты! — хмурилась туча. — Дырявые руки! Швыряйся, швыряйся своими лучами! Посмотрим, с чем ты останешься!

А в виноградниках каждая ягодка ловила лучик солнца и радовалась ему. И не было такой травинки, паучка или цветка, не было даже такой капельки воды, которые бы не старались заполнить свою частичку солнца.

— Ну, транжирь ещё, — не унималась туча, — транжирь своё богатство! Увидишь, как они отблагодарят тебя, когда у тебя уже нечего будет взять!

Солнце весело продолжало катиться по небу и миллионами, миллиардами раздаривало свои лучи.

Когда же к заходу солнце сосчитало их, оказалось, что они все на месте, — смотри-ка, все до одного!

Узнав про это, туча так удивилась, что тут же рассыпалась градом. А солнце весело бултыхнулось в море.

КОРОЛЬ, КОТОРЫЙ ДОЛЖЕН БЫЛ УМЕРЕТЬ

Однажды король должен был умереть. Это был очень могущественный король, но он был смертельно болен.

— Мыслимое ли дело, — отчаивался он, — чтобы такой могущественный король, как я, умер! Что думают мои придворные волшебники?! Почему они не спасают меня?

Но, оказывается, волшебники, боясь потерять ненароком голову, разбежались кто куда. Остался только один, на которого никто прежде не обращал внимания. Это был самый дряхлый и самый старый волшебник, чудной и, наверное, даже немного сумасшедший. Король уже давно не прибегал к его советам. Но тут — делать нечего — пришлось послать за ним.

— Ты можешь остаться в живых, — сказал ему волшебник. — Но при одном условии: тебе надо на сутки уступить свой трон человеку, который будет как две капли воды походить на тебя. И тогда он умрёт вместо тебя.

Тотчас же по всему королевству гонцы разгласили указ:

— Всякий, кто похож на короля и не хочет кончить свои дни на плахе, должен тотчас же явиться к королевскому двору!

Явились многие. У одних борода была совсем такая же, как у короля, но нос капельку длиннее или чуточку короче,

и волшебник отсылал их прочь. Другие походили на короля, словно два апельсина в корзине продавца фруктов, но волшебник и их отправлял восвояси: то не хватало зуба, то оказывалась родинка на спине.

— Так ты всех повыгоняешь!— рассердился король.— Дай мне хоть ради пробы поменяться местами с кем-нибудь!

— Это тебе не поможет,— отвечал волшебник.

Однажды вечером король прогуливался вместе с ним по крепостной стене, как вдруг волшебник воскликнул:

— Вот! Вот человек, который больше всех похож на тебя!

И он указал на нищего, горбатого, полуслеплого, покрытого струпами.

— Нет, это немыслимо!— возмутился король.— Между нами целая пропасть!

— Король, которого ждёт смерть,— продолжал волшебник,— может походить только на самого бедного, самого несчастного человека в городе. Ну-ка поменяйся быстро с этим стариком одеждой, уступи ему на сутки свой трон, и ты будешь спасён!

Но король ни за что не захотел согласиться. Оскорблённый, он вернулся во дворец и в тот же вечер умер как был — с короной на макушке и со скипетром в кулаке.

ВОЛШЕБНИК, КОТОРЫЙ УМЕЛ ДЕЛАТЬ КОМЕТЫ

Как-то раз один волшебник придумал машину, которая могла делать кометы. Она, правда, немного походила на машину для приготовления лапши, но на самом деле это была совсем другая машина: она изготавливала кометы. Какие угодно — большие или маленькие, с простым хвостом или с двойным, жёлтого цвета или розового — какие угодно.

Волшебник ездил из города в город, из селения в селение, не пропуская ни одного базара. Он побывал даже на Миланской ярмарке и на ярмарке лошадей в Вероне. Всюду он показывал свою машину и объяснял, как она проста в обращении.

Сначала комета получалась маленькая-премаленькая и держалась на ниточке, а потом, по мере того как она поднималась вверх, вырастала и становилась огромной, и всё же справиться с нею было легче, чем с бумажным змеем.

Вокруг волшебника, как обычно, собирались любопытные. Всегда ведь толпится народ там, где на базарах демонстрируют машины для изготовления необычайно тонких спагетти или для очистки картофеля. Но никто ни разу не купил у волшебника даже самую маленькую комету.

— Будь это воздушный шарик, ещё куда ни шло!— сказала

одна женщина.— А купи я своему сыну комету, кто знает, каких он натворит с нею бед!

— Не бойтесь!— уговаривал её волшебник.— Будьте смелой женщиной! Ведь ваши дети полетят к звёздам, и их надо с детства приучать к этому.

— Нет уж, спасибо! Пусть к звёздам летит кто-нибудь другой! Мой сын туда не полетит!

— Кометы! Кометы! Кому нужны кометы?!

Но никому не нужны были кометы.

Бедному волшебнику немало пришлось поголодать, потому что он не выручил за свои кометы ни одной лиры. Под конец от него вообще уже остались только кожа да кости. И вот однажды вечером, когда ему особенно сильно хотелось есть, он превратил свою машину для изготовления комет в головку тосканского сыра и съел её.

РЫБАК ИЗ ЧЕФАЛУ

Однажды рыбак из Чефалу, выбирая сеть, обнаружил, что она тяжёлая-претяжёлая. Он думал уже, что выловил невесту, а, вытянув сеть, увидел, что поймал всего-навсего крохотную — с мизинец — рыбёшку. Тогда он разозлился и хотел бросить её обратно в море, как вдруг услышал тонюсенький голосок:

— Ой, не сжимай меня так сильно!

Рыбак оглянулся по сторонам, но никого не увидел: ни вблизи, ни вдали. И уже снова хотел бросить рыбку, как вдруг опять гот же тонюсенький голосок проговорил:

— Не бросай меня в море! Не бросай!

Тогда рыбак понял, кто с ним разговаривает. Он разжал кулак и увидел на ладони вместо рыбки крохотного мальчика. Он был очень маленький, но совсем как настоящий — у него были всамделишные ручки, ножки, головка, всё как полагается, только на спине у него росли два плавника, как у рыбки.

— Кто ты такой?— спросил рыбак.

— Я мальчик, рождённый морем,— услышал он в ответ.

— А что тебе от меня надо?

— Оставь меня у себя, и я принесу тебе счастье!

Рыбак вздохнул:

— Боже, только этого счастья мне не доставало! Ведь у меня своих детей хоть отбавляй — не знаю, как прокормить!

— Поживём — увидим,— загадочно произнёс мальчик, рождённый морем.

Рыбак отнёс мальчика домой, велел сшить ему маленькую рубашонку, чтобы спрятать плавники, и положил спать в люльку к своему младшему сыну. Мальчик и половины подушки не занял.

Но зато ел он безумно много — столько не съедали все дети рыбака за один раз, а их было семь человек, и один голоднее другого!

— Нечего сказать, повезло мне! — вздыхал рыбак.

Однажды утром поехал рыбак ловить рыбу, и рождённый морем мальчик попросился, чтобы тот взял его с собой. Они вышли в открытое море, и мальчик сказал:

— Гребите прямо, пока я не скажу тебе.— Рыбак послушался мальчика.— А теперь стой. Забрось сеть вон туда.

Рыбак снова послушался. А когда выбрал сеть из воды, она оказалась тяжёлой, как никогда,— в ней была первосортная рыба.

Мальчик захлопал в ладоши:

— Что я говорю! Я-то знаю, где рыба водится!

Очень скоро рыбак разбогател, купил себе вторую лодку, третью, и потом ещё много-много лодок, и все они выходили в море, забрасывали сети и привозили ему отличный улов. Рыбак выручал от продажи так много денег, что пришлось отправить одного сына учиться на бухгалтера, чтобы тот смог потом считать выручку.

Однако, став богачом, рыбак забыл, как ему жилось, когда он был бедняком. Он не щадил своих моряков, заставлял их много работать и мало платил за это. А если они возмущались, выгонял с работы.

— Чем же мы будем детей кормить?— спрашивали они.

— Пусть погрызут камешки,— отвечал он,— увидите, их желудки отлично справятся с ними!

Мальчик, рождённый морем, всё это видел и слышал и однажды вечером сказал рыбаку:

— Смотри, будь осторожней, а то снова ни с чем останешься.

Но рыбак только посмеялся над ним и не обратил внимания на его слова. Больше того, он взял мальчика, засунул его в большую раковину и выбросил в море.

И кто знает, сколько ещё пройдёт времени, прежде чем этот мальчик сможет выбраться из своего плена. И тогда...

А вы бы на его месте что сделали?

КОРОЛЬ МИДАС

Король Мидас был ужасным транжирой. В его королевстве так и повелось: что ни день — праздник, что ни вечер — бал. Понятно, что в один прекрасный день не осталось у короля ни чентезимо. Тогда пошёл он к волшебнику Аполло и рассказал ему о своей беде. И волшебник заколдовал его.

— Всё, к чему прикоснутся твои руки,— сказал он,— будет превращаться в золото!

Король Мидас даже подскочил от радости и вприпрыжку побежал к своему автомобилю. Но едва он дотронулся до дверцы, как автомобиль сразу же стал золотым. Всё стало золотым: колёса золотые, стёкла золотые, мотор золотой, даже бензин превратился в кусок золота. Понятно, что машина не могла больше двигаться, и понадобились телега и пара волов, чтобы дотянуть машину на буксире до королевского дворца.

Король Мидас стал ходить по залам и трогать всё подряд: столы, стулья, шкафы. И сразу всё становилось золотым. Наконец захотелось королю пить, он велел принести стакан воды, но едва взял его в руки, как стакан превратился в кусок золота, и вода тоже перестала быть водой.

Пришлось поить короля с ложечки.

Подшло время обеда. Взял король вилку: она превратилась в золото. Гости захлопали в ладоши и наперебой стали упрашивать короля:

— Ваше величество, потрогайте мои пуговицы на куртке! Потрогайте мой зонт!

Король Мидас всех осчастливил, а когда взял хлеб, чтобы поесть наконец, хлеб тоже превратился в золото. Пришлось королеве кормить короля кашкой с ложечки. Гости попрятались под стол, потому что не могли удержаться от смеха. Король Мидас рассердился, схватил одного из них и дёрнул за нос. Нос тотчас же стал золотым, и бедняга испустил дух.

Пришла пора ложиться спать, но король Мидас, сам того не желая, тронул подушку и превратил её в золото, тронул простыню, матрац — и вот уже вместо постели лежит груда золота, твёрдого-претвёрдого. Не очень-то поспишь на таком ложе. Пришлось королю

провести ночь в кресле с поднятыми кверху руками — чтобы ничего не коснуться ненароком. К утру король смертельно устал, и едва рассвело, побежал к волшебнику Аполло, чтобы тот расколдовал его. Аполло согласился.

— Хорошо,— сказал он,— но будь внимателен. Колдовство пройдёт ровно через семь часов и семь минут. Всё это время ты ничего не должен трогать, иначе всё, чего ты коснёшься, превратится в навоз.

Король Мидас ушёл успокоенный и стал следить за часами, чтобы не тронуть что-нибудь раньше времени.

На беду, часы его немного спешили — каждый час они убегали вперёд на одну минуту. Когда прошло семь часов и семь минут, король Мидас открыл дверцу своего автомобиля и сел в него. Сел и оказался в большой навозной куче. Потому что не хватало ещё семи минут до конца колдовства.

ГОЛУБОЙ СВЕТОФОР

Однажды со светофором, который висит на соборной площади в Милане, произошло что-то странное: все огни его вдруг окрасились голубым цветом, и люди не знали, что делать — переходить улицу или не переходить? Идти или стоять?

Все глаза светофора излучали голубой свет — во все стороны только голубой свет. Таким голубым никогда не было даже небо над Миланом.

Пешеходы недоумевали — как быть? Автомобилисты яростно сигналили, мотоциклисты рычали своими мотоциклами, и самые важные и толстые прохожие кричали светофору:

— Вы что, не знаете, кто я такой?!

Остряки обменивались шутками, а шутники — остротами:

— Зелёный цвет? Зелень съели богачи! Им, должно быть, понадобилась лишняя вилла за городом!

— А красный? Он весь ушёл на то, чтобы подкрасить рыбок, что плавают в бассейне у фонтана.

— А с жёлтым знаете что сделали? Чур, только секрет! Его подлили в оливковое масло!

Наконец появился регулировщик, стал посреди перекрёстка и наладил движение. Другой регулировщик подошёл к распределительному щиту и отключил светофор, чтобы починить его.

Светофор последний раз сверкнул своими голубыми глазами и успел подумать:

«Бедняги! Я ведь дал им сигнал: «Путь в небо свободен!» Если б они поняли меня, то все могли бы теперь свободно летать. А может быть, они и поняли, да у них просто не хватило смелости?»

МЫШКА, КОТОРАЯ ЕЛА КОШЕК

Одна хилая мышка, что жила в библиотеке, вздумала как-то навесить своих сородичей, которые ютились в подвале и были далеко от всего мира.

— Вы ничего не знаете про то, что делается на свете!— заявила она своим оробевшим сородичам.— Вы, наверное, даже читать не умеете?!

— Зато ты, конечно, многое знаешь!— вздохнули те.

— Ну, к примеру, вы ели когда-нибудь кошку?

— Что ты! Боже упаси! У нас всё больше кошки охотятся за мышами.

— Это потому, что вы невежды! Я же на своём веку не одну кошку съела, и, уверяю вас, ни единая даже не пискнула!

— И вкусные бывают кошки?

— Вкусные. Только отдают немного бумагой и типографской краской. Но это пустяки! Собаку вам доводилось пробовать? Нет?

— Что ты, что ты?!

— А я как раз вчера съела одну. Овчарку. У неё были довольно приличные клыки, но, в общем, она преспокойно позволила съесть себя и даже не твякнула.

— И тоже было вкусно?

— Очень. Хотя тоже чуточку был бумажный привкус. А носорога не пробовали?

— Ну что ты! Мы даже в глаза его не видели никогда! Он на что больше походит — на пармиджанский сыр или на голландский?

— Он походит на носорога, разумеется. А слона или монаха, принцессу или ёлку тоже, наверное, никогда не доводилось есть?

В этот момент кошка, которая пряталась в углу за чемоданами, с грозным мяуканьем выскочила на середину подвала. Это была самая настоящая живая кошка, с пышными усами и острыми когтями.

Мышата в один миг разлетелись по своим норкам. А библиотечная мышка, увидев её, так удивилась, что застыла на месте, словно игрушечная. Кошка цапнула её лапкой и стала играть с нею.

— А, это ты — та самая мышка, которая ест кошек?

— Я, ваша светлость... Вы должны понять меня... Я ведь живу среди книг...

— О да, понимаю, понимаю! Ты ешь кошек, нарисованных, напечатанных на бумаге...

— Иногда, и только в научных целях...

— Разумеется. Я тоже очень люблю литературу... А не кажется ли тебе, что не мешает поучиться немного и у жизни? Тогда, быть может, ты поняла бы, что не все кошки сделаны из бумаги и не все носороги позволяют мышам грызть себя.

К счастью для бедной пленницы, кошка на секунду отвлеклась — она увидела неподалёку паука, — и учёная мышка в два счёта очутилась среди своих книг. Пришлось кошке довольствоваться пауком.

ДОЛОЙ ДЕВЯТКУ!

Как-то раз один школьник решал примеры.

— Тринадцать разделить на три, — считал он, — будет четыре и один в остатке. Значит, четыре. Теперь проверим. Трижды четыре — двенадцать. Плюс один — тринадцать. Теперь долой девятку...

— Вот ещё! — вдруг рассердилась девятка.

— Что? — удивился ученик.

— Что ты ко мне пристал? Почему кричишь: «Долой девятку!»? Что я тебе сделала? Или, может, я преступница какая?

— Но я...

— Да, да! Я знаю, что ты сейчас начнёшь придумывать всякие объяснения. Только меня они не устраивают. Кричи, если хочется: «Долой бульон из мясных кубиков!», «Долой полицию!» — и даже можешь сколько тебе угодно кричать: «Долой жареный воздух!» Но почему тебе взбрело в голову кричать «Долой девятку!»?

— Простите, но я только хотел...

— Не перебивай! Это неприлично. Я простая, скромная цифра. Однозначная, правда. И любая двузначная может, конечно, меня поучать. Но и у меня есть своя гордость, и я требую, чтоб меня уважали. И прежде всего дети, которым ещё нужно нос вытирать. Одним словом, долой твой нос, долой что угодно, но меня, будь добр, оставь в покое!

Школьник так растерялся и испугался, что побоялся вычесть девятку из тринадцати. Пример остался нерешённым, и мальчик получил плохую отметку.

Да, видимо, иногда бывают в жизни случаи, когда надо быть посмелее и порешительнее.

ТОНИНО-НЕВИДИМКА

Как-то раз мальчик по имени Тонино пошёл в школу, не выучив урока, и очень боялся, что учитель вызовет его.

«Э, — подумал он, — если б я мог стать невидимкой!..»

Учитель начал урок с переключки, а когда дошёл до Тонино, тот ответил:

— Я здесь.

Но никто не услышал его, и учитель, вздохнув, сказал:

— Жаль, что Тонино не пришёл сегодня в школу, я как раз хотел вызвать его. Если он заболел, будем надеяться, что не серьёзно.

Тут Тонино понял, что стал невидимкой, как ему и хотелось. От радости он вскочил на парту и оттуда бухнулся прямо в корзину для бумаг. А затем стал бегать по классу, дёргать ребят за волосы и опрокидывать чернильницы.

В классе поднялся шум. Все стали возмущаться и даже ссориться. Ребята обвиняли друг друга в том, чего никто из них не делал. Ведь они и не подозревали, что это проказы Тонино-невидимки.

Когда Тонино надоела наконец эта игра, он ушёл из школы и сел в троллейбус. Разумеется, он и не подумал брать билет, потому что кондуктор всё равно не видел его. Он нашёл свободное место и преспокойно уселся там. А на следующей остановке в троллейбус вошла синьора с тяжёлой сумкой, набитой продуктами, и хотела сесть как раз туда, где сидел Тонино: она видела, что место не занято. И конечно, она села прямо на колени Тонино. Он почувствовал, что сейчас задохнётся от тяжести. А синьора вскочила и закрычала:

— Что за сиденья в этом троллейбусе! Даже сесть нельзя как следует! Смотрите, я кладу сумку, а она повисает в воздухе!

На самом деле сумка лежала на коленях у Тонино.

В троллейбусе заспорили, и почти все пассажиры энергично выразили своё возмущение по поводу плохой работы троллейбусной службы.

Тонино вышел в центре города, проскользнул в кондитерскую, подошёл к прилавку и начал загребать обеими руками карамель, шоколадные конфеты и всевозможные пирожные. Продавщица, заметив, что всё исчезло с прилавка, решила, что виноват в этом почтенный старый синьор, который покупал конфеты для своей тётушки. Синьор возмутился:

— Я вор?! Да знаете ли вы, с кем разговариваете? Да знаете ли вы, кто был мой отец? Да знаете ли вы, кто был мой дед?!

— И знать не желаю!— заявила продавщица.

— Как! Вы позволяете себе оскорблять моего деда?!

Поднялся невероятный скандал. Тонино-невидимка проскользнул под ногами какого-то лейтенанта и опять направился в школу. Там он увидел, как его одноклассники гурьбой спустились по лестнице и шумной ватагой высыпали на улицу. А ребята его не видели. Тонино напрасно старался обратить на себя их внимание — он подбегал то к одному, то к другому мальчику, дёргал за волосы своего приятеля Роберто, предлагал тянучку Гвискардо... Но они не видели и не слышали его, попросту не замечали. Их взгляды проходили сквозь Тонино, словно через стекло.

Усталый и немного испуганный, Тонино вернулся домой. Мать стояла на балконе, с тревогой ожидая его.

— Я здесь, мама!— крикнул Тонино. Но она не увидела его и не услышала, а продолжала с тревогой смотреть на улицу.

— Папа, вот и я!— воскликнул Тонино, войдя в комнату и усевшись на своё обычное место за обеденным столом.

Но отец не слышал его и продолжал ворчать:

— Что такое? Почему Тонино так долго нет? Не случилась ли с ним какая-нибудь беда?

— Папа, но я ведь здесь! Мама, папа, я здесь! — закричал Тонино. Но они не слышали его.

— Я не хочу больше быть невидимкой!— заплакал Тонино, и сердце у него разрывалось на части.— Хочу, чтобы отец видел меня, чтобы мама ругала меня, чтобы учитель вызывал меня отвечать урок... хочу играть с ребятами! Очень плохо быть невидимкой, очень плохо быть одному!

Грустный он вышел на лестницу и спустился во двор.

— Отчего ты плачешь?— спросил у него старик, гревшийся на солнышке возле ворот.

— Ой, вы меня видите?— обрадовался Тонино.

— Вижу, а что? Я каждый день вижу, как ты уходишь в школу и возвращаешься домой.

— А я почему-то никогда не замечал вас.

— Я знаю. На меня никто не обращает внимания. Старый, одинокий старик... С какой стати ребята будут замечать меня? Я для вас будто человек-невидимка...

— Тонино!— позвала в этот момент мать с балкона.

— Мама! Ты меня видишь?

— Ах, лучше бы я и не видела тебя, негодный мальчишка! Поднимайся наверх! Иди-ка сюда, иди! Сейчас отец покажет тебе!

— Бегу, мама, бегу!— радостно закричал Тонино.

— И ты не боишься взбучки, которая тебя ожидает?— засмеялся старик.

Тонино бросился ему на шею и расцеловал.

— Вы спасли меня!

— Ну, это уж слишком!— улыбнулся старик.

ВОПРОСЫ НАИЗНАНКУ

Жил однажды мальчик, который очень любил задавать вопросы. Это, конечно, совсем неплохо, наоборот, даже очень хорошо, когда человек чем-то интересуется. Но на вопросы, которые задавал этот мальчик, почему-то было очень трудно ответить.

Он спрашивал, например:

— Почему у ящиков есть стол?

Люди смотрели на него с удивлением и иногда отвечали:

— Ящики существуют для того, чтобы класть в них разные вещи, например ножи и вилки.

— Для чего нужны ящики — это я знаю,— возражал мальчик,— но вот почему у ящиков есть столы?

Люди качали головами и уходили от него. А мальчик снова спрашивал, уже у других:

— Почему у хвоста есть рыба?

Или:

— Почему у усов есть кошка?

Люди пожимали плечами и спешили уйти. Ведь у каждого есть дела.

Так мальчик и рос — что ни день, то несколько десятков вопросов. Наконец он вырос, стал взрослым и по-прежнему без конца задавал всем странные вопросы. Но люди не хотели отвечать ему. Тогда он уединился в небольшой домик, что стоял на вершине одной горы, и стал там жить в одиночестве. Целыми днями он выдумывал вопрос за вопросом и записывал их в тетрадь. А потом сидел и ломал голову над ответами. Но почему-то так и не находил их.

Он записывал, например, в своей тетради:

«Почему у тени есть сосна?»,

«Почему облака не пишут писем?»,

«Почему марки не пьют пива?».

От такого множества вопросов у него, разумеется, начинала болеть голова. Но он не обращал на это внимания. У него уже и борода отросла, а он всё продолжал сочинять вопросы. Он и не подумал постричь бороду. Он только спрашивал себя:

— Почему у бороды есть лицо?

Словом, странный это был человек. Когда он умер, один учёный провёл некоторые исследования и обнаружил, что человек этот, ещё когда был маленьким, привык надевать чулки наизнанку, и ему так ни разу в жизни и не удалось надеть их правильно. Точно так же он так никогда и не научился задавать правильные вопросы.

Со многими людьми ещё такое бывает.

ПРО ДЖИЛЬБЕРТО

Маленькому Джильберто очень хотелось поскорее всему научиться. Поэтому он всегда очень прислушивался к тому, что говорили взрослые.

Однажды он услышал, как одна женщина говорила другой:

— Вы только посмотрите на Филомену, как она любит свою маму. Она готова ей воду в ушах носить.

«Прекрасные слова,— подумал добрый Джильберто.— Надо выучить их наизусть».

Вскоре его позвала мама и сказала:

— Джильберто, сходи-ка принеси мне ведро воды из фонтана.

— Сейчас, мама,— ответил Джильберто, а сам подумал: «Вот и я покажу маме, как я её люблю. Принесу ей воды не в ведре, а в ушах!»

Подбежал он к фонтану и подставил под кран голову. И когда почувствовал, что в ухо ему налилось полно воды, поспешил обратно. Воды в ухе набралось с напёрсток, и, чтобы донести её до дома, ему пришлось наклонить голову набок.

— Ну, принёс воды?— спросила мама. Она как раз собралась стирать.

— Вот, мама,— ответил запыхавшийся Джильберто.

Однако, чтобы ответить, ему пришлось выпрямить голову, и вода, что была у него в ухе, конечно, вылилась и потекла по шее. Что делать? Пришлось ему опять бежать к фонтану и наполнять водой другое ухо. Воды в нём набралось тоже ровно с напёрсток, и Джильберто опять пришлось идти, прижав голову к плечу, но только теперь уже к другому. Когда же он добрался до дому, вода всё равно вытекла.

— Ну, принёс ты наконец воды?— спросила мама. Она уже начала сердиться.

«Может быть, у меня слишком маленькие уши?»— подумал огорчённый Джильберто. А мама между тем совсем потеряла терпение. Она решила, что Джильберто бежит к фонтану баловаться, и угостила его парой оплеух — по одной на каждую щёку.

Бедный Джильберто!

Он покорно стерпел эти оплеухи и решил, что в другой раз будет носить воду в ведре.

СЛОВО «ПЛАКАТЬ»

Этой истории ещё не было, но она непременно произойдёт Завтра. Вот эта история.

В тот день, который называется «Завтра», одна старая учительница построила своих учеников парами и повела их в Музей Прошлого, где собраны вещи, которые уже никому не нужны. Такие, например, как царская корона, шлейф королевы, трамвай и тому подобное.

В одной небольшой запылённой витрине лежало под стеклом слово «плакать».

Школьники Завтрашнего Дня прочитали этикетку с названием, но ничего не поняли.

— Синьора, а что это такое?

— Наверное, старинное украшение?

— Может быть, что-нибудь этрусское?

Учительница объяснила ребятам, что раньше, очень-очень давно, это слово было в большом употреблении и приносило людям много горя. Она показала при этом на небольшой стеклянный сосуд и сказала, что в нём хранятся слёзы. Может быть, их пролил какой-нибудь несчастный раб, избитый хозяином, а может, какой-нибудь мальчик, оставшийся без крова.

— Слёзы похожи на воду!— сказал один школьник.

— Да, но они обжигают!— ответила учительница.

— А, их, должно быть, кипятят перед употреблением!— догадался кто-то.

Нет, эти школьники совсем ничего не понимали. Под конец им стало просто скучно в этом зале. Тогда учительница повела их дальше, в другие залы музея, где они увидели более понятные вещи: тюремную решётку, чучело сторожевой собаки, замък и так далее. Всё это были вещи, которых давно уже нет в счастливейшей стране Завтрашнего Дня.

ПЕРЕКОРМИТНОЕ ВОСПАЛЕНИЕ

Когда девочка болеет, её куклы тоже должны болеть — за компанию, чтобы ей не было скучно. К девочке приходит врач, а к куклам — дедушка. Он осматривает их, выписывает лекарства и каждой делает очень много уколов своей шариковой ручкой.

— Знаете, доктор, этот ребёнок заболел,— говорит девочка.

— Ну что ж, посмотрим, что с ним. Дышите глубже, так, так... О! Так я и думал. По-моему, у неё неплохой капризит.

— А это опасно, доктор?

— Чрезвычайно! Дайте ей микстуру из синего чернильного карандаша и растирайте перед сном фантиком от анисовой карамельки.

— А эта девочка, вам не кажется, тоже немного нездорова?
— О да! Она просто совсем больна. Это видно и без бинокля!
— Ой, а что с ней?
— Гм, сейчас посмотрим... Так. Немножко простудинки, немножко грустинки и острый приступ клубничного перекормита.
— Ой, мама, как страшно! Неужели она умрёт?
— Нет, это не так опасно. Но лекарство не помешает. Ей нужно дать две таблетки глупидина. Только растворите их сначала в стакане грязной воды. И смотрите, чтобы стакан был зелёный. От красного стакана у неё могут разболеться зубы.

И вот в одно прекрасное утро девочка просыпается совсем здоровая. Доктор разрешает ей встать с постели. Но дедушка хочет осмотреть её сам, пока мама собирает ей одежду.

— Ну что ж, посмотрим,— говорит он.— Скажи-ка: тридцать три. Так. Скажи: перепеле. А теперь попробуй что-нибудь спеть. Ну что ж, всё в порядке! Это было типичное перекормитное воспаление.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

У синьора Чезаре была привычка всё делать по всем правилам. Особенно по воскресеньям, когда он вставал позже обычного. Сначала он долго бродил по квартире в одной пижаме, потом — уже часов в одиннадцать — начинал бриться, оставив при этом открытой дверь в ванной комнате.

Именно этого момента с нетерпением ждал Франческо. Ему всего шесть лет, но у него уже определилась явная склонность к медицине и хирургии. Франческо брал пакет ваты, флакон с одеколоном, пакетик с пластырем, входил в ванную и усаживался на скамеечку в ожидании, когда понадобится его помощь.

— Ну что? — спрашивал синьор Чезаре, намыливая лицо. В другие дни недели он брился электрической бритвой, но в воскресенье взбивал, как в старые времена, мыльную пену и брался за безопасную бритву.

— Ну что?

Франческо ёрзал на скамеечке. Он был очень серьёзен и ничего не отвечал.

— Ну?

— Я всё жду,— говорил Франческо,— может, ты порежешься... Тогда я полечу тебя.

— Ладно!— соглашался синьор Чезаре.

— Только ты не режься нарочно, как в прошлое воскресенье,— строго предупреждал Франческо.— Нарочно не считается.

— Ну конечно!— отвечал синьор Чезаре.

Но ему никак не удавалось порезаться нечаянно. Он старался,

старался, но ничего у него не получалось. Как ни пытался, ничего не выходило. Он очень хотел быть невнимательным и неосторожным, но не мог. Наконец каким-то образом он всё-таки ухитрился порезать себе лицо. И тогда Франческо принимался за дело. Он стирал ваткой капелку крови, протирал ранку одеколоном и заклеивал её пластырем.

Таким образом синьор Чезаре каждое воскресенье дарил своему сыну капелку крови. И Франческо всё больше убеждался, что у него очень рассеянный и неосторожный отец.

КАК ПОСКОРЕЕ УСНУТЬ

Жила-была однажды девочка, которая каждый вечер, когда надо было ложиться спать, становилась маленькой-маленькой.

— Мама,— говорила она,— я стала муравьишкой!

И мама понимала, что пора укладывать дочку в постель.

А утром девочка просыпалась, едва всходило солнце. Но она по-прежнему была маленькой-маленькой. Такой маленькой, что свободно умещалась на подушке. И ещё места оставалось немного.

— Вставай!— говорила мама.

— Не могу,— отвечала девочка,— не могу, я ещё слишком маленькая. Как бабочка! Подожди, пока подрасту.

А потом вдруг радостно восклицала:

— Ну вот, я и выросла!

С весёлым криком вскакивала с постели, и начинался новый солнечный день.

ПРОЗРАЧНЫЙ ДЖАКОМО

Как-то раз в одном далёком городе появился на свет прозрачный ребёнок. Да, да, прозрачный! Сквозь него можно было смотреть, как сквозь чистую родниковую воду или воздух. Конечно, он, как и все люди, был из плоти и крови, но казалось, будто он сделан из стекла. И когда мальчик падал, он не разбивался вдребезги. Самое большее — у него вырастала на лбу огромная прозрачная шишка.

Всем хорошо было видно, как пульсирует его кровь, как бьётся сердце, и все могли свободно читать мысли, которые проносились у него в голове, словно стайка разноцветных рыбок в аквариуме.

Однажды мальчик нечаянно солгал, и люди тотчас же увидели, как в голове у него запылал огненный шар. Мальчик тут же поправился, сказал правду — и шар мгновенно исчез. С тех пор он ни разу за всю свою жизнь не сказал ни слова лжи.

Был ещё и такой случай. Один приятель доверил ему свой секрет. И все сразу же увидели, как в голове у мальчика беспокойно

закрутился, завертелся чёрный шар. И секрет перестал быть секретом.

Прошло время, мальчик вырос, стал юношей, потом мужчиной. Но каждый по-прежнему мог легко читать все его мысли. Ему даже не надо было вслух произносить ответ, когда его о чём-либо спрашивали.

Звали этого мальчика Джакомо, но люди называли его Прозрачный Джакомо. Его любили за честность и за то, что рядом с ним все тоже становились честными и добрыми.

Но вот в один несчастный день в стране произошёл переворот, и к власти пришёл жестокий тиран. Настали очень тяжёлые времена. Народ страдал от казней, несправедливостей и нищеты. Те люди, которые осмеливались протестовать против насилия, сразу же бесследно исчезали. Тех же, кто открыто восставал против убийств, немедленно расстреливали. А бедняков, запуганных и униженных, преследовали всеми способами.

Люди молчали и в страхе терпели всё. Но Джакомо не мог молчать. Потому что, даже когда он ни слова не произносил, за него говорили его мысли. Ведь он был прозрачным, и окружающие могли свободно читать их: все видели, как возмущается он несправедливостью и насилием и шлёт проклятия тирану. Народ тайком повторял мысли Джакомо и стал постепенно обретать надежду.

Узнав про это, тиран приказал немедленно арестовать Прозрачного Джакомо и бросить его в самую тёмную тюрьму.

И тогда случилось невероятное. Стены камеры, в которую заключили Джакомо, тоже вдруг стали прозрачными, потом стали прозрачными стены коридора, а затем и наружные стены тюрьмы — вся тюрьма стала словно стеклянная! И люди, проходившие мимо, видели Джакомо, сидевшего в своей камере, и по-прежнему могли читать его мысли.

А ночью тюрьма стала излучать такой яркий свет, что тиран приказал опустить в своём дворце все шторы, чтобы свет не беспокоил его. Но всё равно он не мог спать спокойно: Прозрачный Джакомо, даже закованный в цепи, посаженный в самую тёмную тюрьму, был сильнее тирана.

Это потому, что правда сильнее всего на свете — она ярче дневного света, сильнее любого урагана.

МАРТЫШКИ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Однажды мартышки, что живут в зоопарке, решили отправиться в путешествие, чтобы пополнить своё образование. Шли они, шли, а потом остановились, и одна из них спросила:

— Итак, что же мы видим?

— Клетку льва, бассейн с моржами и дом жирафа,— ответила другая.

— Как велик мир! И как полезно путешествовать!— решили мартышки.

Они двинулись дальше и присели передохнуть только в полдень.

— Что же мы видим теперь?

— Дом жирафа, бассейн с моржами и клетку льва!

— Как странен этот мир! Впрочем, путешествовать, конечно, полезно.

Они снова тронулись в путь и завершили путешествие только на заходе солнца.

— Ну, а теперь что мы видим?

— Клетку льва, бассейн с моржами и дом жирафа!

— Как скучен этот мир! Всё время одно и то же. Хоть бы какое-нибудь разнообразие! Нет никакого смысла странствовать по свету!

Ещё бы! Путешествовать-то они путешествовали, да только не выходя из клетки,— вот и кружились на одном месте, словно лошадка на карусели.

ОДИН И СЕМЕРО

Я знал одного мальчика... Но это был не один мальчик, а семеро. Как это может быть? Сейчас расскажу.

Жил он в Риме, звали его Паоло, и отец его был вагоновожатым.

Нет, нет, жил он в Париже, звали его Жан, и отец его работал на автомобильном заводе.

Да нет же, жил он в Берлине, звали его Курт, и отец его был виолончелистом.

Что вы, что вы... Жил он в Москве, звали его Юрой, точно так же, как Гагарина, и отец его был каменщиком и изучал математику.

А ещё он жил в Нью-Йорке, звали его Джимми, у отца его была бензоколонка.

Сколько я вам уже назвал? Пятерых. Не хватает двоих.

Одного звали Чу, жил он в Шанхае, и отец его был рыбаком. И наконец, последнего мальчика звали Пабло, жил он в Буэнос-Айресе, и отец его был маляром.

Паоло, Жан, Курт, Юра, Джимми, Чу и Пабло — мальчиков семеро, но всё равно это один и тот же мальчик.

Ну и что же, что у Пабло тёмные волосы, а у Жана светлые. Неважно, что у Юры белая кожа, у Чу — жёлтая. Разве это так важно, что Пабло, когда приходил в кино, слышал там испанскую речь, а для Джимми экран разговаривал по-английски. Смеялись же они на одном и том же языке.

Потому что это был один и тот же мальчик: ему было восемь лет, он умел читать и писать и ездил на велосипеде, не держась за руль.

Теперь все семь мальчиков выросли. Они никогда не станут воевать друг с другом, потому что все семь мальчиков — это один и тот же мальчик.

ПРО ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ УКРАСТЬ КОЛИЗЕЙ

Как-то раз одному человеку взбрело в голову украсть знаменитый римский Колизей. Ему захотелось, чтобы Колизей принадлежал только ему. «Почему,— недоумевал он,— я должен делить его со всеми? Пусть он будет только моим!» Он взял большую сумку и отправился к Колизею. Там он подождал, пока сторож отошёл в сторонку, быстро набил сумку камнями древнего здания и понёс домой.

На другой день он проделал то же самое. И с тех пор каждое утро, кроме воскресенья, он совершал по крайней мере два, а то и три таких рейса, всякий раз стараясь, чтобы сторожа не заметили его. В воскресенье он отдыхал и пересчитывал украденные камни, которые грудой лежали в подвале.

Когда же подвал весь был забит камнями, он стал сваливать их на чердаке. А когда и чердак заполнился до отказа, то стал прятать камни под диваны, в шкафы и даже в корзину для грязного белья.

Каждый раз, приходя к Колизею, он внимательно осматривал его со всех сторон и думал: «Он кажется всё таким же огромным, но некоторая разница всё же есть! Вон там и вот тут уже немного меньше камней осталось!»

Он вытирал пот со лба и выковыривал из стены ещё один кирпич, выбивал из арки ещё один камень и прятал их в сумку. Мимо него проходили толпы туристов с открытыми от восхищения и изумления ртами. А он похихикивал про себя: «Удивляетесь? Ну-ну! Посмотрю-ка я, как вы будете удивляться, когда в один прекрасный день не найдёте здесь Колизея!»

Порой случалось ему заходить в табачную лавку — а в табачных лавках в Италии всегда продают открытки с изображением достопримечательностей. Когда он смотрел на открытки с видами старинного амфитеатра Колизея, то всегда приходил в хорошее настроение. Правда, он тут же спохватывался и притворялся, будто сморкается, чтобы не увидели, как он смеётся: «Ха-ха-ха! Открытки! Подождите, скоро только открытки и останутся вам на память о Колизее!»

Шли месяцы, годы. Украденные камни громоздились теперь под кроватью, заполнили кухню, оставив лишь узкий проход к газовой плите. Камнями была завалена ванная, а коридор превратился в траншею.

Но Колизей по-прежнему стоял на своём месте и пострадал от воровства не больше, чем от комариного укуса. Бедняга вор сильно постарел за это время и пришёл в отчаяние. «Неужели,— думал он,— неужели я ошибся в своих расчётах? Наверное, легче было бы украсть купол собора Святого Петра! Ну да ладно, надо набраться мужества и терпения. Взяться за дело — надо доводить его до конца».

Однако каждый поход к Колизею давался ему теперь нелегко. Сумка оттягивала руки, а они были к тому же сплошь в ссадинах. И когда однажды он почувствовал, что жить ему осталось недолго, он в последний раз пришёл к Колизею и, с трудом карабкаясь по скамьям амфитеатра, забрался на самый верх. Заходящее солнце окрашивало древние руины золотом и багрянцем. Но старик ничего не видел, потому что слёзы застилали ему глаза. Он надеялся, что побудет здесь, наверху, в одиночестве, но на террасу тут же высыпала толпа туристов. На разных языках выражали они свой восторг. И вдруг среди множества голосов старый вор различил звонкий детский голосок какого-то мальчика: «Мой! Мой Колизей!»

Как фальшиво, как неприятно звучало это слово здесь, среди самой красоты! Только теперь старик понял это и даже захотел было сказать об этом мальчику, захотел научить его говорить «наш» вместо «мой». Но сил у него уже не хватило.

ЛИФТ К ЗВЁЗДАМ

Когда Ромолетто исполнилось тринадцать лет, его взяли на работу в бар «Италия». Он служил мальчиком на побегушках. Это значит, что он должен был выполнять всякие мелкие поручения и разносить заказы по домам. Целыми днями Ромолетто носился взад-вперёд по улицам, поднимался и спускался по лестницам разных домов, держа поднос, уставленный множеством рюмок, чашек и стаканов.

Больше всего не любил Ромолетто лестницы. В Риме, так же как и во многих других городах на земле, лифтёры очень ревниво оберегают свои лифты и стараются, чтобы ими поменьше пользовались, особенно мальчики из бара, молочницы, продавцы фруктов и все другие простые люди. Они либо сами стоят на страже у лифта, либо вывешивают разные грозные предупреждения.

Однажды утром в бар позвонили из квартиры четырнадцать в доме сто три и потребовали четыре кружки пива и чай со льдом.

— Только немедленно, иначе я выброшу всё это из окна!— добавил сердитый голос. Это был старый маркиз Венанцио, тот самый, что наводил ужас на поставщиков продуктов.

В доме сто три лифт оберегался особенно тщательно, но Ромолетто знал, как можно обмануть бдительность лифтёрши, дремавшей в своей

сторожке. Он незаметно проскользнул в кабину, опустил в щель пускового автомата пять лир, нажал кнопку пятого этажа, и лифт со скрипом двинулся вверх. Вот второй этаж, вот третий. А после четвёртого этажа лифт, вместо того чтобы замедлить ход, вдруг ускорил движение, проскочил мимо площадки пятого этажа и, прежде чем Ромолетто успел удивиться, поднялся так высоко, что весь Рим уже раскинулся у него под ногами. А лифт всё мчался вверх. Со скоростью ракеты нёсся он к небу, голубому-голубому, до черноты.

— Прощайте, маркиз Венанцио!— прошептал Ромолетто, чувствуя, как у него мурашки пробегают по коже. Левой рукой он по-прежнему держал в равновесии поднос со стаканами, и это было довольно смешно, потому что лифт уже уносился в межпланетное пространство, и Земля голубела далеко внизу в бездонной глубине космоса. Она вертелась вокруг своей оси, всё дальше и дальше унося злого маркиза Венанцио, который ждал пива и чая со льдом.

«По крайней мере хоть не с пустыми руками явлюсь к маркизанам!» — решил Ромолетто и зажмурился. Когда же он приоткрыл глаза, то лифт уже спустился, и Ромолетто с облегчением вздохнул.

«В конце концов, чай всё равно холодный»,— подумал Ромолетто.

Но оказалось, что лифт опустился в самой чаще какого-то тропического леса, и Ромолетто сквозь стёкла кабины увидел, что его окружают какие-то лохматые бородатые обезьяны. Они возбуждённо показывали на него пальцами и невероятно быстро говорили что-то на каком-то непонятном языке. «Наверное, я попал в Африку!» — подумал Ромолетто.

Тут обезьяны вдруг расступились, и он увидел огромную обезьяну в синем мундире, которая ехала навстречу ему на гигантском трёхколёсном велосипеде.

«Полиция! Спасайся, Ромолетто!»

Не теряя ни секунды, мальчик из бара «Италия» нажал первую же попавшуюся кнопку. И лифт полетел вверх со сверхзвуковой скоростью. Когда он унёсся достаточно далеко, Ромолетто взглянул вниз и понял, что планета, от которой он удирает, никак не могла быть Землёй: её моря и континенты были совсем других очертаний, чем на школьной географической карте. К тому же Земля сверху выглядела голубым шариком, а эта планета была то зелёной, то фиолетовой.

— Наверное, это Венера!— решил Ромолетто.— Но что я скажу маркизу Венанцио?

Он потрогал кружки на подносе — они были такими же холодными, как и в тот момент, когда он вышел из бара. В общем-то, если разобраться, с тех пор прошло, наверное, минут пять, не больше.

Лифт с невероятной скоростью пронёсся через громадное пустынное пространство и снова стал снижаться. На этот раз Ромолет-

то сразу понял, что его ждёт: «Только этого не хватало! На Луну прилетел! Что мне тут делать?»

Между тем знаменитые лунные кратеры приближались с фантастической быстротой. Ромолетто уже потянулся было к панели с кнопками, но тут ему пришла в голову неплохая мысль. «Стоп!— приказал он себе.— Прежде чем нажать кнопку, надо подумать!»

Он внимательно рассмотрел панель. Рядом с каждой кнопкой стояла какая-нибудь цифра. И только последняя кнопка внизу светилась красной буквой «З». Наверное, это и есть Земля!

«Попробуем»,— вздохнул Ромолетто. Он нажал эту кнопку, и лифт тотчас же изменил направление. А спустя несколько минут он уже оказался над Римом, над крышей дома сто три, пролетел мимо лестничных площадок и приземлился возле знакомой лифтёрши, которая, конечно, даже не догадывалась, в каком межпланетном путешествии побывал Ромолетто, и продолжала мирно дремать.

Ромолетто выскочил из кабины, даже не захлопнув за собой дверь, и пешком поднялся по лестнице на пятый этаж. Он постучал в дверь квартиры четырнадцать и, опустив голову, молча выслушал сердитого маркиза Венанцио:

— Ну, где ты пропадал столько времени?! Ведь с тех пор, как я заказал это проклятое пиво и этот распроклятый чай, прошло уже пятнадцать минут! На твоём месте Гагарин давно уже был бы на Луне!

«И даже дальше!»— подумал Ромолетто, но промолчал. К счастью, напитки были ещё холодными ровно настолько, насколько нужно было.

Да, немало приходится побегать по лестницам за целый день мальчику из бара «Италия», который разносит заказы по домам...

ТРОЛЛЕЙБУС НОМЕР 75

Однажды утром троллейбус номер 75, который ходит от Монтверде Веккьо до площади Фьюме, вместо того чтобы спуститься к Трастевере, направился совсем в другую сторону. Он повернул к Джаниколо, затем свернул на старую дорогу Аурелия Антика и через несколько минут уже мчался, словно очумелый от весеннего солнца заяц, по полям, что раскинулись в предместье Рима.

В это время пассажирами троллейбуса были, как обычно, служащие. Все они читали газеты. Даже те, которые не покупали их,— они читали через плечо соседа. Вдруг один синьор, переворачивая страницу, взглянул случайно в окно и страшно удивился:

— Кондуктор, что случилось? Куда мы едем? Это какое-то самоуправство!

Другие пассажиры тоже оторвались от газет и тоже возмутились:

— Что думает водитель?

— Да он сошёл с ума! Свяжите его!

— Что за обслуживание!

— Но отсюда же рукой подать до Чивитавеккья, там уже начинаются загородные дачи!

— Боже мой! Уже без десяти девять, а ровно в девять я должен быть в суде!— воскликнул адвокат.— Если я проиграю процесс, я подам в суд на троллейбусное управление.

Кондуктор и водитель отбивались как могли. Они заявили, что ничего поделать не могут: троллейбус больше не повинуется им и сам едет куда вздумается. Действительно, в этот момент троллейбус сошёл с дороги, проехал по полю и остановился на лужайке у небольшого лесочка, благоухающего свежей зелёной листвой.

— Ой, цикламены!— радостно воскликнула одна синьора.

— Самый раз сейчас думать о цикламенах!— рассердился адвокат.

— А знаете, что я вам скажу,— возразила синьора,— пусть я приеду в своё министерство с опозданием... Мне, конечно, за это снимут голову... Но раз уж мы тут, я хочу нарвать цикламенов! Уже десять лет, как я не собирала цветов!

Она выскочила из троллейбуса, вдохнула всей грудью чистый, свежий воздух этого удивительного утра и стала собирать цветы.

Видя, что троллейбус и не думает никуда уезжать, один за другим вышли на полянку и другие пассажиры. Одни — чтобы размять ноги, другие — выкурить сигарету. И вскоре плохое настроение растаяло, как туман на солнце. Кто-то сорвал маргаритку и сунул её в петличку, а кто-то другой нашёл совсем ещё зелёную ягодку земляники и радостно закричал:

— Это я нашёл её! Смотрите, я оставляю здесь записку и, когда земляничка созреет, приду и сорву её! И пусть только кто-нибудь посмеет тронуть её!

Он и в самом деле вырвал из записной книжки листок, наколол его на прутик и воткнул в землю рядом с земляничкой. На листке большими буквами было написано: «Доктор Джулио Боллати».

Два чиновника из министерства образования скомкали свои газеты в большой бумажный шар и стали играть в футбол. И всякий раз, когда ударяли по мячу, громко кричали:

— Шайбу!

Словом, пассажиры уже нисколько не походили больше на тех серьёзных и солидных людей, которые минуту назад готовы были разорвать на части водителя и кондуктора. А те между делом поделились друг с другом завтраком и устроили небольшой пикник на свежем воздухе.

— Смотрите! — закричал вдруг адвокат.

Троллейбус тронулся с места и медленно двинулся с полянки. Пассажиры еле-еле успели на ходу вскочить в него. Последней оказалась синьора с цикламенами. Она возмущалась:

— Ну разве так можно! Я только начала собирать цветы и отдыхать!..

— Сколько времени мы уже здесь? — спросил кто-то.

— Ух, наверное, очень долго!

И все посмотрели на свои часы. Как странно: часы показывали всего без десяти девять! Видно, пока длилась эта маленькая загородная прогулка, стрелки часов стояли. Это было время, просто подаренное людям.

— Но этого не может быть! — изумлялась синьора, которая любила цикламены.

А троллейбус снова шёл по своему маршруту и уже сворачивал на улицу Дандоло.

Удивлялись все. А ведь каждый держал перед глазами газету, где на самом верху страницы ясно была обозначена дата — 21 марта, день весеннего равноденствия.

В первый день весны всё возможно!

СТРАНА, ГДЕ ЖИВУТ ОДНИ СОБАКИ

Была когда-то на свете очень маленькая и очень странная страна. Она вся состояла из девяноста девяти домиков. У каждого домика был маленький садик, окружённый забором, и за каждым забором жила собака. И каждая лаяла.

Возьмём, к примеру, домик номер один. Здесь жил пёс по кличке Верный. Он ревниво охранял свой домик от соседей, и, чтоб никто не подумал, будто он плохо несёт свою службу, он долго и громко лаял всякий раз, когда мимо проходили жители других девяноста восьми домиков, независимо от того, кто шёл: женщина, мужчина

или ребёнок. Точно так же поступали другие девяносто восемь собак. Так что, сами понимаете, забот у них было много: лаять приходилось с утра до вечера и даже ночью, потому что всегда ведь кто-нибудь идёт по улице.

А вот другой пример. Синьор, который жил в домике номер девяносто девять, возвращаясь с работы, должен был пройти мимо всех девяности восьми домиков, а следовательно, и мимо девяности восьми собак, которые лаяли ему вслед, показывая клыки и давая понять, что охотно вцепились бы в его брюки. То же самое происходило с жителями других домиков, так что на улице всегда кто-нибудь дрожал от страха.

Ну а теперь представьте себе, что творилось, когда в эту страну попадал какой-нибудь чужеземец. Тогда лаяли сразу все девяносто девять собак, все девяносто девять хозяев выходили на крыльцо посмотреть, что случилось, а потом торопливо возвращались в дом, запирали дверь, спешно опускали ставни и сидели тихо-тихо, поглядывая в щёлочку за незнакомцем, пока он проходил мимо.

Он непрестанного собачьего лая жители этой страны постепенно оглохли и почти перестали разговаривать друг с другом. Впрочем, им и не о чем было говорить между собой. Мало-помалу, сидя так всё время молча, насупившись, они вообще разучились говорить. Ну, и в конце концов случилось так, что хозяева домиков сами тоже стали лаять, как собаки. Возможно, они думали при этом, что разговаривают по-человечески, но на самом деле, когда они открывали рот, слышалось только что-то вроде «гав-гав!»— и от этого мурашки пробегали по коже. Так и повелось в той стране: лаяли собаки, лаяли мужчины и женщины, лаяли дети, когда играли во дворе. И девяносто девять домиков превратились в девяносто девять собачьих конур.

Однако с виду домики были аккуратными, на окнах висели чистые занавесочки, за стёклами виднелась герань и были даже другие цветы — на балконах.

Однажды в этой стране оказался Джованнино-Бездельник. Он забрёл туда, совершая одно из своих знаменитых путешествий. Девяносто девять собак встретили его концертом, от которого даже каменная тумба могла бы превратиться в неврастеника! Джованнино что-то спросил у одной женщины, и та ответила ему лаем. Он сказал что-то ласковое какому-то малышу и услышал в ответ глухое рычание.

— Я понял!— сказал Джованнино-Бездельник.— Это эпидемия!

Тогда он пришёл к самому главному городскому начальнику и сказал:

— Я знаю хорошее средство от вашей болезни. Прежде всего прикажите уничтожить все заборы — сады отлично будут цвести и без ограды. Во-вторых, отправьте всех собак на охоту — они развлекутся

немного и станут добрее. В-третьих, устройте большой бал, и после первого же вальса все жители снова научатся говорить по-человечески.

— Гав-гав!— ответил ему начальник.

— Я понял!— сказал Джованнино.— Самый тяжёлый больной тот, который думает, что он здоров,— и отправился путешествовать дальше.

Если вы услышите ночью, что где-то лает несколько собак, может статься, это и настоящие собаки, но может оказаться, что это лают жители той самой маленькой страны.

БЕГСТВО ПУЛЬЧИНЕЛЛЫ

Во всём старом кукольном театре не было куклы беспокойнее Пульчинеллы. Всегда-то он был чем-то недоволен и вечно с кем-нибудь спорил. То в самый разгар репетиции ему вдруг хотелось пойти погулять, то он сердился на хозяина-кукольника за то, что ему дали комическую роль, а не трагическую, которая ему была больше по душе.

— Знаешь,— признавался он Арлекину,— в один прекрасный день я возьму и убегу!

Он так и сделал. Только случилось это не днём, а ночью. Как только все уснули, он взял ножницы, которые хозяин забыл спрятать в шкаф, перерезал одну за другой все нитки, привязанные к его голове, к рукам и ногам, и предложил Арлекину:

— Бежим вместе!

Но Арлекин не мог расстаться с Коломбиной. Он и слышать не хотел об этом! А Пульчинелла не хотел брать с собой эту кривляку, которая в каждой пьесе только и делала, что насмехалась над ним.

— Ладно, пойду один,— решил Пульчинелла.

Он храбро спрыгнул на пол и пустился наутёк, да так, что только пятки засверкали.

«Какая прелесть,— думал он,— какое удовольствие не чувствовать на руках и на ногах этих проклятых ниток! Как приятно ступать туда, куда самому хочется, а не куда велит хозяин!»

Для одинокой деревянной куклы мир огромен и страшен. В нём так много, особенно по ночам, свирепых кошек, которые запросто могут принять любое существо, бегущее в темноте, за мышь и сцапать своими страшными когтями. Правда, Пульчинелле удалось убедить кошек и котов, что они имеют дело с истинным артистом, но потом он на всякий случай всё-таки спрятался в каком-то садике, прислонился к забору и заснул.

На рассвете он проснулся и понял, что очень голоден. Он огляделся по сторонам, но вокруг, насколько хватало глаз, не было ничего, кроме гвоздик, тюльпанов, цинний и гортензий.

— Ну что же, ничего не поделаешь,— решил Пульчинелла, сорвав гвоздику, стал нерешительно обкусывать с неё лепестки. Конечно, эта еда не шла ни в какое сравнение с бифштексом или хорошим куском филе из окуня. Цветы очень ароматны, но почти не имеют вкуса. И всё же травянистый вкус гвоздики показался Пульчинелле восхитительным вкусом свободы, и после второго лепестка он готов был поклясться, что никогда ещё не ел более замечательного блюда. И он решил навсегда остаться в этом саду.

Спал он под защитой большой магнолии, жёсткие листья которой укрывали его от дождя и града, а питался цветами: сегодня — гвоздикой, а завтра — розой... И во сне и наяву ему мерещились горы спагетти и равнины свежего ароматного сыра, но он крепился и не сдавался.

Солнце и ветер вскоре иссушили дерево, из которого он был сделан. Пульчинелла стал сухим-сухим, но зато таким ароматным, что пчёлы, летевшие за нектаром, иногда принимали его за цветок. Они опускались на его деревянную головку и старались добраться своим жалом до желанного лакомства. Но ничего не выходило, и они улетали разочарованные.

Между тем наступила зима. Опустевший сад ожидал первого снега. Бедный Пульчинелла стал голодать. И если вы думаете, что он мог бы отправиться куда-нибудь в другое место, то ошибаетесь — на маленьких деревянных ножках далеко не уйдёшь!

«Ну что же,— сказал про себя Пульчинелла,— раз так, умру здесь. Не такое уж это плохое место, чтобы умереть. Но если я и умру, то умру свободным. Никто больше не сможет привязать нитки к моей голове и дёргать её, никто не заставит меня кивать в знак согласия, когда я совсем не согласен».

А потом пошёл первый снег и прикрыл Пульчинеллу мягким белым одеялом. Весной на том месте, где лежал Пульчинелла, выросла гвоздика. А Пульчинелла, укрытый землёй, спокойный и счастливый, думал: «Ну вот, над моей головой выросла гвоздика. Может ли кто-нибудь быть счастливее меня?»

Пульчинелла не умер, потому что деревянные куклы не умирают. Он лежит в том саду, и никто об этом не знает. И если вы случайно найдёте его, то не привязывайте нитку к его голове. Королям и королевам из кукольных театров такие нитки не мешают, а вот он, Пульчинелла, их просто терпеть не может.

СОЛДАТСКОЕ ОДЕЯЛО

Когда кончились все войны, солдат Винченцо ди Джакомо вернулся домой. Вернулся он в рваной армейской форме, с сильным кашлём и с солдатским одеялом. Кашель и одеяло — вот и всё, что он заработал за долгие годы войны.

Но кашель не давал ему ни минуты покоя и очень скоро свёл в могилу. Жене и детям осталось от солдата только старое одеяло. Ребят было трое. Самому младшему, тому, что родился между двумя войнами, только-только исполнилось пять лет. Солдатское одеяло досталось ему.

Каждый день, ложась спать, мальчик укрывался отцовским одеялом, а мама принималась рассказывать ему одну и ту же бесконечную сказку. В сказке говорилось про фею, которая ткала большое одеяло, такое большое, что им могли укрыться все дети, что дрожат от холода на нашей земле. Но всегда получалось так, что какому-нибудь мальчику его не хватало, и он плакал и тщетно просил хоть самый краешек одеяла, чтобы согреться.

И тогда фея распускала старое одеяло и принималась ткать новое, побольше, потому что оно обязательно должно быть целым. Добрая фея работала день и ночь, она ткала и ткала, не зная усталости, и малыш засыпал, так и не услышав, чем кончалась сказка. Он так ни разу и не узнал, удалось ли фее соткать такое одеяло, чтобы его хватило на всех.

Малыша звали Дженнаро, и жил он вместе с семьёй неподалёку от Кассино. Зимы там холодные, а эта выдалась ещё и голодная. Вдобавок ко всему заболела мама. Что делать? И тогда отдали Дженнаро знакомым, которые прежде были их соседями, а теперь стали просто бродягами. У этих людей был старый фургон, и они развезжали в нём по всей округе — где милостыню попросят, где поиграют на шарманке, а где продадут ивовые корзинки, которые плели во время своих долгих странствий.

Дженнаро дали клетку с попугаем. Он клювом вытаскивал из ящика билетки с числами, которые вроде бы могли выиграть в лотерее. Дженнаро должен был показывать попугая людям, и те могли за несколько грошей получать от попугая такой билетик.

Дни тянулись долгие и скучные. Случалось, они попадали в сёла, где люди были такие бедные, что и милостыню подать не могли, и тогда Дженнаро доставался совсем маленький кусочек хлеба и совсем мало пустого супа в миске. Зато ночью, когда мальчик укладывался спать и закутывался в старое отцовское одеяло — оно было самым главным его богатством, — он сразу же сладко засыпал, и ему снился попугай, который рассказывал сказки.

Один из тех бродяг, что приютили Дженнаро, когда-то воевал вместе с его отцом. Он полюбил мальчика, как родного, рассказывал ему разные истории и между делом учил его читать всякие надписи, что встречались по пути — названия городов и деревень.

— Смотри! Это буква «А». А вот эта буква, похожая на калитку с покосившейся перекладиной, — «И». Эта палка с кривой ручкой — «Р».

Дженнаро всё схватывал на лету. Бродяга купил ему тетрадь и карандаш и научил списывать надписи. Дженнаро целые страницы

исписывал ими. Писал, например, Анкона или Пезаро. И наконец настал день, когда он сам без всякой помощи смог написать своё собственное имя — букву за буквой, без единой ошибки. Какие же прекрасные сны снились ему в ту ночь, когда он уснул, завернувшись в старое солдатское одеяло своего отца!

И как хороша эта история, хотя она и не закончилась, а так и обрывается на полуслове, словно в конце предложения вместо точки поставлен восклицательный знак.

КОЛОДЕЦ В КАШИНА ПЬЯНА

На полпути от Саронно к Леньяно на опушке огромного леса находится совсем маленькая деревушка Кашина Пьяна. В ней всего три домика, и живёт в них одиннадцать семей. В Кашина Пьяна был колодец, только не совсем обычный, даже странный колодец, потому что вóрот, чтобы наматывать верёвку или цепь, у него был, а вот ни верёвки, ни цепи, чтобы поднимать ведро с водой, не было.

Каждая из одиннадцати семей держала дома рядом с ведром свою собственную верёвку. И если кто-нибудь шёл за водой, то брал не только ведро, но и верёвку. Набрав воды, он отвязывал её и обязательно уносил домой. Один колодец и одиннадцать верёвок. А не верите, так пойдите туда, и вам расскажут про это точно так же, как рассказали мне.

Дело в том, что одиннадцать семей жили недружно, всё время ссорились. И вместо того чтобы купить всем вместе хорошую крепкую цепь для колодца, готовы были вообще засыпать его землёй.

Но вот началась война, и все мужчины из Кашина Пьяна ушли воевать, оставив жёнам много разных советов, в том числе наказ беречь верёвку и следить, чтобы её не стащили.

А потом страну заняли враги. Мужчины всё ещё воевали и партизанили. Тяжело было женщинам, но каждая по-прежнему ревниво оберегала свою верёвку.

Как-то раз один мальчик пошёл в лес за хворостом и вдруг услышал, что в кустах кто-то стонет. Это оказался партизан, раненный в ногу. Мальчик побежал за матерью.

Женщина сначала испугалась, а потом сказала:

— Принесём его домой, спрячем. Будем надеяться, что кто-нибудь так же поможет в беде и твоему отцу. Ведь мы даже не знаем, где он сейчас и жив ли ещё!

Они спрятали партизана в сарае и послали за врачом, сказав, что заболела бабушка. Но соседки ещё утром видели эту старую бабушку — она была здоровёхонька, сновала по двору, как курочка! — и догадались, что тут что-то не так.

Не прошло и дня, как вся деревня уже знала о раненом партизане, который прячется в амбаре у Катерины. Один старик струсил.

— Если враги узнают про это,— сказал он,— они всех нас убьют!

Но женщины не испугались. Они только тяжело вздыхали, думая о своих мужьях, о том, что те, может быть, тоже ранены и так же скрываются где-нибудь. На третий день одна женщина взяла кружок свиной колбасы, пришла к Катерине и сказала:

— Бедняге надо поправиться. Дай ему эту колбасу.

А потом заглянула ещё одна женщина, принесла бутылку вина. За ней пришла третья — с мешочком муки, затем четвёртая — с куском сала. До вечера все женщины деревни побывали в доме Катерины, и каждая что-нибудь приносила для партизана. А уходя, все они утирали глаза платками.

Вскоре партизан поправился, вышел на улицу погреться на солнышке, увидел колодец без верёвки и очень удивился: почему так? Женщины покраснели от стыда. Они хотели объяснить, что у каждой семьи своя верёвка. А что тут ещё скажешь? Можно было, наверное, объяснить, что все они в споре, но теперь-то это было уже не так, потому что все они, вместе заботясь о партизане, вместе помогая ему, сами того не замечая, стали друзьями. Разумеется, теперь не было никакой нужды держать одиннадцать верёвок.

Женщины собрали деньги, купили цепь и привязали её к вороту. Партизан достал из колодца ведро воды, и это было похоже на открытие памятника.

В тот же вечер партизан, совсем уже выздоровевший, ушёл в горы добивать врага.

ПРО СТАРОГО КАМЕНЩИКА

Пришёл я однажды в приют для престарелых, чтобы повидать одного знакомого — старого каменщика. Мы не виделись уже много лет.

— Где же ты был так долго?— спросил он меня.— Может, путешествовал?

— Путешествовал,— ответил я.— Был в Париже.

— О, Париж! Я тоже там был много лет назад. Мы строили тогда великолепное здание на берегу Сены. Интересно, кто сейчас там живёт? А где ты ещё был?

— В Америке.

— В Америке? Я тоже там был много лет назад. Даже не вспомнить теперь когда. Я был в Нью-Йорке, в Буэнос-Айресе, в Сан-Паоло, в Монтевидео. Мы строили там высокие здания... А в Австралии ты не был?

— Нет ещё.

— А я был. Я был тогда совсем молодым и ещё не работал каменщиком. Я только подносил вёдра с раствором и просеивал песок. Мы строили дачу одному синьору. Это был хороший синьор. Помню, однажды он спросил меня, как готовят спагетти, и всё, что я сказал ему, записал себе в книжечку. А в Берлине ты бывал?

— Нет ещё.

— А я там был, когда тебя ещё на свете не было! Прекрасные здания мы там строили, хорошие, крепкие дома. Интересно, целы ли они ещё? А в Алжире бывал? В Египте? В Каире?

— Как раз этим летом хочу поехать туда.

— Ну, там ты повсюду увидишь прекрасные дома. Я не хочу хвастаться, но мои стены всегда были очень хорошо сложены, и крыши мои никогда не протекали.

— Много же вы построили домов!

— Да, порядком. По всему свету пришлось поездить...

— А себе построили?

— Ну, где там! Сапожник, как известно, всегда без сапог! Видишь, живу в приюте. Вот как бывает на свете!

Да, так ещё бывает на свете, но это очень несправедливо.

ПЛАНЕТА ПРАВДЫ

Эта страничка целиком переписана из учебника истории, по которому учатся ребята в школах на планете Мун, и рассказывает она о великом учёном по имени Брун (надо заметить, что там все слова оканчиваются на «ун». Там, например, говорят не «луна», а «лунун», не «суп», а «супун» и так далее). Вот она, эта страничка:

«**БРУН**, изобретатель, живший две тысячи лет назад, в настоящее время находится в холодильнике, из которого его извлекут через 49 000 веков, чтобы он снова начал жить. Брун был ещё младенцем в пелёнках, когда изобрёл **МАШИНУ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РАДУГ**, которая работала на воде и мыле. Вместо обыкновенных мыльных пузырей у неё получались радуги любой величины, и даже такие большие, что их можно было протянуть с одного конца неба на другой. Вообще они служили для разных целей, даже для того, чтобы развешивать на них бельё. В яслях Брун, играя двумя палочками, придумал **БУРАВ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ ДЫРКИ В ВОДЕ**. Изобретение это получило очень высокую оценку рыболовов, которые употребляли этот инструмент, когда рыба не клевала.

Будучи в первом приготовительном классе, Брун изобрёл: **МАШИНУ, ЧТОБЫ ШЕКОВАТЬ ГРУШИ, ГОРШОК, ЧТОБЫ ЖАРИТЬ ЛЁД, ВЕСЫ, ЧТОБЫ ВЗВЕШИВАТЬ ОБЛАКА,**

ТЕЛЕФОН ДЛЯ РАЗГОВОРОВ С КАМНЯМИ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОЛОТОК, который, забивая гвозди, исполнял прекраснейшие мелодии, ну и многое другое в том же духе.

Было бы слишком долго перечислять здесь все изобретения Бруна. Мы назовём только самое известное, то есть **МАШИНУ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ГОВОРИТЬ НЕПРАВДУ**, которая действовала примерно так же, как автомат «Газированные воды». Опустит туда монетку — и можешь выслушать сразу 14 тысяч неправд. Машина содержала в себе абсолютно все неправды на свете: и те, которые уже были сказаны когда-то, и те, которые в данный момент были в голове у людей, и все те, которые люди могли придумать в будущем.

Когда машина выдала людям все возможные неправды, им осталось одно-единственное — всегда говорить только правду. Наверное, именно поэтому планету Мун называют ещё **ПЛАНЕТОЙ ПРАВДЫ**».

КОСМИЧЕСКОЕ МЕНЮ

Один мой друг, космонавт, побывал на планете X-213 и привёз оттуда на память меню одного местного ресторана. Я вам его перепису слово в слово.

З а к у с к а

Речная галька в пробочном соусе.
Гренки из промокательной бумаги.
Бефстроганов из угля.

П е р в ы е б л ю д а

Бульон из роз.
Сушёная гвоздика в чернильном соусе.
Запечённые ножки маленького столика.
Лапша из розового мрамора в масле из протёртых лампочек.
Свинцовые клёцки.

В т о р ы е б л ю д а

Бифштекс из железобетона.
Ромштекс из железа.
Антрекот из чугунной ограды.
Кирпичное жаркое с черепичным салатом.
Нотка «до» из горла индюшки.
Автомобильные покрышки, тушённые с поршнями.
Жареные водопроводные краники (горячие и холодные).
Клавиши пишущей (в стихах и в прозе) машинки.

З а к а з н ы е б л ю д а

Всё что угодно.

Чтобы объяснить это последнее довольно общее выражение, я добавлю, что планета X-213, как вы уже догадались, вся целиком съедобная. Там можно спокойно съесть любую вещь, хоть уличный асфальт. «Даже горы?» — спросите вы. И горы тоже. Жители планеты X-213 уже съели целый Альпийский хребет.

Катается, например, мальчик на велосипеде. Захотелось ему поесть. Он слезает с велосипеда и съедает седло или насос. А вообще ребята там больше всего любят колокольчики.

Первый завтрак обычно проходит так: звонит будильник, ты просыпаешься, хватаешь его и в два счёта съедаешь.

УЧЕБНАЯ КОНФЕТА

На планете Би нет книг. Знания там продают и покупают в бутылках.

История, например, это розовая водица, похожая цветом на гранатовый сок, география — мятная зелёная водичка, а грамматика — бесцветная жидкость и на вкус напоминает минеральную воду.

Школ на этой планете нет. Каждый учится у себя дома. По утрам все ребята, в зависимости от возраста, должны выпивать стакан истории, съесть несколько столовых ложек арифметики и так далее.

И всё равно — вы только подумайте! — ребята капризничают.

— Ну будь умницей! — уговаривает мама. — Разве ты не знаешь, как вкусна зоология?! Она же сладкая, очень сладкая! Спроси у Каролины (Каролина — это домашний электрический робот).

Каролина великодушно соглашается попробовать содержимое бутылки. Она наливает себе немного в стакан, пьёт и чмокает от удовольствия.

— Ух как вкусно! — восклицает она и сразу же начинает излагать полученные знания: — Корова — жвачное парнокопытное, питается травой и даёт нам шоколадное молоко...

— Вот видишь?! — торжествует мама.

Мальчик повинуется. Он слегка подозревает, что речь идёт не о зоологии, а о рыбьем жире, но потом берёт себя в руки, закрывает глаза и проглатывает урок одним глотком, под аплодисменты.

Есть там, понятно, и прилежные ученики. Есть старательные и даже жадные до знаний. Они встают по ночам, берут потихоньку бутылку истории и выпивают её всю до последней капли. Они становятся очень образованными.

Для ребят, которые ходят в детский сад, имеются учебные конфеты — на вкус они напоминают землянику или ананас и содержат несколько простых стихотворений, названия дней недели, а также числа — от одного до десяти.

Мой друг-космонавт привёз мне на память одну такую конфету. Я дал её моей дочке, и она сразу же стала читать смешное стихотворение, написанное на языке планеты Би. В нём говорилось примерно следующее:

Анта анта, перо перо,
Пинта пинта, пим перо!

И я, разумеется, ничего не понял.

КОСМИЧЕСКИЙ ЦЫПЛЁНОК

Знаете, кто выскочил из шоколадного яйца в прошлом году под Новый год в доме профессора Тиболла? Всем на удивление — космический цыплёнок! Во всём он был похож как две капли воды на земного цыплёнка. Только на голове у него была капитанская фуражка с телевизионной антенной на боку.

Профессор Тиболла, синьора Луиза и их дети все сразу сказали: «Ой!» — и после этого ещё долго не могли найти никаких других слов.

Цыплёнок осмотрелся вокруг и остался недоволен.

— Как вы отстали на вашей планете! — сказал он. — У вас ещё только Новый год?! У нас, на Марсе-8, уже среда.

— Этого месяца? — спросил профессор Тиболла.

— Вот ещё! Конечно, следующего! Но мы и годами ушли вперёд — у нас там на двадцать пять лет больше!

Космический цыплёнок прошёлся немного по столу, разминая ноги, и проворчал:

— Какая досада! Ах, какая всё-таки досада!

— А что случилось? — спросила синьора Луиза.

— Вы сломали моё летающее яйцо, и я не смогу теперь вернуться на родину!

— Но мы купили это яйцо в кондитерской! — объяснила синьора Луиза.

— Вы просто ничего не знаете. Это яйцо вовсе не шоколадное яйцо, а космический корабль, замаскированный под яйцо! И я — его капитан, переодетый цыплёнком!

— А экипаж?

— Я и есть весь экипаж! Но теперь меня понизят в звании. Меня сделают по меньшей мере полковником.

— Да, но полковник выше капитана!

— Это у вас, потому что у вас все звания наоборот! У нас самое высокое звание — простой гражданин! Но мы только время теряем... Я не выполняю своего задания! Вот в чём беда.

— Очень жаль... Видите ли, мы хотели бы вам помочь, но не знаем, какое у вас было задание...

— Гм, я ведь тоже его не знаю. Я должен был ждать в той витрине, откуда вы меня взяли, нашего тайного агента.

— Интересно,— заметил профессор,— у вас есть и тайные агенты на Земле? А если мы пойдём в полицию и расскажем об этом?

— Ну и пожалуйста! Там только посмеются над вами, когда вы станете говорить им про космонавта-цыплёнка!

— Это верно. Но может быть, вы хотя бы нас посвятите в ваши тайны?

— Ну... Тайным агентам поручено заблаговременно выяснить, кто из землян отправится через двадцать пять лет на Марс-8.

— Но это же просто смешно! Ведь мы даже не знаем сейчас, где находится такая планета — Марс-8!

— Вы забываете, дорогой профессор, что там у нас времени на двадцать пять лет больше! Поэтому мы-то уже знаем, что капитана-космонавта, который прибудет на Марс-8, будут звать Джино.

— Ух,— сказал старший сын профессора Тиболла,— как меня!

— Чистое совпадение!— заключил цыплёнок.— Его будут звать Джино, и будет ему тридцать три года. Следовательно, сейчас на Земле ему ровно восемь лет.

— Постойте,— воскликнул Джино,— мне же как раз восемь лет!

— Ты меня всё время перебиваешь!— рассердился капитан космического яйца.— Как я вам уже сказал, мы должны найти этого самого Джино и других членов будущего экипажа, чтобы вести за ними регулярное наблюдение, без их ведома, разумеется, и воспитать их как следует.

— Что-что?— удивился профессор.— А мы, значит, плохо воспитываем наших детей?!

— Совсе нет. Только, во-первых, вы не приучаете их к мысли, что им предстоит жить в эру межзвёздных путешествий, во-вторых, не внушаете им, что они являются гражданами не только Земли, но и всей вселенной, в-третьих, не объясняете им, что понятие «враг» нигде за пределами Земли не существует, в-четвёртых...

— Простите, капитан,— перебила его синьора Луиза,— а как фамилия этого вашего Джино?

— Видите ли, он не наш, а ваш. А звать его Тиболла. Джино Тиболла.

— Так это же я!— подпрыгнул сын профессора.— Ура!

— Что значит «ура!»?— воскликнула синьора Луиза.— Не думаешь ли ты, что твой отец и я позволим тебе...

Но космический цыплёнок уже влетел в объятия Джино.

— Ура! Моё задание выполнено! Через двадцать пять лет я смогу вернуться домой!

— А яйцо?— вздохнула сестрёнка Джино.

— Его мы немедленно съедим!

Конечно, так они и сделали.

ПРО ДЕДУШКУ, КОТОРЫЙ НЕ УМЕЛ РАССКАЗЫВАТЬ СКАЗКИ

— Жила-была однажды маленькая девочка, и звали её Жёлтая Шапочка...

— Не Жёлтая, а Красная!

— Ах да! Красная Шапочка... Мама позвала её однажды и говорит: «Послушай, Зелёная Шапочка...»

— Да нет же, Красная!

— Да, да, Красная. «Пойди к тётушке Диомире и отнеси ей картофельную шелуху...»

— Нет! Мама сказала: «Сходи к бабушке и отнеси ей пшеничную лепёшку!»

— Ну, пусть будет так. Девочка пошла в лес и встретила жирафа.

— Опять ты всё перепутал! Она встретила волка, а не жирафа!

— И волк спросил у неё: «Сколько будет шестью восемь?»

— Ничего подобного! Волк спросил у неё: «Куда ты идёшь?»

— Ты права. А Чёрная Шапочка ответила...

— Это была Красная, Красная, Красная Шапочка!

— Ну ладно, ладно. Красная. Она ответила: «Я иду на базар покупать томатный соус».

— Ничего подобного! «Я иду к бабушке, но я заблудилась».

— Правильно. А лошадь ей и говорит...

— Какая лошадь? Это был волк!

— Ну конечно же волк! Он ей и говорит: «Садись на семьдесят пятый трамвай, доезжай до соборной площади, сверни направо, там увидишь ступеньки вниз, а рядом на земле найдёшь монетку в одно сольдо. На ступеньки ты не обращай внимания, а монетку подбери и купи себе мороженого!»

— Дедушка, ты совсем не умеешь рассказывать сказки! А мороженое ты мне всё равно купишь!
— Ладно. Вот тебе сольдо.
И дедушка снова стал читать газету.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЯТЁРКИ

— На помощь! На помощь!— кричит, убегая, бедняжка Пятёрка.
— Что с тобой? Что случилось?
— Разве не видите? За мной гонится вычитание! Беда, если догонит!

— Скажешь тоже, беда...

Но беда случилась. Вычитание настигло Пятёрку и стало кромсать её своей острейшей шпагой — знаком «минус». Ну и досталось же нашей Пятёрке... Но тут, по счастью, мимо проезжала длинная заграничная машина — вот такая длинная! Вычитание отвернулось на секунду, чтобы посмотреть, нельзя ли её укоротить немного, и Пятёрка мигом скрылась в подъезде. Только это была уже не Пятёрка, а Четвёрка, и вдобавок с разбитым носом.

— Бедняжка, что с тобой? Ты подралась с кем-нибудь?

Боже правый! Спасайся кто может! Какой медовый голосок! Конечно, это Деление собственной персоной. Несчастливая Четвёрка еле слышно прошептала: «Добрый вечер!»— и попыталась шмыгнуть в сторону, но деление оказалось гораздо ловчее и одним взмахом ножниц — жик!— разделила Четвёрку пополам: Двойка и Двойка. Одну Двойку оно спрятало в карман, а другая, улучив момент, выбежала на улицу и вскочила в трамвай.

— Ещё минуту назад я была Пятёркой!— плакала Двойка.— А теперь, смотрите, во что я превратилась!

Вагоновожатый проворчал в ответ: — Некоторые люди сами должны понимать, что им лучше ходить пешком, а не ездить в трамвае.

— Но это же не моя вина! Я тут ни при чём! Я же не виновата!— краснея, воскликнула Двойка.

— Да, конечно, дядя виноват! Так все говорят.

Двойка вышла на первой же остановке, пунцовая, как обивка на кресле. И тут... ей опять не повезло: она отдала кому-то ногу.

— Ах, простите, пожалуйста, синьора!

Но синьора, оказывается, несколько не рассердилась, напротив, она даже улыбнулась. Смотри-ка, да ведь это синьора Умножение! У неё очень доброе сердце, и она очень жалеет людей, когда те попадают в беду,— она тут же умножила Двойку на три, и вот уже перед нами великолепная цифра — Шестёрка. Почему великолепная? Да это же Пять с плюсом! Ни один учитель никогда не напишет шесть, а припишет к Пятёрке плюстик.

— Ура! Теперь я Пять с плюсом! И меня обязательно переведут в следующий класс.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ¹

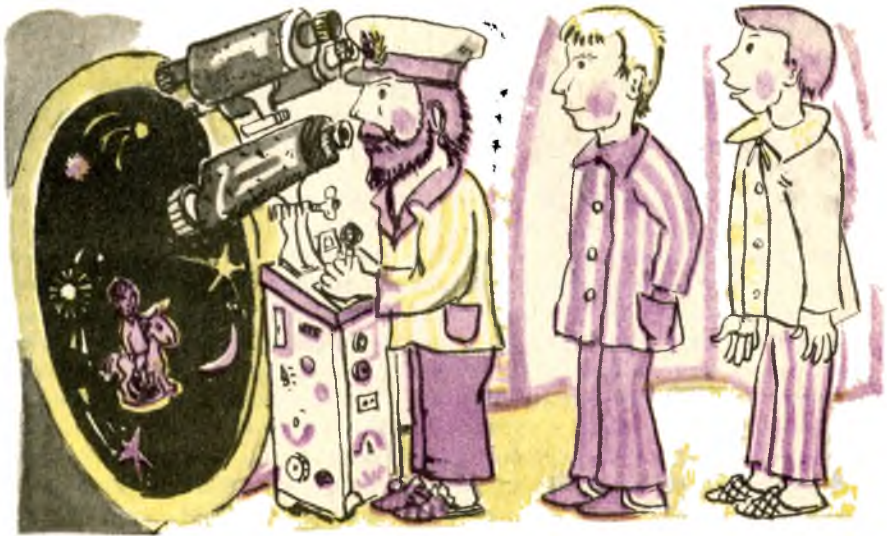
*Поначалу в жизни нашей было всё не так, как надо.
Много сил вложили люди, чтобы сделать Землю садом.
Не было нигде тропинок, чтоб подняться в горы.
Без мостов речушки были недоступны, словно море.
Не было нигде скамеек, чтоб присесть усталым.
Не найти нигде кроватей ни большим, ни малым.
Ноги вечно исцарапаны острыми камнями,
потому что ни ботинок не было, ни няни.
И совсем не просто было тем, кто видел плохо:
не найти очков, и всё,— сколько хочешь охай,
Хочешь в мячик поиграть — нет мячей в помине.
Хочешь есть — нет ни огня, ни горшков из глины.
Если, скажем, хочешь пить — кофе нет, нет кваса.
Нет ни пищи, ни питья. Вовсе нет — и баста!
Были только у людей руки — только руки.
И трудился предок наш, и не знал он скуки.
Много сделал для людей человек бесспорно;
ещё больше надо сделать — знай трудись упорно!*

¹ Здесь и далее стихи в переводе Л. Тарасова.

ЧЕЛОВЕК В НЕБЕ!

- Капитан, человек в небе!
- Ясно. В каком квадрате?
- Прямо по хвосту.
- Быстро сверхбинокль!
- Есть, капитан!

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Когда я впервые рассказал эту историю, после слова «сверхбинокль» меня тотчас же прервал один синьор:

— Плохое начало, уважаемый! «Человек в небе!» Что это такое? Разве так говорят? Даже дети знают, что надо говорить «Человек за бортом!». А кроме того, хвосты бывают у ослов, и очень трудно представить себе капитана, командующего ослом. И наконец, будьте добры, объясните, пожалуйста, что такое сверхбинокль? Может, это что-то горбатое, вроде верблюда?

— Доктор,— сказал я (он почти наверняка был доктор — ведь он носил галстук и отутюженные брюки; в Риме люди, одетые так,

Карелия, 1984, перевод

почти все доктора каких-нибудь наук).— Доктор,— сказал я,— на вашем месте я не торопился бы критиковать всё направо и налево...

— И со стороны хвоста...— съязвил он.

— Разговор, который я только что привёл,— невозмутимо продолжал я, не обращая внимания на его насмешку,— происходил на борту космического корабля, летящего в безвоздушном пространстве. А там нет ни морей, ни озёр, ни даже речек. Вокруг корабля было только чёрное небо, такое чёрное, что глаза ломило. Из разговора также совершенно ясно, что вахтенный заметил в свете хвостовых прожекторов человека, потерпевшего кораблекрушение. И в этой ситуации можно было только кричать — «Человек в небе!» Открою вам и ещё один секрет: этот космический аппарат, по причинам, о которых скажу позднее, имел форму деревянного коня. И нечего удивляться, что он был с хвостом. Другие небесные тела, например кометы, тоже имеют хвост. Значит, хвосты обладают всеми правами гражданства в космосе. А теперь перейдём к сверхбиноклю. Хотите знать, что это такое? Усовершенствованный бинокль. С третьим тубусом, который при желании можно направить назад и без всякого труда видеть всё, что происходит у вас за спиной, можно даже сказать — у вас в хвосте. Очень полезное, с моей точки зрения, изобретение. Будь у вас такой сверхбинокль, скажем, на стадионе, вы могли бы не только следить за игрой на поле, но и наслаждаться видом болельщиков проигрывающей команды. Разве не интересное зрелище?

Доктор пробормотал себе в галстук что-то невнятное, поправил складку на брюках, потом вспомнил, что его ждут важные дела, и удалился, не став слушать продолжения истории. Тем хуже для него. А мы закончим это небольшое отступление и начнём всё сначала.

СИНЬОР ЭКС-ПАУЛЮС

Капитан схватил сверхбинокль и, сгорая от любопытства, посмотрел на космического путешественника, который плавал в световом шлейфе корабля.

— Но это же не взрослый, это ребёнок!— воскликнул он.

— Ничего удивительного,— проговорил штурман,— ребята всегда льнут к иллюминатору. Совершенно естественно, что иногда они выпадают за борт.

Капитан улыбнулся:

— Он верхом на игрушечной лошадке. Значит, задание выполнено. Но не будем зря болтать. Включить магнитное поле!

Не успел он отдать команду, как лошадка вместе с всадником мягко ткнулась в «брюхо» космического корабля. Тотчас же открылся люк, и мальчишка, потерпевший кораблекрушение, был принят на борт.

На вид ему можно было дать лет девять или десять. Тёмные волосы, огромные глаза. Одет в голубую пижамку. Он очень забавно прыгнул с лошадки, скрестил руки на груди и гордо окинул взглядом экипаж, столпившийся возле него. Не утруждая себя приветствием, он с предельной категоричностью заявил:

— Эй, вы! Имейте в виду, я ни на секунду не считаю себя вашим пленником!

— Пленником? — удивился капитан и погладил свою бороду. — Не понимаю.

— Ну, если вам не понятно, что ж тогда спрашивать с меня?

— Ты мог бы, например, сказать, как тебя зовут?

— Меня зовут Марко Милани. А вас?

Капитан снова погладил бороду, а члены экипажа лукаво перемигнулись.

— Ты затронул больное место, — ответил капитан. — Ещё неделю назад меня звали Паулюсом. Я носил это имя почти два года, и оно надоело мне, словно грязная рубашка. Тогда я расстался с ним. А другого имени пока не придумал. И сейчас меня вовсе никак не зовут. А какое имя посоветовал бы ты мне?

Марко недоверчиво посмотрел на него.

— Гм... Всё шутите. Просто ваше имя — военная тайна! Ну и держите её при себе. Я вовсе не сгораю от желания узнать её. Кстати, это вы капитан корабля?

— До девяти часов, — ответил Экс-Паулюс. — Мы тут капитанам по очереди.

— И все вы здесь капитаны?

— Точно так же, как полковники, генералы, майоры. Ведь титулы и звания ничего не стоят.

— Это где же они ничего не стоят?

— На нашей планете.

— Я так и подумал — вы не земляне.

ПЛАНЕТА ЯСНАЯ

Марко с большим любопытством разглядывал космонавтов, но не обнаружил в их облике ничего необычного — не было ни антенн на голове, ни рогов на лбу — ничего. Одни носили бороду, другие — усы, третьи вообще были чисто выбриты. Каждый имел по две руки и две ноги, на руках было по пять пальцев, нос и уши тоже на месте — всё как полагается. И все были в пижамах. Марко решил, что в этот час они, видимо, собирались ложиться спать.

— А как называется ваша планета? — спросил он.

— Просто планета — и всё.

— Так я и поверил! Опять военная тайна.

— Да нет же! Вот вы как называете вашу планету? Просто

Земля, не так ли? И только другим планетам даёте всякие забавные названия — Марс, Меркурий и так далее.

— А вы как называете Землю?

Капитан улыбнулся:

— Планета Ясная.

— Ясная? Значит, я — яснианин или, может быть, яснианец? Вот здорово! Рассказать такое у нас в Тестаччо, обхохочутся даже туши в холодильнике у мясника.

— А что это такое — Тестаччо? — поинтересовался Экс-Паулос.

— Ничто. Военная тайна! — отрезал Марко. — Ясная... Ну, ладно, ближе к делу — меня интересует, каким образом я оказался тут.

— Это ты должен рассказать нам, каким образом, — ответил капитан. — Мы ведь только выловили тебя с помощью магнитного поля, когда ты прогуливался по Млечному пути. Хотя твоего появления, очевидно, ждали. Потому что мы получили приказ крейсировать в этой зоне и вылавливать потерпевших кораблекрушение. Должно быть, отдавая такой приказ, там, наверху, знали, что ты отправился в путешествие.

— Что касается меня, то я и не думал покидать Рим. Несколько минут назад я находился в своей комнате и не подозревал, что мне предстоит путешествие.

— Там наверху всё знают, дорогой мой.

ДЕРЕВЯННАЯ ЛОШАДКА

— Как бы то ни было, — продолжал Марко, — моя история коротка и довольно глупа. И всё из-за дня рождения. Если хотите знать, сегодня мне исполнилось девять лет. И вы себе представить не можете, как я расстроился, когда дедушка подарил мне деревянную лошадку-качалку. Если об этом узнают мои друзья, подумал я, мне лучше и не показываться больше в Тестаччо. А ведь дедушка, между прочим, почти обещал мне модель самолёта с дизельным моторчиком. Сами понимаете, я прямо-таки кипел от обиды.

— Но почему? Деревянная лошадка — прекрасная игрушка!

— Разумеется, для дошколят! Я унёс её подальше в спальню. И даже ни разу не вспомнил о ней за целый день. А вечером, когда раздевался и собирался лечь в постель, опять расстроился. Стоит себе как ни в чём не бывало и молчит, как болванчик. Да вот полюбуйтесь, пожалуйста! Какое глупое выражение нарисовано на её морде. Что мне с ней делать, подумал я, куда бы деть? И просто так, ради любопытства, сел на неё. Не успел вставить ноги в стремяна, как раздался оглушительный рёв мотора, всё вокруг погрузилось в темноту, у меня перехватило дыхание, и я закрыл глаза от испуга... А когда открыл, то увидел, что лечу на этой лошадке высоко над крышами Рима.

— Прекрасно!— весело заметил капитан.

— Ничутьточки! Во-первых, я замёрз — ведь на мне только пижама. А кроме того, попробуйте-ка справиться с деревянной лошадкой. «Назад,— кричу я.— Вернись сейчас же домой, на Землю!» Да куда там! Она как нацелилась на Луну, так и понеслась, никуда не сворачивая, прямо к ней. И всё с такой же глупой мордой, как тогда, когда я вытащил её из коробки,— глаза стеклянные, никаких признаков дыхания, да ещё опилки в ушах. Совсем деревянная, ни одного настоящего волоска в гриве, все нарисованы. А постучите-ка по брюху! Пусто, как в барабане! Яснее ясного, что никакого мотора там никогда и не было, и пропеллера под хвостом тоже нет. А ведь летит — и всё тут! Как? Каким образом? Поди, угадай! Летит по-настоящему. И Земля, или, по-вашему, Ясная, скоро осталась далеко внизу, превратилась в голубенький кружочек, словно блюдечко из кофейного сервиза. А потом она неожиданно оказалась высоко над головой — сначала мне казалось, мы несёмся вверх, но потом будто летим вниз. Такое чувство, точно падаешь куда-то в бездну, все ниже и ниже, всё быстрее и быстрее. Ясная стала совсем крохотной точечкой среди миллионов точно таких же точек. Прощай, Рим! Это конец, решил я. Затерян в космосе и никакой возможности сообщить родным о своём местонахождении.

— Да, впечатляющая, должно быть, картина...— заметил капитан.

— Я был слишком сердит, чтобы любоваться ею. Станьте-ка на моё место, утащен в небо четвероногим парнокопытным из деревяшки! Мой папа, наверное, переворачивает теперь весь город, чтобы разыскать меня.

— Кто знает,— ответил капитан.— Часы в Риме, если не ошибаюсь, должны показывать сейчас 23 часа 15 минут. И родители думают, что ты уже спишь в своей постели.

— Допустим. А завтра утром? Ну, ладно, не будем думать об этом. Впрочем, мне уже нечего больше рассказывать. Потом я увидел впереди нечто вроде огромного коня с сотнями светящихся окошек в животе и яркими фарами на копытах. И вы подхватили меня. Вот и всё.

Когда рассказ подходил к концу, космонавты начали весело смеяться.

— Смейтесь! Смейтесь!— проворчал Марко.— Только отвезите меня обратно.

— Нет,— сказал капитан.— Самое большое через пару часов мы приземлимся на нашей планете. Таков приказ.

Марко искал слова, чтобы выразить своё возмущение, как вдруг раздался оглушительный рёв, точно залаяло сразу сто тысяч бешеных собак. Стены космического корабля задрожали. Из репродукторов послышался тревожный голос, но понять, что он говорит, было невозможно.

СОБАКИ-ПЕРЕСОБАКИ

— Тревога! Мы окружены!— капитан Экс-Паулос схватил Марко за руку.— Идём в мою кабину! Быстро!— И они устремились вверх по узкой крутой лестнице.— Хорошо,— добавил капитан,— что атака началась до девяти часов, пока я на посту. Из капитанской рубки лучше видно — она в голове коня. Смотри!

Кабина была застеклена и походила на веранду деревенского домика в горах. Было хорошо видно, как к космическому кораблю со всех сторон несутся полчища огромных чудовищ. С невероятным лаем они яростно кидались на корабль.

— Да ведь это же собаки!— удивился Марко.— Летающие собаки, чёрт возьми!

— Собаки-пересобаки,— уточнил капитан.

— Тоже астронавты, как ваш конь? Вражеская армада?

— Нет, нет! Просто скверные животные. Посмотри сюда, ты, верно, думаешь, что они крылатые? На самом деле это уши, а не крылья. Они вертят хвостом, как пропеллером. Потому и держатся в воздухе.

— И лают...

— Слишком громко. Мощная акустическая атака!

Одна из пересобак прижалась мордой к стеклу кабины, точно хотела заглянуть внутрь. Казалось, лай издавали даже её глаза, лапы и живот. Марко крепко зажал уши, но всё равно не мог спастись от оглушительного лая, который заполнял всё вокруг.

— Осторожно!— воскликнул Марко, увидев, как одна из пересобак обнажила клыки и начала хватать стекло кабины.

— Не бойся,— успокоил мальчика капитан.— Стекло небьющееся. И помимо всего, собаки, которые лают, даже лающие пересобаки, никогда не кусаются, ты ведь знаешь это. Не съедят они нас. Но оглохнуть от них можно. Ужасно надоедливые твари. К счастью, наш корабль движется гораздо быстрее их.

— Но ведь, наверное, проще убить их,— сказал Марко.— Вы бы раз и навсегда избавились от всех пересобак.

Капитан Экс-Паулос с удивлением посмотрел на Марко.

— Убить?— переспросил он.— Что это значит?

— Убить — это значит уничтожить, искоренить, испепелить. Разве у вас нет «луча смерти»? Или бесшумных пистолетов? Разве вы ничему не научились, когда смотрели фильмы про гангстеров?

Капитан Экс-Паулос энергично провёл рукой по бороде.

— Послушай,— сказал он,— ты почему-то не удивляешься, что мы понимаем твой язык и разговариваем с тобой? А между прочим, нам помогает вот этот электронный переводчик,— капитан показал на маленькую кнопочку, спрятанную под воротником пижамы.— Но, очевидно, аппарат этот плохо работает или, быть может, ты употреб-

ляешь новые слова, которые нам ещё не известны. Так или иначе, я тебя совершенно не понимаю. «Убить...» Что это значит?

Марко рассмеялся.

— Извините,— произнёс он,— но мне смешно. Ведь «убить» это одно из самых распространённых на свете слов. Его знали ещё доисторические люди.

Но Экс-Паулюс уже не слушал его. Он выкрикнул в микрофон какие-то команды, нажал на кнопки, сдвинул рычаги, и через несколько секунд космический корабль, набрав скорость, легко устремился в просторы Вселенной, оставив лающих пересобак далеко позади.

ВЫСАДКА В ПИЖАМЕ

Тут кто-то постучал в дверь кабины.

— Девять часов,— сказал Экс-Паулюс.— Меня сменяют. До свидания!

В дверях появился высокий мужчина с мрачным лицом.

— Ну что, повезло тебе?— проговорил он, обращаясь к капитану.— А мне не довелось насладиться спектаклем.

— Ничего не поделаешь — расписание есть расписание, — ответил Экс-Паулюс. — В другой раз полюбуешься этим зрелищем. Познакомься, Марко. Это капитан Петрус.

Марко пожал руку новому капитану, и тут его внимание привлекла одна звезда, которая была ярче других. Звезда быстро приближалась, и не успел он спросить её название, как она превратилась в зелёный круг. Круг увеличивался, и на его поверхности появились какие-то разводы, похожие на материки и океаны.

«Похоже, мы туда падаем», — подумал Марко, но промолчал. Петрус был абсолютно спокоен, значит, бояться нечего. Больше того, новый капитан даже повеселел.

— Вот мы и дома, — сказал он. — Это наша Планета. Облетим её пару раз, чтобы сбавить скорость, и, с твоего позволения, сядем.

Всё точно так и произошло, как сказал Петрус. А когда космический корабль вошёл в атмосферу планеты, стало светло как днём и бортовое освещение за ненадобностью выключили.

Часы показывали половину десятого утра, когда Марко, довольно растерянный, ступил на поверхность неизвестной планеты. При этом он испытывал некоторую неловкость, потому что был в ночной пижаме. Но Экс-Паулюс, Петрус и другие космонавты тоже были в пижамах, и, судя по всему, никто не собирался переодеваться перед выходом из корабля. Марко решил, что мода на этой планете существенно отличается от римской. «Должно быть, галстук здесь повязывают, когда ложатся в постель», — подумал он. И, не беспокоясь больше о своём костюме, стал смотреть по сторонам.

Космический корабль, на котором он прилетел, действительно как две капли воды походил на большого игрушечного коня, хотя все остальные аппараты, что стояли на лётном поле гигантского аэродрома, ничем не отличались от обычных, земных ракет. Они стартовали и приземлялись, не издавая никакого ржания. Марко не успел и осмотреться хорошенько, как увидел, что к нему идёт какой-то мальчик, тоже примерно лет девяти, такой же черноволосый, но в жёлтой пижаме. Он шёл легко и непринуждённо, как хозяин, который встречает гостя.

НОВЫЙ ГИД

— Марко! — воскликнул он. — Привет! Надеюсь, путешествие прошло благополучно?

«Да кто же это такой? Откуда он меня знает? Я никогда прежде не видел его!» — Марко вовремя вспомнил, что в Тестаччо делом чести считалось умение скрыть удивление, и ответил на его приветствие лёгким кивком, пробормотав что-то невнятное.

— Что что ты говоришь? — переспросил улыбаясь мальчик.

— Говорю — хорошее путешествие,— ответил Марко,— хотя у меня и не было ни малейшего желания отправляться куда бы то ни было. Меня привезли сюда против моей воли, и я протестую!

— Нет, ты слышишь?— засмеялся капитан Петрус, хлопая мальчика по плечу.

— Здравствуйте, Экс-Паулюс,— маленький незнакомец обратился к другому капитану.— Придумали себе новое имя? Как вас теперь называть?

— Нет, так и не знаю. Напишу на бумажках десять имён, положу в шляпу и вытащу наугад. Яснианин не захотел помочь мне в этом вопросе.

— Отчего же! Я предлагаю — Продажный Судья,— грубо ответил Марко.

Все засмеялись, чтобы скрыть неловкость.

— Ну ладно, пошли,— сказал Петрус.— Вручаю тебе потерпевшего кораблекрушение живым и здоровым. Не потеряна ни одна пуговичка.

— Как?— возмутился Марко.— Я требую, чтобы вы сейчас же отправили меня обратно на Землю! Высадили неизвестно где и ещё отдаёте какому-то малышу из детсада!

— Не знаю, что и делать,— ответил Петрус,— но таков приказ. Если не возражаешь, я прощаюсь с тобой, и поверь в мои самые добрые чувства...

— Но вы не можете бросить меня тут! А кто отвезёт меня обратно на Землю?

— Не беспокойся,— крикнул Экс-Паулюс, удаляясь с другими членами экипажа.— У тебя будет хороший гид.

Марко не находил слов, чтобы выразить своё возмущение. Он проводил взглядом космонавтов, потом посмотрел на космического коня и обнаружил на его морде точно такое же тупое выражение, какое было у его игрушечной лошадки. Он резко повернулся к мальчику, но встретил его добрый взгляд и улыбку.

}

ЗАБАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

— Как тебя зовут?

— Маркус.

— Надо же!

— В твою честь, между прочим. Ещё вчера я был Юлиусом. А сегодня мне поручено встретить тебя и составить тебе компанию. Я очень рад этому. Но ещё больше рад подружиться с тобой.

— А я,— заявил Марко,— тоже рад, так рад, что охотно расквасил бы тебе физиономию! Что же это такое делается: сперва берут

тебя в плен, не считая даже нужным объяснить, зачем и куда, а потом оставляют с каким-то малышом из детсада и до свидания! Да я сейчас тут такое устрою! Всё разнесу!

Лицо Маркуса радостно засияло, будто он услышал нечто особенно приятное.

— Я знаю, что тебе нужно!— воскликнул он.— Идём!— и не обращившись, устремился вперёд. Марко ничего не оставалось, как последовать за ним. Впрочем, ему уже было всё равно — идти или стоять на месте.

Они пошли по лётному полю. Вокруг было много народу. И Марко невольно обратил внимание, что все были в пижамах и домашних туфлях,— вообще выглядели так, словно прогуливаются по саду какой-нибудь загородной дачи, наслаждаясь тёплым солнышком.

Первое здание, которое Марко увидел на этой планете — аэровокзал на космодроме,— оказалось длинным и низким строением из самого обычного стекла и кирпича. Вся разница была только в том, что на окнах в цветочных горшках, какие стоят у нас чуть ли не на каждом балконе, вместо герани и других цветов, названия которых никак не упомнить, росли маленькие новогодние ёлочки. Да, да, не просто зелёные ёлочки, а именно новогодние, украшенные сверкающими игрушками и снежинками из ваты, серебряными звёздами и разноцветными лампочками. «Но ведь вчера был день моего рождения, то есть 23 октября!— с изумлением подумал Марко.— Неужели здесь так рано начинают готовиться к Новому году?»

Сразу же за межпланетным аэровокзалом начинался город. Самый обыкновенный город — дома, улицы, площадь. Дома высокие и невысокие, но пожалуй невысоких здесь было больше, и парков, похоже, было больше, чем домов. А вообще-то ничего особенного, если бы — вот опять!— не эти столь ранние приметы Нового года.

Вдоль бульвара, что вёл к центру города, тянулись две нескончаемые шеренги высоченных елей, и они тоже были увешаны серебряными гирляндами, разноцветными лампочками и яркими игрушками, то есть украшены как самые настоящие новогодние ёлки.

— Скажи-ка,— обратился Марко к своему спутнику,— а какой сегодня день?

— Новогодний,— весело ответил тот.

«Какой же я дурак,— подумал Марко.— Должно быть, на этой планете совсем другой календарь, не такой, как на Земле. Там сегодня 24 октября, а здесь, выходит, 1 января.

Маркус тем временем вошёл в здание, которое служило, видимо, складом деревянных лошадок, выбрал лошадку с двухместным седлом и пригласил Марко сесть вместе с ним.

— Ладно, кончай валять дурака! — рассердился потомок древних римлян, у которого и без того были свои счёты с этими лошадками.

— А в чём дело? Это же наши «роботы». Садись и поедем. Они для того и существуют.

— Нечто вроде такси?— съехидничал Марко.— А где же счётчик? Короче, кому платить за проезд?

Маркус с изумлением посмотрел на него.

— А за что ты хочешь платить?— улыбнулся он.—«Роботы» общие. Кому надо, тот и берёт их.

Деревянная лошадка плавно и бесшумно тронулась с места и легко полетела вперёд, мягко покачиваясь в тёплом и ласковом воздухе. Только тут Марко заметил то, что должно было поразить его ещё раньше: в Новый год, зимой, он был на улице в одной пижаме, а у него даже руки не замёрзли! Тут ему пришли на помощь скромные познания в географии. Он вспомнил, что и на Земле есть страны, где в январе жарко, как в Италии летом. И всё же какое-то сомнение у него оставалось, но вскоре другие впечатления заставили его позабыть о нём.

— Смотри-ка, магазины открыты!— опять удивился он.

— Чего же тут странного? Они всегда открыты,— ответил Маркус.

— Да ведь сегодня Новый год! У нас в этот день все отдыхают.

Маркус не ответил.

«Просто какая-то ненормальная планета!— подумал Марко.— Игрушечные лошадки вместо такси, и магазины открыты в Новый год... Сам чёрт не разберёт, что тут делается!»

Дома на бульваре выглядели чистыми и нарядными. И не найти было ни одного балкона, ни одного окна, где не выставлена была бы новогодняя ёлочка, украшенная блестящими игрушками. Городские власти, если конечно это они позаботились о них, немало потрудились. Невозможно было представить себе город, украшенный лучше. Он был красив, как рекламная афиша «Летайте самолётами Италтурист». Однако всё же странно, что повсюду открыты магазины. Впрочем, возможно, что сегодня не первое января, а 31 или даже 27 декабря? Обычно к Новому году готовятся заранее, да и хозяева магазинов заинтересованы в том, чтобы люди сделали побольше покупок.

— Маркус!— позвал Марко.— А какой день был вчера?

— Новогодний,— услышал он в ответ.

«Ну вот, я был прав,— обрадовался Марко,— магазины открыты потому, что не сегодня Новый год... Он был вчера. Впрочем...»

— А какой день будет завтра?

— Новогодний. Я уже сказал тебе.

— Но ведь он был вчера!— возмутился Марко.

— Ну да — вчера, сегодня, завтра... Всегда! У нас все дни новогодние.

— А ну тебя!— вскипел Марко.— Вы только и делаете, что без

конца шутите. Я обещал расквасить тебе физиономию и, очевидно, с удовольствием это сделаю.

— Но мы как раз идём туда. Потерпи немного.

— Куда идём-то?

— Туда, где ты сможешь отвести душу и вволю побушевать.

МОЖНО ЛОМАТЬ ВСЁ, ЧТО УГОДНО!

Марко не знал, что и ответить. Впрочем, они уже пришли. Бульвар вывел их на широкую площадь, окружённую огромными новогодними ёлками, и Марко увидел красивый дворец, на фронтоне которого сверкали большие буквы — «Ломай, что угодно!» На дверях красовалась надпись: «Вход свободный в любое время дня и ночи».

— Тебе повезло,— сказал Маркус.— Дворец открылся после ремонта всего два дня назад, и его только-только начали разрушать. Приехал бы ты неделю назад, нашёл бы здесь одни развалины.

Ребята оставили деревянную лошадку у тротуара, где стояло изрядное количество таких же «роботов», и вошли в здание.

Если послушать Маркуса, так идея построить подобный дворец родилась ещё в прошлом веке. Её предложил известный астроботаник, который был знаменит тем, что, не выходя из дома, замечательно умел описывать флору самых отдалённых планет. Учёный был по совместительству и хорошим семьянином. Как-то он заметил, что его дети всё время стараются что-нибудь сломать или испортить. В доме гибло буквально всё, к чему прикасались их руки. И тогда астроботаник взял да и подарил им вместо обычных игрушек несколько сот самых дешёвых мисок и тарелок.

Детей у него было двое. Чтобы методично перебить эту гору посуды, раскрошить на самые мелкие кусочки — не больше остриженного краешка ногтя, этим разбойникам понадобилось почти пять дней, причём работали они в четыре руки и даже в четыре ноги с восхода и до заката солнца. Но самое главное, что к концу этой операции у них совершенно пропало всякое желание ломать что бы то ни было и уже никогда больше не возникало. Учёный выступил в газете, и ему удалось с цифрами в руках доказать, что благодаря сотне-другой тарелок он получил немалую экономию, если считать по ценам минувших столетий, потому что в доме больше ничего не портилось: ни мебель, ни коллекционный фарфор, ни зеркала, ни стёкла...

«Почему бы,— предлагал учёный,— не применить эту систему шире? Разве только дети испытывают время от времени неукротимое желание что-нибудь сломать? Или мы, взрослые, люди второго сорта и у нас нет права поиграть своими мускулами? Тем более

теперь, когда все на свете вместо нас делают машины — добывают уголь, обрабатывают камень и дерево, разрушают атомы...» И так далее и так далее.

Статья была очень длинной и убедительной. А через две недели вопрос о строительстве дворца «Ломай, что угодно» был уже делом решённым. Построили его очень быстро. Получилось многоэтажное здание, все помещения которого были заполнены различной мебелью, а мебель в свою очередь была битком набита посудой. И всё это — тарелки, стаканы, ковры, столы, стулья, диваны, двери, окна — можно было бить, ломать, рвать, портить.

Дети приходили во дворец в определённые дни в сопровождении учителей, и им разрешалось ломать тут всё, что угодно. Ребята, разумеется, не заставляли себя долго упрашивать. Взрослые иной раз тоже заглядывали сюда, когда у них было очень плохое настроение и становилось вдруг грустно или хотелось с кем-нибудь поссориться. Им, понятное дело, предлагали заняться самой трудной работой — ломать крышу, стены и, если было желание, даже фундамент. Чтобы разрушить его, приходилось трудиться куда больше, чем рабам на строительстве пирамид в Древнем Египте. Но в конце концов, когда они уже совсем выбивались из сил и бросали работу, к ним возвращалось хорошее настроение и по крайней мере лет десять не возникало желания ссориться с кем-нибудь или бросать на пол фарфор во время семейных недоразумений.

Экономисты, вооружившись цифрами, — расчёты сделали электронно-вычислительные машины, — показали, что разрушение дворца «Ломай, что угодно» позволяет сэкономить сумму в сто раз больше той, что затрачена на строительство и на все вещи, какими заполнен дворец, а главное на 28,51 процента улучшает настроение граждан. Так что идея вполне оправдывала себя.

Поняв, о чём идёт речь, Марко тоже захотел, чтобы и к нему вернулось хорошее настроение.

Несмотря на бессонную ночь, он чувствовал себя бодро и с жаром принялся за работу — начал ломать огромный платяной шкаф. Для этого ему понадобились топор, молоток и велосипедный насос — всё может пригодиться, когда хочешь довести до конца хорошее дело.

Рядом в соседних залах дворца под наблюдением родителей и учителей трудилось по крайней мере пятьсот школьников. Они, как могли, старательно уничтожали мебель. Их весёлые голоса и гром молотков эхом разносились по всему зданию.

За пару часов Марко справился не только с платяным шкафом, но и с мебелью для гостиной и с двумя спальными гарнитурами. Из дворца «Ломай, что угодно» он вышел абсолютно спокойным, не испытывая больше ни тени неприязни к Маркусу.

ДВИЖУЩИЕСЯ СКАМЕЙКИ

На улице Марко встретила неожиданная тишина. Раздавались только тихие и приятные звуки. Люди разговаривали очень живо, но не громко, а общественный транспорт, то есть деревянные лошадки, двигались совершенно беззвучно, словно лодки по глади озера. Да и пешеходы вроде бы не шли, а скользили мимо. Оказывается, на многих улицах были устроены движущиеся тротуары. Стоило ступить на бегущую ленту, как на эскалатор метро,— и, пожалуйста, отправляйтесь дальше — от перекрёстка к перекрёстку. Если вам надо было ехать далеко, скажем, в другой конец города, вы могли присесть на скамейку — их было достаточно. Особенно устраивали они людей пожилых, для которых сидение на скамейке даже тут, на этой странной планете, тоже было, очевидно, любимым времяпрепровождением.

«Эх,— невольно вздохнул Марко,— такую движущуюся, и бесплатную к тому же, скамейку да моему бы дедушке! Ведь он целыми днями сидит на одном и том же месте возле дома. Какое счастье было бы для римских пенсионеров, если б они могли целыми днями разъезжать на скамейке по всему городу — от Колизея до Джаниколо, от площади собора Святого Петра до Монте Марио! Окажись такой движущийся тротуар на площади Пантеона, уверен, дедушка переселился бы туда насовсем. Бедный дедушка! Интересно, что он сейчас делает?»

Но тут Марко вспомнил, что именно из-за дедушки и его подарка он затерялся на Млечном пути, а возможно и дальше, ужасно далеко от Тестацчо, от друзей. И гнев, который было утих, вскипел с новой силой.

— Хочу есть,— грубо прервал он объяснения Маркуса.

— Прекрасно! Я тоже. А раз так, идём в кафе.

Они ступили на движущийся тротуар и неслышно поплыли мимо заполненных людьми магазинов. Люди, кстати сказать, все как один были в пижамах. Похоже, что другой одежды тут не носят.

«Конечно, пижама — вещь очень неплохая, и домашние туфли, бесспорно, удобней ботинок. Но выходить в таком виде на улицу, по-моему, совершенно неприлично! Хотя, с другой стороны, это меня не касается — пусть себе ходят в чём хотят, даже в масках. Какое мне дело! Я же не собираюсь жить здесь вечность!»

Марко хотелось критиковать всё, что происходило на этой странной планете. Но это плохо удавалось ему. Он вынужден был признать, что бесплатное такси и движущийся тротуар — придумано совсем неплохо. Да и новогодние ёлки также поднимали настроение. Ко всему прочему было очень тепло, и в воздухе разливался аромат цветов.

«Как весной в прекрасном саду!» — невольно подумал Марко.

А тротуар между тем двигался по улице мимо домов с празднично украшенными витринами.

ВОРУЙ, СКОЛЬКО ХОЧЕШЬ!

И тут Марко заметил ещё одну странность — витрины были без стёкол! Возможно потому, что здесь такой хороший климат. Но разве это не опасно, разве это не способствует воровству? И словно подтверждая его опасения, какой-то синьор, когда они проезжали мимо витрины фруктовой лавки, протянул руку, схватил большую гроздь винограда и преспокойно принялся есть, кладя в рот виноградинку за виноградинкой. И никто вокруг словно ничего не заметил.

А потом другой вполне уважаемый старичок встал со скамейки и подошёл к краю тротуара, как бы собираясь сойти с него. Но сходить он не стал, а принялся что-то высматривать впереди, будто ожидая чего-то. Когда же тротуар подвёз его к газетному киоску, он ловко стащил толстый иллюстрированный еженедельник, взглянул на номер, убедился, что это именно тот, что ему нужен, снова удобно уселся на скамейку и начал спокойно листать его.

«Вот это да! — подумал Марко, снова вскипев. — И номер проверил, не слишком ли старый журнал. Неужели я попал в страну воров? Маркус тоже всё видел, но ничего не сказал...»

Однако прежде, чем они подъехали к кафе, случилась ещё более странная история. Старичок — тот самый, что украл журнал — снова поднялся (бывают же такие беспокойные люди!), подошёл к Маркусу и, вежливо улыбаясь, попросил его о небольшой любезности.

— Молодой человек, — сказал он, — для вас это не составит труда... Мне нужна сигара, но боюсь, что не смогу взять её, не сходя

с тротуара. Не добудете ли вы мне сигару в ближайшей лавке? Там на витрине прекрасные сигары. Я видел, когда проезжал тут вчера.

— С удовольствием! — ответил Маркус.

И никто даже не улыбнулся.

— Только, пожалуйста, выберите не слишком тёмную и не очень светлую, — посоветовал старичок, который ел виноград.

— Постараюсь, — ответил Маркус. — Хорошо, что предупредили, я в сигарах плохо разбираюсь.

Говоря так, Маркус обернулся, потому что табачная лавка была уже совсем рядом, наклонился и подхватил сразу две сигары.

— О, вы очень любезны! — воскликнул старичок.

— Из двух можно выбрать, — объяснил Маркус.

— Конечно, конечно, благодарю вас! — поклонился старичок.

Он взял сигару получше, другую засунул в карман и вернулся к скамейке, где, очевидно, чтобы сохранить место, оставил украденный журнал.

Марко так и обмер. Вот ведь какая штука — он очутился в воровской компании! Нет, лучше всего молчать — делать вид, будто ничего не замечаешь.

«Высказаться, — решил он, — я всегда успею».

Вскоре они сошли с движущегося тротуара и направились в кафе.

Поначалу Марко не заметил ничего необычного — ничто не отличало кафе от рядовой римской трагтории: даже вазы с цветами стояли на покрытых белыми скатертями столах. И реклама, как и всюду, настойчиво приглашала посетителей отведать фирменное блюдо.

СЛОВО «ПЛАТИТЬ»

«Сегодня триштекс на коротких шампурах!»

«Попробуйте нотку «до» из горла индюка!»

«Жареные краники — холодные и горячие!»

По мнению Марко, все это не слишком-то пробуждало аппетит. Но оказалось, тут есть вещи и пострашнее. Он убедился в этом, когда заглянул в меню. Это была толстая и тяжёлая, как телефонный справочник, книга. На каждой странице перечислялось не менее трёхсот блюд. Всего в книге было по меньшей мере 300 000 различных кулинарных рецептов. А в конце книги были чистые листы, и посетителей кафе просили вписывать туда рецепты собственного сочинения.

«Возьмите два бутылочных горлышка, — предложил некто, подписавшийся Пиппус, — одно тотчас же выкиньте, а другое отправьте на гри дню в карцер и каждые три часа добавляйте полкило хорошо приготовленных стружек, рожки улитки, отварные вилки, бисквит,

трисквит и динамитные шашки. Всё это можете приправить по вкусу толчёным мелом, горной галькой или гвоздями. На гарнир рекомендуются мелконарезанные шины трёхколёсного велосипеда. Блюдо приобретет особую пикантность, если перед подачей на стол полить его зелёными чернилами для авторучек».

Марко подумал, что самое пикантное было бы, если б повар догадался выбросить блюдо в мусорный бак, но промолчал, чтобы не выглядеть провинциалом, который впервые попал в город и всему удивляется.

Он продолжал листать меню, останавливаясь на самых необычных кушаньях: «Ножки поросёнка с лампочками в соусе из лестничных перил», «Ножки хромоногого столика», «Оцинкованное листовое железо по-цыгански», «Суп из фаршированных кирпичей».

— Чем же они фаршированы?— спросил Марко у своего улыбающегося спутника.— Я бы не хотел, чтобы внутри оказалась скорлупа от каштанов или радиодетали. Я их вовсе не люблю.

— Напрасно. Фаршированные кирпичи — очень вкусное блюдо,— сказал Маркус.— Я прекрасно понимаю, что наше меню не вызывает у тебя восторга. Но мы привыкли есть всё — железо, уголь, цемент, стекло, дерево, а также гвозди, щипцы, легко усваивается даже телефонный кабель. Всё съедобно на нашей планете.

— Как же остаются невредимыми ваши города? Ведь можно съесть, наверное, и дома со всеми дверями и окнами?

— Конечно, можно, но они нужны нам, чтобы жить в них, спать, слушать музыку, читать книги, принимать друзей. Ну как, у тебя прибавилось аппетита после знакомства с этим меню?

— Пожалуй. Дело в том, что недавно мама водила меня к врачу. Тот нашёл, что я слишком тощий, и назначил мне железо. Пришлось пить какой-то препротивный сироп. Так что я воспользуюсь случаем и закажу себе хороший железный бифштекс.

К столу подошёл официант в белой куртке. Это был робот с шестью парами рук, и на каждой висела салфетка. Всего, следовательно, их было двенадцать. Робот внимательно выслушал заказ и убежал, но почти тотчас вернулся со множеством тарелок.

Железный бифштекс на шампуре оказался необыкновенно нежным и ароматным. Марко уничтожил его в несколько секунд.

— Тебе надо было заказать четвероштекс,— пошутил Маркус, который с удовольствием пил кофе с молоком и персиковым джемом (точнее с жестяной банкой, в которой когда-то был персиковый джем).

Марко захотел попробовать также суп с кирпичами и обнаружил, что он заправлен пастой для шариковых ручек и пеплом от папирос.

На третье робот предложил фруктовый коктейль. Марко почувствовал запах апельсинового сока, но Маркус объяснил, что это всего-навсего смесь дождевой воды и старого машинного масла для смазки

автомобилей, которое хранят в специальных деревянных сосудах, выдолбленных из железнодорожных шпал.

Закончив ужин, мальчики встали и направились к выходу.

— А кто заплатит по счёту?— поинтересовался Марко уже в дверях.

— Заплатит? — переспросил Маркус.— Опять? Ты же знаешь — у нас это слово не употребляется.

— О да, я обнаружил это, когда ты стащил сигары для старичка!— ехидно заметил наш яснианин.— А теперь будешь уверять, что можно прийти в кафе, вкусно поесть, вытереть рот салфеткой, и робот...

— Благодарю вас! "Приходите ещё!"— как раз в этот момент с низжайшим поклоном произнёс робот.

— Придём, когда будем поблизости,— вежливо пообещал Маркус, пожимая одну за другой все двенадцать его рук.

— Не забывайте меня,— попросил робот.— А то я скучаю без работы. Видите, в кафе почти пусто.

— Мы обязательно придём сегодня вечером,— пообещал Маркус, видимо, чтобы успокоить его.

МЯТНАЯ ГРОЗА

На этот раз ребята не воспользовались движущимся тротуаром, а решили пройтись немного по тихим безлюдным улочкам. Однако и здесь дома были празднично украшены сотнями больших и маленьких новогодних ёлок. Они росли даже на крышах. И Марко стало казаться, что он пробирается под ветвями одной огромной новогодней ёлки. Он то и дело задевал что-нибудь головой — серебряный колокольчик, звёздочку или ещё какую-нибудь милую безделушку, всё назначение которой только в том, чтобы внести в дом веселье.

— Городские власти, должно быть, потратили уйму денег на все эти украшения!— заметил Марко.

— Ни одной копейки,— ответил Маркус.— Хотя бы потому, что у нас давно отменены деньги. А украшения растут сами по себе. Разве не видно?

Марко внимательно посмотрел на ближайшую ёлку и убедился, что лампочки, колокольчики, шарики и все прочие игрушки действительно росли на ветвях, как плоды,— каждый на своём черенке.

— И расцветают под Новый год?— спросил Марко.

— Нет, они цветут круглый год. У нас ведь каждый день новогодний, я уже тебе говорил.

— В таком случае вашу планету можно назвать Планетой Новогодних Ёлок,— решил Марко. И с удивлением подумал, что завидует Маркусу. Ведь на старой-престарой Земле таких деревьев,

насколько помнит человечество, никогда не росло, кирпичи есть нельзя, а если хочешь посидеть в субботу вечером в траттории и поесть принесённую с собой в узелке еду, нужно заплатить за бумагу, которую официант постелит на стол.

«Интересно, в какой стороне наша Земля? Внизу? Или наверху?»

Воздух оставался всё таким же тёплым и благоуханным — лёгкий ветерок приносил запахи самых разных цветов.

— Да, вам тут хорошо,— вздохнул Марко.— Не только круглый год новогодние праздники. Но, похоже, и весна никогда не кончается.

Маркус наклонился, собрал пальцем немного пыли и предложил гостю понюхать. Пыль пахла ландышами.

— Да это же пудра!— удивился Марко.

Он посмотрел наверх и увидел, как большая розовая туча, закрыв солнце, быстро затянула полнеба.

— Однако,— не без удовольствия заметил Марко,— я вижу, что и в этой стране избылиа случаются грозы?

Гроза действительно началась. Только вместо дождя с неба посыпались миллионы разноцветных конфетти. Ветер подхватывал их, кружил, разносил во все стороны. Создавалось полное впечатление, что нагрелась зима и занялась снежная пурга. Однако воздух оставался по-прежнему тёплым, напоённым разными ароматами — пахло мятой, анисом, мандаринами и ещё чем-то незнакомым, но очень приятным.

— Но откуда столько запахов сразу?— удивился Марко.

— Об этом заботятся машины,— пояснил Маркус,— которые приводят в движение воздух и формируют тучи и облака. Если хочешь, я отвезу тебя как-нибудь в Центр Прекрасной Погоды.

Маленькие разноцветные кружочки легко, будто снежинки, опускались на голову и одежду. Поймав на ладонь несколько конфетти, Маркус отправил их в рот, и Марко, вспомнив, что в этой стране всё съедобно, последовал его примеру. Это были самые настоящие мятные конфеты. А потом он обнаружил, что стоило открыть рот, как конфеты сами влетали в него, словно птички в гнездо, и сразу же с приятнейшим вкусом таяли на языке.

Вскоре туча развеялась и снова выглянуло солнышко. Над землёй лёгкой позёмкой продолжали кружиться конфетти. Словно снежком припорошили они новогодние ёлки. Птицы садились на ветви и с весёлым щебетом клевали небесные конфеты.

Картина была уж слишком слащавой, с точки зрения Марко, просто приторной.

— Прямо какая-то кукольная страна!— не удержался он.

А про себя решил при первой же возможности снова вернуться во дворец, где можно ломать что угодно, и отвести душу, расправившись с несколькими шкафами.

«УДАЧИ ВСЕМ, КТО ПРОЧИТАЛ!»

Ребята вышли на небольшую площадь, окружённую высокими, очень белыми стенами. Очень белыми — это, конечно, сказано условно, потому что каждая стена снизу доверху была разрисована всякими каракулями и покрыта разными надписями, сделанными цветными мелками. Какой-то старичок что-то выводил на стене зелёным мелком: несколько любопытных стояли рядом и временами что-то ему подсказывали. Чуть поодаль что-то старательно писала какая-то девушка. Видимо, она сочиняла письмо, потому что издали можно было прочитать огромное слово: «Дорогой...»

Мальчики подошли к старичку и прочитали надпись, которую он сделал:

Ни в коем случае нельзя
На всё чихать, мои друзья!
Кто этого, увы, не знал,
Тот очень много потерял.
Удачи всем, кто прочитал!

— Он пишет объявление, — объяснил Маркус. — У нас любой может писать всё, что ему вздумается. Прежде в городах повсюду торчали грозные таблички: запрещается то, не разрешается это... А теперь запрещать нечего, потому что люди давно не делают ничего плохого или недозволенного. И всё потому, что ничего не запрещается. Нашим гражданам не остаётся ничего другого, как развлекаться, придумывая всякие забавные тексты. Именно для этого и поставлена здесь подобная «доска объявлений». Когда на ней не остаётся свободного места, её закрашивают белой краской.

Рядом раздались аплодисменты. Люди пожимали старичку руку, поздравляли с удачной выдумкой. Вторая надпись, которую он сделал, обещала:

Большую награду получит опять
Тот, кто отгадает,
Сколько будет кот плюс пять.

Юмор Марко не понравился, и он подошёл к девушке, которая писала голубым мелом.

«Дорогой прохожий, — прочитал Марко, — если тебе грустно, подумай обо мне, потому что сегодня я влюбилась в доктора Филибертуса и моё счастье сделает счастливым и тебя. Мелания, преподаватель химии и математики».

«Если такое пишет на стенах учительница, — усмехнулся Марко, — что же тогда творят её ученики?»

Он прошёл вдоль стены и прочитал немало любопытных объявлений. Некоторые так понравились ему, что он даже записал их:

Объявляем всем, всем, всем!
Отныне запрещено сердиться!
Нарушителям завтра в суд явиться.

Внимание! Взрослые и дети,
Отныне разрешается всё на свете:
Рвать цветы и бегать по газонам...
Конец запрещённым зонам!
Просим полицейских, пап и мам
Помогать озорничать малышам.

Слушайте все! Слушайте все!
В десять часов каждое утро
По радио вместо зарядки
Передаются шутки, ребятки!
Рекомендуем не опаздывать.

В нашем городе ложиться без ужина
Строго запрещено.

Друг-шофёр и друг-пешеход!
Когда дети играют в мяч,
Прекрати движение и не маячи!

Взрослые! Бывшие дети-проказники!
Просим ходить на голове
Каждые праздники!

Бабушки и дедушки!
Бросьте вязание, бросьте трубки!
Спешите на курсы сказочников!
Завтра начнутся занятия,
Приглашаем всех без изъятия.

Кто хочет сказать неправду, солгите сегодня,
Потому что завтра повсеместно
Запрещается ложь.

На нашей планете строго запрещается воевать
В небе, на земле и на море...
Довольно горя!
Тот, кто нарушит этот закон,
Будет за уши выброшен вон,
Прочь с нашей планеты!

А потом Марко, не долго думая, поднял с земли чёрный брусочек и написал: «Правителям этой планеты: вы придумали немало замечательных вещей, молодцы! Но когда вы отправите меня, наконец, обратно домой? Марко.»

Тотчас за его спиной раздался громкий хохот, и люди, что стояли возле старичка, поспешили к Марко узнать, в чём дело.

— Почему они смеются?— спросил Марко.

— Из-за твоей ошибки,— сочувственно вздохнул Маркус.— Ты поставил после подписи запятую.

ТРИУМФ ЭТЕЛЬРЕДУСА

Покинув площадь, ребята оказались на перекрёстке, где собралась большая, шумная толпа, в центре которой расположились музыканты с инструментами, висевшими у них на шее. Оркестранты перебрасывались репликами и, видимо, ожидали знака дирижёра. Марко заметил, что они мало интересовали собравшихся. Всё внимание было обращено к стеклянной урне, в которую люди по очереди опускали какие-то бумажки.

— Я понял!— воскликнул Марко.— Это голосование!

Маркус улыбнулся, но промолчал. В это время к урне подвели маленького мальчика с завязанными глазами, он вынул из неё бумажку и передал своим провожатым. Все притихли, и тут же отчётливо прозвучали слова:

— Этельредус Аррейфедус Провалляйтус!

Толпа закричала: «Ура!» Оркестр грянул весёлый марш, и какой-то высокий, раскрасневшийся от радости человек вышел вперёд и начал пожимать всем руки. Робот-рабочий достал из мешка длинную мраморную доску, что-то быстро написал на ней и укрепил на стене дома. «Улица Этельредуса Аррейфедуса Провалляйтуса»,— прочитал Марко.

Старичок, стоящий рядом с Марко, даже не пытался скрыть своего огорчения.

— Вот уже два месяца,— сетовал он,— как я участвую в этом конкурсе и никак не могу выиграть! Наверное, мне лучше вернуться в переулок № 45. Там моё имя не называли уже 104 недели, должны же вытащить в конце концов.

Так Марко узнал, что на Планете Новогодних Ёлок названия улиц, переулков и площадей разыгрываются среди горожан. Игра происходит каждую неделю, чтобы больше народу могло принять в ней участие.

Разумеется, если человек не хотел, он мог не участвовать в этой затее. А те, которые участвовали, делали это скорее ради забавы, чем из тщеславия.

«На Земле,— подумал Марко,— такие азартные люди непременно стали бы играть в лотерею или спортлото. И при этом могли по крайней мере надеяться выиграть какую-нибудь кругленькую сумму».

НАПРАСНЫЙ УДАР

Он попытался объяснить это различие Маркусу, но смутился и не сумел.

— Кругленькую сумму?— переспросил Маркус.— А что это такое? Что с ней делают?

— О господи! — рассмеялся Марко.— Как трудно говорить с таким дуралеем!

И чтобы отвести душу, он изо всех сил пнул ногой банку, что валялась на дороге. Но удар не принёс ему никакой радости, потому что банка была резиновой. Оказывается, по приказу городских властей роботы специально разбрасывали такие банки по улицам, чтобы ребята, которые по пути в школу или домой всегда играют в футбол, не отбивали себе ноги и не рвали обувь.

Между тем уже стемнело, и новогодние ёлки вспыхнули вдруг яркими, весёлыми огоньками. Город засверкал тысячами разноцветных лампочек, нарядно и празднично, как бывает только под Новый год.

— И ночью витрины тоже не закрываются?— любознательствовал Марко.

— Конечно, зачем их закрывать? А вдруг тебе понадобится пара ботинок, пишущая машинка или, допустим, холодильник?

«Если тут запросто воруют днём, представляю, что творится ночью»,— подумал Марко, но промолчал. Он очень устал, ужасно хотел спать и совсем не был настроен обсуждать подобные вопросы. Дедушка, деревянная лошадка, космическое путешествие, удивительные особенности этой странной Планеты Новогодних Ёлок — от всего, что увидел и узнал за этот день, голова кружилась, как на чересчур быстрой карусели. Он покорно ступил следом за Маркусом на движущийся тротуар, присел на скамейку и заснул прежде, чем успел закрыть глаза.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Марко проснулся от оглушительного лая и обнаружил, что лежит на кровати, в большой освещённой комнате. И Маркуса рядом нет.

— Опять, наверное, пересобаки!— вздохнул он.— Но где я?

Его старая голубая пижамка висела на спинке стула, а он был одет в новую, зелёную. Выходит, кто-то принёс его сюда, в эту комнату, переодел и уложил в постель, а он даже не заметил всего этого. Прежде он никогда не удивлялся, если, открыв глаза, оказывался в своей залитой солнцем комнате на пятом этаже самого обычного дома в Тестаччо, хотя ещё минуту назад — во всяком случае так ему всегда казалось — играл с дедушкой на кухне в домино.

Постель оказалась мягкой и удобной, а в комнате было очень чисто и красиво. На тумбочке у кровати стоял телефон. Марко погладил трубку. Жаль, что он не знает ни одного местного номера и не может никому позвонить.

Над головой раздался сильный топот. Очевидно, пересобаки опустили на крышу дома. Их чудовищный лай становился всё громче.

Поспать бы ещё немного, но, видно, не удастся. Во всяком случае до тех пор, пока длится нашествие.

«Интересно, кто не позволяет покончить с этими собаками?» — подумал Марко, надевая свои домашние тапочки.

Он открыл дверь и оказался в другой, точно такой же комнате. Постель была не убрана. Наверное, тут спал Маркус. Но где же он?

— Маркус! — позвал Марко, выйдя в коридор. Других комнат на этом этаже он не обнаружил, а деревянная лестница привела его вниз, в гостиную, которая, похоже, занимала весь первый этаж.

— Маркус! — снова позвал он. Но никто не ответил.

РОБОТ ВЯЖЕТ НА СПИЦАХ?

Марко побродил по гостиной, взял из вазы большое красивое яблоко и принялся есть.

Ещё раз оглядев комнату, он увидел на стене большой белый экран, а сбоку чёрную кнопку, очевидно, для включения. Марко нажал на неё. Экран сразу же засветился, и на нём появилось изображение пересобак — они стаями носились над городом.

— Уже улетают, — услышал Марко за спиной чей-то голос. Он быстро обернулся. Перед ним стоял робот в жёлтом халате. Глаза его ярко фосфоресцировали, а руки были заняты делом, которое, если бы речь шла о бабушке, Марко определил бы как вязание на спицах.

— Вяжу себе шапку-ушанку, своего рода шлём, — объяснил робот, заметив, что Марко с удивлением смотрит на его руки. — И при следующем нашествии пересобак не буду страдать от этого ужасного лая. Правда, я надеюсь, что этот визит последний.

— Тогда зачем же вяжешь?

— Не могу сидеть без дела! Я робот-домохозяйка, а здесь у меня очень мало работы. К тому же мне нравится вязать. А вы яснианин? Во всяком случае так мне сказал ваш друг. Вы так крепко спали, когда приехали сюда, что пришлось раздеть вас и уложить в постель.

— А где Маркус?

— Не знаю. Он ушёл. Сказал, что вряд ли вернётся. Велел приготовить вам завтрак.

«Ничего себе! — подумал Марко. — Сначала какой-то мальчишка, теперь робот. Перекидывают меня от одного к другому, словно мячик!»

Робот был явно доволен, что может поболтать, но руки его ни на минуту не оставляли спицы в покое.

— Это дом Маркуса? — спросил Марко.

— О нет! Это мой дом. В каком-то смысле. У меня ещё дюжина таких же. Люди приходят сюда на какое-то время, как в гостиницу. Спят, отдыхают, встречаются с друзьями, музицируют, а потом уходят,

и только я живу здесь постоянно. Я должен обслуживать их. Выходит, я почти что вправе считать этот дом своим, не так ли?

— Атака пересобак,— произнёс голос с экрана,— окончена! Продолжаем наши передачи. Смотрите концерт для крышек с горшками.

Марко нажал на кнопку, и в комнате стало тихо. Но робот вскоре нарушил молчание.

— Вам надо бы вернуться в постель,— сказал он.— Вы, похоже, привыкли спать только ночью. А у нас, знаете ли, каждый спит, когда вздумается, и бодрствует, когда хочет.

— А когда же люди работают?

— Тоже когда хотят,— с готовностью объяснил робот.— Труд так же добровольен, как отдых. Разумеется, это не относится к нам, роботам. Мы ведь смонтированы именно для этого — для работы. И мы трудимся день и ночь. Но труд доставляет нам радость — ведь в нём смысл нашего существования. А люди, напротив, распоряжаются своим временем как им заблагорассудится.

— Но чем же они зарабатывают себе на хлеб?

— А зачем это делать?— удивился робот.— Все наши кафе открыты круглосуточно.

— А кто готовит еду?

— Машины. Всё делают машины. Они такие умницы, что за ними даже присматривать не надо. Всё умеют делать — строят дома, шьют обувь, собирают телевизоры, моют посуду. И даже могут поспорить с нами, роботами...

Марко зевнул.

— Послушайте меня,— продолжал робот.— Ложитесь поспите ещё немного. А если не сможете сразу уснуть, наберите номер 17, и вам расскажут замечательную сказку.

ОТВЕЧАЕТ № 17

Марко уже расхотелось спать, но любопытства ради он поднялся в свою комнату, снял телефонную трубку и набрал номер 17.

«Жил-был однажды Безногий Принц,— услышал он чей-то голос.— Его мать Королева совсем потеряла голову и перерыла все шкафы и комоды, надеясь найти её, но так и не находила себе покоя. А Король, напротив, был в прекрасном расположении духа, потому что у него голова оставалась на месте. Зато не было ничего другого — после головы, сидящей на короткой шее, не было ни куртки, ни панталон. Главный Придворный был человеком довольно мрачным, ведь на его лице не было ничего, кроме носа, а от туловища сохранился лишь жилет...»

— Очень возможно,— проворчал Марко, кладя трубку.— Но какое

мне до этого всего дело? А это, интересно, что такое?— Марко открыл лежащий рядом с телефоном большой альбом. На первой странице его были нарисованы какие-то планеты, звёзды и весёлые ребячьи лица.

— Это старинный календарь Планеты Новогодних Ёлок!— услышал он голос робота, появившегося в дверях.— Весьма любопытный, между прочим. Наша планета меньше Земли, поэтому и календарь у нас короче. Кроме того, он «добровольный». Это значит, кто хочет, пользуется им, а кто не хочет, может обойтись и без него. Год у нас длится только шесть месяцев. В каждом месяце не больше пятнадцати дней. И каждый день, как вы уже знаете, новогодний. Неделя состоит всего из трёх дней — суббота и два воскресенья. Некоторые субботы упрощены, то есть до 12 часов дня это суббота, а после 12 часов уже воскресенье. И часы здесь не совсем такие, как у вас. Семь утра, например, на нашей планете наступает намного позднее — около десяти. Таким образом, никому не приходится вставать слишком рано. А теперь посмотрим месяцы.

АПРЕЛЬ

Описание Это первый месяц года, если начинать с начала, и последний, если идти с конца. В этом месяце каждый день — новогодний и каждый — воскресенье. Все пятнадцать дней месяца имеют свои названия. В школах, чтобы помочь ребятам различать их, учат такой стишок:

Один Альфа — другой Бета,
Один здесь — другой где-то;

Один был — другой здесь,
Один вниз — другой вышел весь;

Один идёт — другой стоит,
Один ползёт — другой висит;

Один — бутерброд с ветчиной,
Другой — совершенно иной;
А последний оказался в передней.

Памятные даты Один идёт. Годовщина рождения Квинтуса Силениуса, изобретателя машины для изготовления бумажных корабликов.

Один — бутерброд с ветчиной. Годовщина рождения Квинтуса Силениуса (другого, не того, что раньше), изобретателя «луча тишины», который помогает уменьшить звук слишком громкого телевизора.

Другой — совершенно иной. Годовщина рождения ещё одного Квинтуса Силениуса. Но — совершенно другого.

Гороскоп Тут я должен сделать небольшое пояснение, потому что вы, на Земле, возможно, и не знаете, что это такое. Гороскоп — это таблица расположения небесных светил в момент рождения человека. Древние учёные-астрологи пытались с помощью таких таблиц предсказывать судьбу человека. Так вот, гороскоп в апреле говорит о том, что у людей, родившихся в этом месяце, всегда будет хорошее настроение, за исключением тех случаев, когда у них будут болеть зубы. Если они не будут бегать по лужам, ноги у них всегда останутся сухими. А шляпу они всегда будут надевать только на голову. Или на вешалку.

Почётное звание Кавалер ордена Уздечки Деревянной Лошадки.

СВЕРХАПРЕЛЬ

Описание Этот месяц своего рода повторение предыдущего, но только все дни его чётные: Второй, Четвёртый, Шестой, Восьмой, Десятый и т. д., вплоть до пятнадцатого дня, который называется Тридцатый. Очень любопытен Двадцать Четвёртый день, потому что он длится с раннего утра до полуночи.

Памятные даты 8 сверхапреля. Годовщина рождения Квинтуса Силениуса (ещё одного, разумеется), изобретателя дырок в сыре, машины для резания бульона и прибора, с помощью которого дождь направляется вверх, а не идёт вниз.

22 сверхапреля. День открытий. Вся планета открывается заново. Все входы и выходы перекрываются ленточками, и каждый, у кого под руками оказываются ножницы, перерезает их. И кто угодно может произносить речи. Если же речь окажется скучной, виновника принуждают молчать до конца года.

28 сверхапреля. Годовщина битвы Лёгких Пушинок, при которой генерал Сильвиус победил генералиссимуса Мильвиуса в памятном сражении в шашки, длившемся семь часов и сорок бутылок газированной воды.

Гороскоп Рождённые в этом месяце, по мнению волшебников и астрологов, очень уважаемые люди, они вдвое вежливее и вдвое веселее, кроме тех случаев, когда болеют корью. У каждого будет по две руки, две ноги, два глаза, два уха и по одному уму. Этого вполне достаточно, если умело всем пользоваться, чтобы никогда не сидеть без дела.

Почётное звание Двойной кавалер ордена Уздечки Деревянной Лошадки с золотыми шпорами.

МАЙ

Описание В этом месяце дни пронумерованы от 1 до 15, кроме того, каждый день — Первое мая. Часы всегда показывают 19 часов, таким образом люди с утра до вечера могут наслаждаться зрелищем прекрасных закатов. Учёные уже давно изучают способы продлить этот месяц на неделю, но до сих пор им не удалось.

Памятные даты В этом месяце отмечаются:

3 мая. Годовщина рождения Квинтуса Силениуса (ещё одного, непохожего на всех других), который к четырём основным действиям арифметики (сложение, вычитание, умножение, деление) прибавил многие другие, в том числе — разделение, приложение, преувеличение и отделение, в чём сразу же отличились самые рассеянные ученики.

6 мая. Начинаются велосипедные гонки по планете. Первый этап — на велосипедах, второй — в мешках, третий — на одной ноге и т.п. Все участники приходят первыми, надевают жёлтую майку и выступают по телевизору.

10 мая. Годовщина смерти — вследствие болезни — последней пушки.

Гороскоп Люди, родившиеся в этом месяце, если отправятся в путь, совершат большое путешествие. Встав на скамеечку, будут казаться выше (хотя знаменитый изобретатель Силениус утверждает, что скамеечка может опрокинуться).

Почётные звания Сиятельный червь неспелого яблока и имперский чемпион по фигурному катанию на одном коньке.

СВЕРХМАЙ

Описание Этот месяц противоположен предыдущему. И в самом деле, он начинается с 15 числа и кончается первым. И часы идут назад, но при этом никто не испытывает никаких неудобств.

Памятные даты 15 сверхмая. Годовщина рождения поэта Фантазиуса, изобретателя восьмиколёсного велосипеда (с восемью педалями, для пауков-осьминогов), а также сочинителя озорных стихов и стихов, написанных по ошибке.

7 сверхмая. Годовщина рождения писателя Прекрасносказочного, по прозвищу Краткий, потому что его рассказы занимают всего одну строку. Вот один из них: «Ночь спускалась очень торопливо. Спустилась и упала». Осталось только назвать дату его рождения, но её изучают в школах.

3 сверхмая. Межпланетный чемпионат любителей мороженого.

Гороскоп Прежде считали, что люди, родившиеся в этом месяце, станут великими с детства и останутся детьми, будучи великими. А потом обнаружилось, что так не бывает почти никогда. Рождённые в сверхмае всегда говорят правду, кроме тех случаев, когда лгут.

Они любят живопись, физику и фисгармонию. Впрочем, это не доказано. И возможно, обожают ещё что-нибудь, но это не имеет никакого значения. Важно, что они вовремя замечают, что мир прекрасен.

Почётные звания Кавалер ордена Запеканки из Макарон или же Придворный Офицер Взбитых Сливок.

июнь

Описание Издавна любой день этого месяца обозначался шестью цифрами, что очень удобно для игры в лото. Теперь ни у кого нет необходимости в выигрыше, потому что всё, что прежде продавалось за деньги, можно получить и без них. Старинные названия дней, однако, сохранились, и дети в них путаются. К счастью, учителя тоже не слишком хорошо знают их и не замечают ошибок.

Памятные даты 40—50—87 июня. Годовщина рождения архитектора Изысканиуса, изобретателя горизонтальных небоскрёбов.

7—47—70 июня. День Рифмы. Жителям планеты разрешается говорить только в рифму. Нередко рождаются сносные стихи.

Гороскоп Люди, родившиеся в июне, очень настойчивы. Но они не превысят метра, пока не дорастут до ста сантиметров.

Почётные звания Заслуженный пешеход с нашивками первой степени.

дубль-июнь

Описание Этот месяц — близнец предыдущего: если месяц хорош, зачем его менять, не так ли? Все дни месяца носят число 5. Это хорошее предзнаменование для школьников, у которых в середине месяца экзамены.

Памятные даты Третий пятый день. Годовщина рождения Квинтуса Силениуса (ещё одного, совсем другого, вы правильно угадали), учёного, занимавшегося разведением комет и падающих звёзд.

Пятнадцатый пятый день. Последний день года. Когда люди особенно довольны жизнью, они находят, что нет смысла менять календарь, и тогда год начинается сначала. Например, вспоминают, что 2567 был повторен пятнадцать раз подряд. Это был год, когда скончалась в тюрьме последняя атомная бомба.

В этот день главе Правительства-Которого-Нет обычно положено выступать с речью по телевидению, но почти никогда не удавалось отыскать его. С речью выступает какой-нибудь швейцар, или электрик, а может, и водопроводчик, и всё равно — прекрасно. Однажды речь произнёс грудной ребёнок. Он сказал: «Агу, агу!» Но всё равно было понятно, что он желает всем счастья!

Гороскоп Родившиеся в этом месяце будут любить пирожные, пирожки, пироги, пиршества, пирамиды и пиротехнику и, наверное, станут пиратами.

Почётные звания Сверхдегустатор Арбузов и Великий Трёхколёсный Велосипед.

— Забавный календарь!— посмеялся Марко, когда робот закончил чтение.— Но мне, пожалуй, пора.

— Вы вернётесь сюда спать?— спросил робот, провожая его к выходу.

— Не знаю.

— Если вернётесь, ваша комната будет ждать вас. Впрочем, у нас повсюду можно найти сколько угодно свободных комнат. Марко промолчал.

ОПАСНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

— Я бы предпочёл иметь какой-нибудь определённый адрес,— сказал он.— У вас люди запросто меняют имена, бесследно исчезают куда-то, и вообще происходят всякие другие странные вещи... Очень возможно, и я могу потеряться. Стану, например, человечком из ничего, с головой из ничего и так далее.

Робот вручил ему листок бумаги с адресом дома — улица Ясная, 57451.

— Улица Ясная?— удивился Марко.

— В вашу честь, разумеется. Новую табличку с названием улицы повесили через десять минут после вашего прибытия на планету. Марко вышел из дома.

Ночью город оставался таким же оживлённым, как днём, а воздух по-прежнему был тёплым и благоуханным. О шуме городского транспорта говорить и не приходилось — на улицах было ещё тише, чем днём. И тут Марко вдруг почувствовал себя совершенно затерянным на этой странной планете, среди этих безмянных людей, на улицах и площадях со случайными, непостоянными названиями. Ему стало очень тоскливо при мысли, что даже Маркус, который так хорошо знакомил его с городом, бросил его на произвол судьбы.

— Что же делать? Куда идти? И вообще, зачем меня держат здесь? Зачем привезли, если даже ни о чём не спрашивают и не сторожат, как пленника?

Он охотно обратился бы к кому-нибудь, чтобы получить ответы на эти вопросы, но к кому? Он ни разу не видел полицейского или регулировщика уличного движения, не встречал людей хоть в какой-нибудь форме, по которой можно было бы догадаться, что они имеют отношение к властям. Конечно, он мог остановить любого прохожего, напри-

мер вот этого, в сиреневой полосатой пижаме, что стоит на движущемся тротуаре, и попросить: «Объясните, пожалуйста, что со мной происходит?» Но человек этот, наверное, рассмеётся и скажет, что он напрасно волнуется. И, возможно, попросит украсть для него сигару».

Эта мысль показалась Марко забавной.

«Что, если я тоже попробую украсть что-нибудь? Просто из любопытства. Интересно же, что из этого выйдет!»

Марко некоторое время осваивался с этой мыслью. Но всё равно, когда он протянул руку, чтобы взять в газетном киоске газету, сердце его бешено колотилось, а рука, тяжёлая как свинец, не повиновалась ему — схватив газету, он тут же выронил её.

— Возьмите, пожалуйста...

Какая-то синьора, проходившая мимо, подняла украденную газету и с улыбкой протянула Марко.

— Нет,— растерялся он,— нет... Это не моя!

— Ну, что вы!— настаивала синьора,— Я же прекрасно видела, как вы уронили газету.

— Я...— Марко почувствовал, как краска стыда заливает его лицо.— Видите ли... Вы ошибаетесь, синьора...

Облившись холодным потом, Марко соскочил с тротуара и влетел в первый же попавшийся магазин.

— Добрый день!— вежливо, с поклоном приветствовал его робот.— Что вам угодно?

— Видите ли...

Марко осмотрелся. Это оказался магазин головных уборов.

— Я ошибся,— пробормотал он,— я думал, тут продают игрушки.

— Мне очень жаль, синьор,— сказал робот с нескрываемым огорчением,— но у нас продаются только шляпы. Выберите себе шляпу. Это очень удобно, когда нужно издали поприветствовать друзей. Посмотрите, вот соломенная шляпа с зеркалом обратного вида и встроенным радиоприёмником. Или, может быть, вам больше нравится вот эта с маленьким роботом-массажистом, который чешет вам затылок, когда у вас в голове появляются мысли?

МАГАЗИН ИГРУШЕК

Марко совсем растерялся и поспешил к выходу. Но робот был очень хорошим, старательным продавцом и потому не отставал от него.

— Не обижайте меня, пожалуйста,— продолжал он,— возьмите хотя бы вот этот цилиндр. Он пригодится вам, когда пойдёте в театр.

— Я бы предпочёл игрушки,— снова объяснил Марко.

Робот посмотрел на него с немym укором.

— Вторая дверь направо,— произнёс он дрожащим голосом и удалился вглубь магазина.

Когда Марко был уже в дверях, ему показалось, что оттуда донеслось тихое всхлипывание.

Магазин игрушек имел по крайней мере дюжину обращённых на улицу витрин (и все без стёкол, разумеется).

Марко остановился у одной из них, делая вид, будто рассматривает что-то, а на самом деле для того, чтобы немного успокоиться. Но тут же из магазина вышел робот, ласково взял его за руку и сказал:

— Войдите, пожалуйста. Посмотрите, какой у нас богатый выбор. На витрине уже почти ничего не осталось.

У Марко не хватило сил отказаться от такого настойчивого приглашения.

— Я бы хотел какую-нибудь недорогую игрушку,— сказал он.

— Это невозможно,— засмеялся робот.— В нашем магазине таких нет. У нас все игрушки только высшего качества и очень дорогие. Смотрите, магазин просто ломится от них. А видели бы вы, что творится в подземных складах.

— Но у меня,— признался наконец Марко,— нет денег!

— Вполне понятно!— воскликнул робот.— Ещё чего не хватало — денег! Вот уже полвека, как мы всё продаём бесплатно — полвека, уважаемый, мы не берём от наших покупателей ни одного сольдо. Извините, я отойду на минутку.

И он бегом бросился на улицу.

Какой-то прохожий, что стоял на движущемся тротуаре, протянул руку, чтобы ухватить большую заводную куклу, но не сумел это сделать. Робот взял куклу, догнал прохожего, вручил ему товар, поклонился и ещё рукой помахал:

— Спасибо! Спасибо! Приходите снова к нам! Мы всегда будем рады обслужить вас!

— Кто это? — спросил Марко.— Какая-нибудь важная персона?

— Я не знаю, кто это,— ответил робот.— Мне ясно только, что у него короткие руки.

— Я чего-то не понимаю — он хотел украсть куклу, а вы ему помогли! Если вы так заботитесь об интересах вашей фирмы... Робот расхохотался.

— Вы, наверное, приехали откуда-нибудь из деревни и потому не в курсе дела. Впрочем, нет — и в деревне у нас точно такие же магазины, как этот. А, я понял! Вы должно быть, тот яснианин, о котором сегодня вечером говорили по радио! Какая честь для меня, для всех нас, для нашего магазина! Дорогой, высокоуважаемый гость, вы не уйдёте отсюда, пока не опустошите все шкафы.

— Но повторяю вам — мне нечем заплатить.

— Заплатить?! Если все люди покупают бесплатно, почему вы, прилетевший из таких далёких краёв, хотите непременно заплатить? Ну, давайте, выбирайте, что вам угодно.

Марко оставался в нерешительности.

— Выберите же! Вот эта деревянная лошадка нравится вам?

— О нет, спасибо! С меня довольно деревянных лошадок! Если уж вы так просите, я купил бы вот эту электрическую железную дорогу... И эту кинокамеру... И ещё дайте мне...

Робот в восторге носился по магазину, хватал игрушки, которые называл Марко, и складывал их у его ног.

— Вот мой адрес,— сказал Марко, показывая листок бумаги.— Отправьте, пожалуйста, всё это к вечеру.

— Возьмите ещё что-нибудь! Прошу вас, на коленях умоляю. Возьмите это... и это... и это...

— Хорошо, я покупаю всё,— сказал Марко.— До свидания.

Робот вышел вместе с ним из магазина, помог ступить на движущийся тротуар и поцеловал ему обе руки.

— Вы осчастливили меня!— крикнул он вслед Марко.— Здесь люди покупают так редко.

ХОТИТЕ СТАТЬ ИМПЕРАТОРОМ?

Целый час, красный от возбуждения, Марко только и делал, что ходил по магазинам и покупал. Он был идеальным покупателем: просил, например, к великой радости продавцов прислать сразу шесть роялей. Он даже приобрёл автоматическую мойку для посуды и холодильник в подарок роботу-домохозяйке. Тем более, что всё это богатство не стоило ни сльдо. Марко понял, наконец, почему витрины были без стёкол даже в ювелирных магазинах и почему никто не останавливал человека, когда тот брал что-нибудь.

— А что, если,— спросил Марко робота, который продал ему (бесплатно) отличные часы,— что, если мне надо семь штук таких часов?

— Пожалуйста, берите! Хоть восемь!

— Допустим, я захочу забрать все часы в вашем магазине? Что тогда?

— Будьте любезны, берите все. Но зачем вам столько? Что вы будете делать с ними? Чтобы узнать время, достаточно одних часов. Под землёй, где находятся наши фабрики-автоматы, каждая машина может изготовить, если понадобится, миллион часов за одну-единственную минуту. Вы ведь не станете богаче, и никто не окажется по вашей вине беднее, даже если вы заполните свой дом часами от

пола до потолка и начнёте съедать по дюжине часов за завтраком. Кстати, хотите попробовать? — предложил робот.

Марко отказался, но потом всё-таки взял часы и откусил маленький кусочек цепочки.

— Очень вкусно! — признался он. — Совсем как земляника!

На тихих улочках, где было мало народу, Марко обнаружил магазины ещё интереснее. Маленькие, скромные лавочки вроде тех, каких ещё немало в старинных городах на Земле. Покупатели редко заглядывают сюда, видимо, зная, что тут обычно продается уж совсем лежалый товар.

Обо всём этом рассказал Марко робот, что встретил его в одной из таких лавочек с пышной завлекательной вывеской «Как в одну минуту стать королём».

— Почти никто не заходит сюда, синьор, — сказал робот, грустно качая головой, — разве что старичок какой-нибудь забредёт случайно. Или паренёк, приехавший из провинции.

— А чем вы, собственно, торгуете?

— Титулами, синьорино, титулами и званиями. Знатными, военными, почётными — всякими: с любой планеты и какого угодно столетия. Хотите стать сержантом, герцогом, архиепископом, адмиралом или, скажем, римским императором? Я предлагаю этот титул именно вам, потому что знаю — вы яснианин. Я видел вас по телевизору.

Робот порылся в шкафу и извлёк оттуда пергаментный свиток. Торопливо развернул и, заглянув в самый конец, огорчился.

— Я поспешил со своим предложением, — объяснил он, — титул римского императора был продан на прошлой неделе. Насколько припоминаю, его купил другой яснианин.

Марко чуть не упал от изумления.

— Как вы сказали?

— Ну, да, другой «землянин», если употребить ваше выражение. Он был, наверное, на год старше вас. И титул этот ему очень приглянулся. Он вышел с короной на голове и с мандатом, подтверждающим его права на ношение всех регалий. Если вас интересует, могу предложить титул короля обеих Сицилий. Если же вам больше по душе военные звания, то обратите внимание вот на это...

Говоря так, он показал Марко очень красивый, позолоченный знак отличия.

— Приобретя это, вы станете главнокомандующим и Сверхполковником Космического флота планеты Брикобрак. Правда, уже несколько тысячелетий, как планета не существует. Она раскололась точно орешек во время атомной войны. А может, вы предпочитаете диплом Главного Повара и Большой Кастрюли Герцогства Кулинарных Секретов? Или звание кавалера ордена Плохих и Хороших?

Но Марко уже не слушал его. Узнав, что по Планете Новогодних Ёлок бродит ещё один землянин, он пришёл в возбуждение. Найти, во что бы то ни стало найти его — и немедленно! Поговорить с ним...

Лишь бы поскорее избавиться от робота, который торговал титулами, он решил купить скромное звание капитана полиции. По крайней мере, может пригодиться на Земле...

«Вернусь в Рим,— решил Марко,— непременно заставлю стоять навтыяжку того самого полицейского, что не разрешает нам играть на площади и забирает у нас каждую неделю по мячу».

Звание капитана полиции, разумеется, не стоило ни сolds.

И Марко покинул эти печальные уголки, куда даже рассвет пробирался с трудом, будто не хотел прикоснуться к этой старой ветоши. Когда он дошёл до проспекта, который накануне получил имя Этельредуса Аррейфедуса Провалляйтуса, наступило утро, и солнце светило ярко и весело. Марко пристально глядывался в прохожих. Ведь среди сотен девчонок и мальчишек, которые ходили по улицам, одни или с родителями, шли пешком или ехали на деревянных лошадках, был ещё один землянин — незнакомый товарищ, тоже переживший, должно быть, немало приключений. Кто он, этот мальчик,— итальянец, русский, англичанин или египтянин?.. А может, он не один, может, есть и другие земляне? Сколько их? И какого возраста?

Продавец титулов говорил очень неопределённо. По его мнению, на планете гостило человек двенадцать «ясниан». Но где они, как их найти, он не знал. А справочная служба, есть у вас справочное бюро? Нет и никогда не было.

— Может быть,— посоветовал робот,— вам что-нибудь о них скажут во дворце Правительства-Которого-Нет. Но я забыл, где находится этот дворец. К тому же, говорят, там всегда пусто.

И всё же это была пусть тоненькая, как паутинка, но путеводная ниточка. Марко впервые услышал о правительстве, хотя его существование и подвергалось сомнению. С чего же начать поиски? В сущности, с чего угодно. Марко вошёл в «Магазин новинок», потому что название показалось ему хорошим предзнаменованием. В магазине продавались всякие невероятные вещи. К примеру, марки с клеем «на все вкусы» — с привкусом сливочного мороженого — для открыток, чёрной смородины — для простых писем, ананаса — для заказных. Марко почти ничего не приобрёл здесь, но зато не забыл набить карманы замечательными точилками. Действовали они совершенно необыкновенно — стоило покрутить в них какой-нибудь жалкий огрызок, как он сразу же превращался в новенький, остро заточенный карандаш. Такие точилки наверняка придутся по вкусу ребятам в Тестаччо.

Марко хотел ещё что-то попросить у продавца, как вдруг из громкоговорителя раздался взволнованный голос:

— Внимание! Внимание! Армада лающих собак-пересобак снова несётся к нашей планете. Немедленно заткните уши и оставайтесь в таком положении до конца тревоги!

Марко рассмеялся:

— Но если люди заткнут уши, как же они узнают, кончилась тревога или нет? Или, может быть, городские власти пошлют полицейских щекотать прохожих, чтобы они вынули вату из ушей?

— Скажите,— обратился к нему робот, краснея до самого последнего стального винтика,— а вы что, можете предложить что-нибудь другое?

ИЗОБРЕТЕНИЕ СУПЕРКОСТИ

Люди, которые с любопытством следили за этим разговором, даже забыли заткнуть уши. А издали уже доносился оглушительный лай приближавшихся чудовищ.

— Чёрт возьми,— продолжал Марко,— неужели вы не можете заставить замолчать этих животных? Это пересобаки? Так дайте им суперкости и увидите, что через десять минут они станут лизать вам руки.

В ответ он услышал громкие возгласы удивления.

— Суперкости! Он сказал — суперкости!

— Ну конечно! Как это мы не догадались!

И робот схватил Марко за руку:

— Пойдёмте, скорее пойдёмте к директору магазина!

— Но зачем?— удивился Марко.— Я ведь просто так сказал...

— Нет, нет, пожалуйста! Вы произнесли слово, которое мы давно уже ждали! Пойдёмте!

Услышав предложение Марко, генеральный директор тоже выразил полный восторг. Он тут же позвонил по телефону и отдал распоряжения.

— Алло!.. Подсекция № 45557? Отставить все работы. Как только получите рисунок суперкости, немедленно приступайте к изготовлению миллиона штук. Исключительно важное задание! Отложить все другие работы!

— Нарисуйте суперкости! — Марко протянули карандаш и бумагу.

Марко охотно признался бы, что умеет рисовать только человечков и исключительно на стенах домов. Но тем не менее принялся за дело, чтобы не ударить в грязь лицом и не посрамить честь своей старой планеты Ясной.

Он нарисовал, как мог, нечто такое, что лишь весьма условно походило на кость, которую бродячая собака из Тестаччо украла у мясника, и бесстрашно показал рисунок окружающим. Бывают случаи, когда уверенность сбивает всего остального. Изобретение суперкости и в самом деле было встречено аплодисментами и восторженными репликами.

«Как немного им надо, чтобы порадоваться»,— подумал Марко, который ни за что не понёс бы в школу такой рисунок. Но он оставил эти соображения при себе и последовал за людьми из магазина на большую площадь, где сотни роботов с необыкновенной быстротой уже монтировали специальную стартовую площадку, спроектированную и построенную за несколько секунд.

Ожидание было недолгим. Едва первые пересобаки появились в небе над городом, прорывая розовые тучи, из которых сыпались конфетти, как из подземных фабрик уже был доставлен первый экземпляр суперкости.

«Такой кости,— подумал Марко, восхитившись её размерами,— хватало бы, чтобы осчастливить всех собак в Риме, больше того — во всей Центральной Италии. И какая аппетитная! Сам бы погрыз с удовольствием!»

По правде говоря, по его рисунку было создано нечто чудовищное — кость, гигантская, как Колизей,— поистине суперкость!

Когда ракета с суперкостью, запущенная роботом-артиллеристом, взлетела ввысь и приблизилась к пересобакам, в их рядах произошло лёгкое замешательство, а затем все они набросились на неожиданную подачку и вцепились в неё зубами. При этом они перестали лаять, а только повизгивали от удовольствия.

ПАМЯТНИК МАРКО

— Грызите, грызите! — радостно кричал генеральный директор магазина. — Неплохой сюрприз, не так ли? Эту кость вам никогда не съесть, такая она большая. Её хватит на несколько поколений пересобак, вплоть до седьмого колена!

Из глубин космоса прибывали всё новые стаи хищников. А с планеты навстречу им запускали новые суперкости. И результат был налицо — лай сразу же прекращался. Некоторые пересобаки опускались на крыши домов, чтобы погрызть свои кости с большим удовольствием, другие садились в садах и парках, даже на тротуары, и дети могли безбоязненно таскать их за хвост, потому что пересобаки вовсе не замечали этого.

Несколько сотен костей оказалось достаточно, чтобы заставить замолчать десять тысяч пересобак. А стоило запустить суперкости немного подальше, как пересобаки, погнавшись за ними, совсем

покинули город. Похрустывая обрётённым на Планете Новогодних Ёлок сокровищем, облизываясь и виляя хвостом, они безмолвно улетели туда, откуда явились. Можно было подумать, что они совершенно разучились лаять.

Марко был осыпан похвалами и почестями.

— Памятник! Памятник ему поставить!— закричали в толпе какие-то энтузиасты.

— В Зимний Сад! Скорее в Зимний Сад! Воздадим должное победителю!

Марко предпочёл бы остаться в стороне, но кругом так радовались и ликовали, что никто и слушать его не стал. Он философски отнёсся к своей славе и на руках восхищённых жителей Планеты Новогодних Ёлок, то есть по воздуху, преодолел путь в несколько кварталов, пока не оказался у какой-то виллы, окружённой высокой оградой. Над входом висела большая надпись: «Зимний Сад».

На всей планете, как мы уже говорили, царил вечная весна. Специальные машины (мы не станем их описывать, тем более их не доведётся увидеть и Марко, так как они работали под землёй или на далёких космических станциях) управляли климатом, ветрами, воздушными течениями и другими атмосферными явлениями в соответствии с искусственным календарём, в который природа не имела права совать свой нос.

Спору нет, весна самое прекрасное время года. Но и у зимы есть свои прелести, и не стоило бы от них отказываться. А лето, когда можно до черноты загореть и сколько угодно купаться в море, — разве это плохо? Кроме того, есть ведь и такие люди, спокойные и уравновешенные, любители предаваться воспоминаниям и размышлениям, которым больше всего по душе осень. Для этих людей на некоторой части Планеты Новогодних Ёлок неизменно сохранялась осенняя погода. На морских пляжах, разумеется, постоянно поддерживалась типично летняя температура воды и воздуха и не допускалось никаких гроз, дождей, пасмурностей. А в самом центре города был построен Зимний Сад, где ежедневно в течение всего года выпадал снег и заливались катки для катания на коньках, а на деревьях, то есть на обычных для всей планеты новогодних ёлках, росли настоящие сосульки.

У входа в Зимний Сад в большом крытом вестибюле находился вместительный гардероб. Здесь посетители могли переодеться в зимнюю одежду, взяв понравившееся им пальто или шубу, сапоги или валенки, шарфы, шапки и варежки. Всё это предоставляла им дирекция Сада. А уходя отсюда, никто, разумеется, не забывал переодеться в лёгкие, весенние пижамы.

Закутанный в тёплую белую шубу, обутый в меховые сапоги, Марко поднялся вместе с окружавшей его толпой на вершину холма, откуда с весёлым смехом катились на санках сотни ребятшек.

Несколько человек тут же принялись сгребать снег, скатывать его в большие шары и в несколько минут сделали из снега скульптурное изображение Марко. В высоко поднятой руке он держал суперкость, а ногой попирал лежащую перед ним пересобаку. На постаменте памятника какая-то синьора красиво написала губной помадой:

«Марко, яснианцу, победителю пересобак, изобретателю суперкости».

Неизвестно откуда взявшийся оркестр исполнил торжественный гимн. А затем толпа под общие аплодисменты поставила Марко на пьедестал рядом со снежным памятником и, оживлённо обсуждая событие, постепенно разошлась.

— Вот это да! — удивился Марко про себя. — И весь праздник?!

Осмотревшись, он обнаружил, что памятник его находился в совсем неплохой компании. Рядом с ним в этом странном Пантеоне на открытом воздухе стояло ещё штук десять таких же молчаливых и недвижимых снежных статуй. Некоторые уже начали подтаивать — там не хватало ноги, тут уже нельзя было прочесть надпись. А у одной скульптуры даже голова отвалилась — лежала у подножья, и никто даже не подумал поставить её на место.

Марко хотел было уже предаться грустным размышлениям о тленности мирской славы, как вдруг кто-то весело окликнул его и он увидел бежавшего к нему Маркуса.

— Как поживаешь? — спросил он, подхватив с земли немного снега и делая из него снежок. — Я вижу, ты без меня не теряешься. Даже памятник себе сумел заслужить!

И, говоря так, Маркус запустил снежок прямо в нос снежному Марко.

— Ну вот, в меня! Не мог, что ли, в кого-нибудь другого бросить?

— А всё равно это сделают мальчишки. Пусть уж лучше первый удар будет нанесён другом.

Марко спустился с пьедестала.

— Объясни мне, — сказал он, — почему они оставили меня?

— Дела, — ответил Маркус, пожимая плечами. И словно торопясь сменить тему разговора, добавил: — Знаешь, а мне ещё ни разу не удалось сделать что-нибудь такое, за что ставят памятник.

— У нас памятники ставят только мёртвым, — ответил Марко. — И никогда не делают их из снега, а только из мрамора или из бронзы... И ставят на площадях, на улицах, в садах и парках.

— Представляю, как же там должно быть тесно, — засмеялся Маркус. — По-моему, наши снежные памятники лучше — стоят недолго и другим место освобождают. И потом, что проку мёртвому от вашего памятника? Когда его ставят живому человеку, ему, по крайней мере, приятно, даже если он стоит и недолго.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

День прошёл очень быстро — сначала побывали в кафе, потом в зоопарке, хотя на «земной» зоосаде он, конечно, нисколько не походил. Львы и тигры спокойно разгуливали здесь среди посетителей, а крокодилы, что плавали в прозрачной воде озера, мирно играли с лебедями и ребятишками. Клеток нигде и в помине не было.

Марко несколько раз пытался узнать у своего товарища, куда тот исчез ночью, но так и не сумел добиться от него вразумительного ответа. Он спросил его также о других яснианцах, которые вроде бы гостили в это время на Планете Новогодних Ёлок, но Маркус не захотел распространяться и на эту тему. Настроение у Марко совершенно испортилось, и он становился всё мрачнее и мрачнее. Уж очень трудно было жить в полном неведении. И тогда он решил во что бы то ни стало узнать, что же за всем этим кроется.

«Этой ночью,— сказал он себе,— я не сомкну глаз!»

Когда после ужина они с Маркусом вернулись в домик на улице Ясной, он едва удостоил взглядом гору коробок, которые были доставлены сюда из разных магазинов, где он утром делал покупки, и не стал слушать болтовню робота, который следил по телевизору за всеми событиями, связанными с его победой над пересобаками. Он сказал, что хочет спать, поднялся в свою комнату, переоделся в тёплую пижаму, улёгся в постель и погасил свет.

Дверь в соседнюю комнату он оставил приоткрытой и стал наблюдать в щёлочку за Маркусом. Тот тоже лёг в постель и раскрыл книгу. Скоро, однако, он зевнул и протянул руку к выключателю. В темноте было слышно, как он пару раз повернулся в кровати. Тогда Марко встал и тихонечко подошёл к двери, решив караулить спящего Маркуса. Он уселся на пол в твёрдом намерении, что второй раз ни за что не позволит обмануть себя.

Лёгкий скрип двери заставил его вздрогнуть. Он протёр усталые глаза — видимо, он всё-таки уснул, но как долго он спал? Дыхания Маркуса не было слышно.

Марко вбежал в соседнюю комнату и включил свет. Кровать была пуста. Он тут же бросился вниз по лестнице и, выбежав на улицу, увидел, что Маркус удаляется на движущемся тротуаре.

«На этот раз ты не скроешься от меня!» — решил Марко и вбежал на движущийся тротуар.

ДВОРЕЦ ПРАВИТЕЛЬСТВА-КОТОРОГО-НЕТ

Преследуя Маркуса, Марко оказался в незнакомой, должно быть, в старой части города. Витрин здесь было совсем мало. Они яркими окнами вспыхивали в тёмных каменных стенах старинных домов. Над крышами там и тут возвышались какие-то мрачные башни.

Да и новогодних ёлок было гораздо меньше. Даже весенний воздух казался каким-то неуместным в этом переплёте узких улочек и тихих переулков. Стены домов были покрыты влагой, но на вкус капелька, упавшая с крыши прямо в рот Марко, была похожа на варенье из лепестков розы. Немного, правда, отдавала плесенью.

Чтобы Маркус не заметил его, Марко шёл прижимаясь к стенам домов. Но Маркус даже ни разу не обернулся — или не подозревал, что его преследуют, или это его не волновало. Наконец, он вошёл в какой-то тёмный подъезд. И Марко поспешил туда же.

«Дворец Правительства», — прочитал он на мраморной, обветшавшей от времени доске, висевшей у входа. А внизу кто-то приписал куском угля «Которого-Нет».

Поблизости не было никаких часовых, не было даже швейцара у дверей. В полутёмном вестибюле Марко увидел широкую лестницу и услышал — единственный признак жизни — быстрые шаги удаляющегося Маркуса.

Марко с сильно бьющимся сердцем тоже бросился вверх по лестнице, как вдруг натолкнулся на человека, лежавшего на ступеньках.

— Осторожнее, чёрт возьми! — услышал он сердитый голос.

— Извините, — пробормотал Марко, — извините, пожалуйста!

— Ну ладно, чего уж там, — ответил подобревший голос, — давай лучше на «ты».

— Но мы с вами не знакомы...

— Если дело только за этим, могу представиться. Глава правительства. А теперь знаешь, что я тебе скажу? Что я пошёл домой.

Марко не знал, что и думать об этом странном человеке. В полутьме трудно было даже рассмотреть, молод он или стар.

— Я думал пойти на заседание, — продолжал человек, — когда мне пришла в голову одна великолепная математическая задача. И тогда я присел тут, чтобы решить её. Здесь так спокойно! Мне совсем расхотелось идти на заседание. Конечно, неловко перед товарищами, но им придётся выбрать другого главу правительства. А я могу считать себя освобождённым от этих обязанностей по математическим причинам.

И, посмеиваясь, он поднялся, отряхнул пиджаму, ласково потрепал Марко по щеке и стал спускаться вниз по лестнице.

— Извините, — заговорил Марко, набравшись мужества, — если вы глава правительства, то наверное в курсе дела, которое касается меня. Я из Рима, с Земли, извините, пожалуйста, с планеты Ясная. Я хотел бы знать...

— А, припоминаю. Твой вопрос действительно стоял на повестке дня. Но ты не беспокойся — решится и твоя задача. А у меня — моя. Наберись терпения. Великая, великая вещь — математика!

И он снова направился к двери.

ПРЕЗИДЕНТ МАРКУС

Марко ничего не оставалось, как продолжить преследование своего друга. Поднявшись по лестнице, он увидел целую анфиладу освещённых зал, стены которых были увешаны огромными картинами. То ли музей, то ли королевская резиденция. В залах были двери, которые, очевидно, тоже куда-то вели. Марко стал осторожно открывать одну за другой.

Приоткрыв третью дверь, он тут же отпрянул назад. Он увидел за дверью белый зал, посередине которого стоял подковообразный стол, а за ним человек десять каких-то людей, и среди них восседал Маркус и говорил что-то. Марко оставил дверь приоткрытой и решил послушать, о чём идёт речь.

— Мы не можем отложить заседание,— убеждённо говорил Маркус.— Раз глава правительства не пришёл, назначим другого.

— Но это будет уже пятый за месяц!— весело перебил его чей-то низкий бас.

— Так же нельзя. Желающих добровольно взять на себя обязанность править страной становится всё меньше и меньше. Возьмите, например, должность министра финансов. Вот уже два месяца, как мы тщетно ищем человека на эту должность. Все утверждают, что заняты, а потом вы видите, что они играют в шахматы с роботами, изобретают машины или даже разносят стены во дворце «Ломай, что угодно».

— Но ведь мы не случайно называемся, как говорит народ, Правительством-Которого-Нет,— сказал другой голос.— Правительство и в самом деле никому не нужно, если все дела идут сами собой.

— И все же есть вещи, которые требуют решения,— настаивал Маркус.

— Люди научились всё решать сами и делают это самым великолепным образом.

— Согласен,— продолжал Маркус,— но мы же не можем решать на площади вопрос о яснианцах.

— А почему нет? Больше того, почему бы тебе самому не решить его?— сказал Весёлый Голос.— А мы пойдём по своим делам. И кроме того, раз уж так дело пошло, почему бы тебе не возглавить правительство? Ты молод, полон фантазии и несомненно придумаешь замечательные вещи.

Все сидевшие за столом зааплодировали.

— Единодушно одобряем,— раздались голоса.

— Но я...

— Никаких «но». Ты избран, так что за дело!

— Хорошо,— твёрдо сказал Маркус.— Я согласен. Но при одном условии: сегодня же вечером будет обсуждён вопрос о Марко.

Я потратил всю прошлую ночь и половину сегодняшнего дня, пытаюсь организовать заседание правительства, и раз уж вы тут собрались наконец, давайте обсудим. Тем более, что и время поджимает. Так или иначе, вопрос должен быть решён до рассвета.

— Почему такая спешка?

5 «А»

— Потому что Марко покинул планету Ясная, если считать по яснианскому календарю, вечером 23 октября. Через несколько часов там наступит 24 октября и, если мы не позволим ему сразу же вернуться, исчезновение мальчика будет обнаружено.

Услышав это, Марко похолодел. В зале заседаний стало тихо. Потом кто-то предложил Маркусу сделать свой доклад.

— Синьоры,— начал Маркус,— вы знаете, что ясниане в последнее время сделали большие успехи в освоении космического пространства. Можно, следовательно, предположить, что в ближайшие десятилетия, путешествуя в космосе, они высадятся и на нашей планете. Какие у них будут намерения? Предстанут ли они перед нами как друзья, готовые завязать узы дружбы, уважать нашу независимость и свободу, или как лаюющие пересобаки, космические захватчики, готовые подавить нас и завладеть всем, что мы создали для нашего благополучия? Вы знаете лучше меня, что когда этот вопрос обсуждался в правительстве — а я в это время был ещё в пелёнках — в какой-то мере из-за лени, в какой-то мере из-за легкомыслия не было принято никаких мер предосторожности. Мы могли бы послать на Землю нашего представителя, но не послали. Мы могли бы установить контакты с правительствами разных стран, но наше Правительство-Которого-Нет побоялось, что их там слишком много. К счастью, за дело взялись мы.

— Кто это «мы»?— спросил чей-то сонный голос.

— Вы стали министром только вчера вечером и поэтому ничего не знаете. Мы — это ребята из школы № 2345, из 5 «а» класса. Никому ничего не говоря, мы разработали и осуществили свой план. И тогда Правительство-Которого-Нет вдруг появилось и решило взять вожжи в свои руки. Вы этого захотели? Так держите теперь эти вожжи.

— Какие вожжи? Какое дело? Объясните мне это наконец,— снова прозвучал Сонный Голос.

— Ну, что касается дела,— вмешался Весёлый Голос,— то идея была неплохая. Наши отважные школьники рассудили так: ясниане придут сюда примерно лет через двадцать. Значит, те из них, кто станет к тому времени учёным, космонавтом, астрономом, физиком, генералом, членом правительства и так далее, сегодня ещё только учится в школе. Выходит, с ними и надо устанавливать контакты.

Не с правительствами, которые меняются, а с учениками 5 «а» класса в Токио, 5 «а» класса в Тестаччо, в Риме, 5 «а» в Гавирате и так далее, и так далее. Они, черти, отлично знают яснианскую географию! И поскольку мы были в прошлом достаточно наивны, оснастив наши школы космическими лабораториями, первоклассными электронными роботами и тому подобными вещами, наши ребяташки начали изготавливать космические лошадки-качалки, во всём похожие на игрушечных лошадок из папье-маше, которые на Земле так любят дарить под Новый год.

(«Не так уж чтобы очень...» — пробормотал про себя Марко, как истинно римский ворчун, хотя на самом деле слушал всё затаив дыхание, как слушают в детстве самую прекрасную сказку.)

ТРОЯНСКИЕ ЛОШАДКИ-КАЧАЛКИ

— Эти лошадки, — продолжал Весёлый Голос, — были потом с помощью специальных межпланетных ракет переправлены в магазины на планету Ясная. Ребята, в руки которых попадает такой подарок, рано или поздно смогут перенестись на нашу планету и станут здесь, как мы надеемся, нашими друзьями. Когда их космическое воспитание будет завершено, мы будем возвращать их на Землю. Наши мальчишки из 5 «а» намерены таким образом заложить основы мирного сосуществования в космическом мироздании. Они клянутся, что через двадцать лет их система даст свои результаты. Через двадцать лет мы снова встретим здесь наших сегодняшних гостей, уже подготовленных к тому, что их тут ожидает. Они уже будут уметь пользоваться нашими движущимися тротуарами, есть наши четвероштексы и бесплатно покупать в наших магазинах. И, что самое главное, приедут сюда друзьями. По крайней мере, на это можно надеяться.

— И этот план межпланетного воспитания был осуществлён на самом деле? — спросил Сонный Голос.

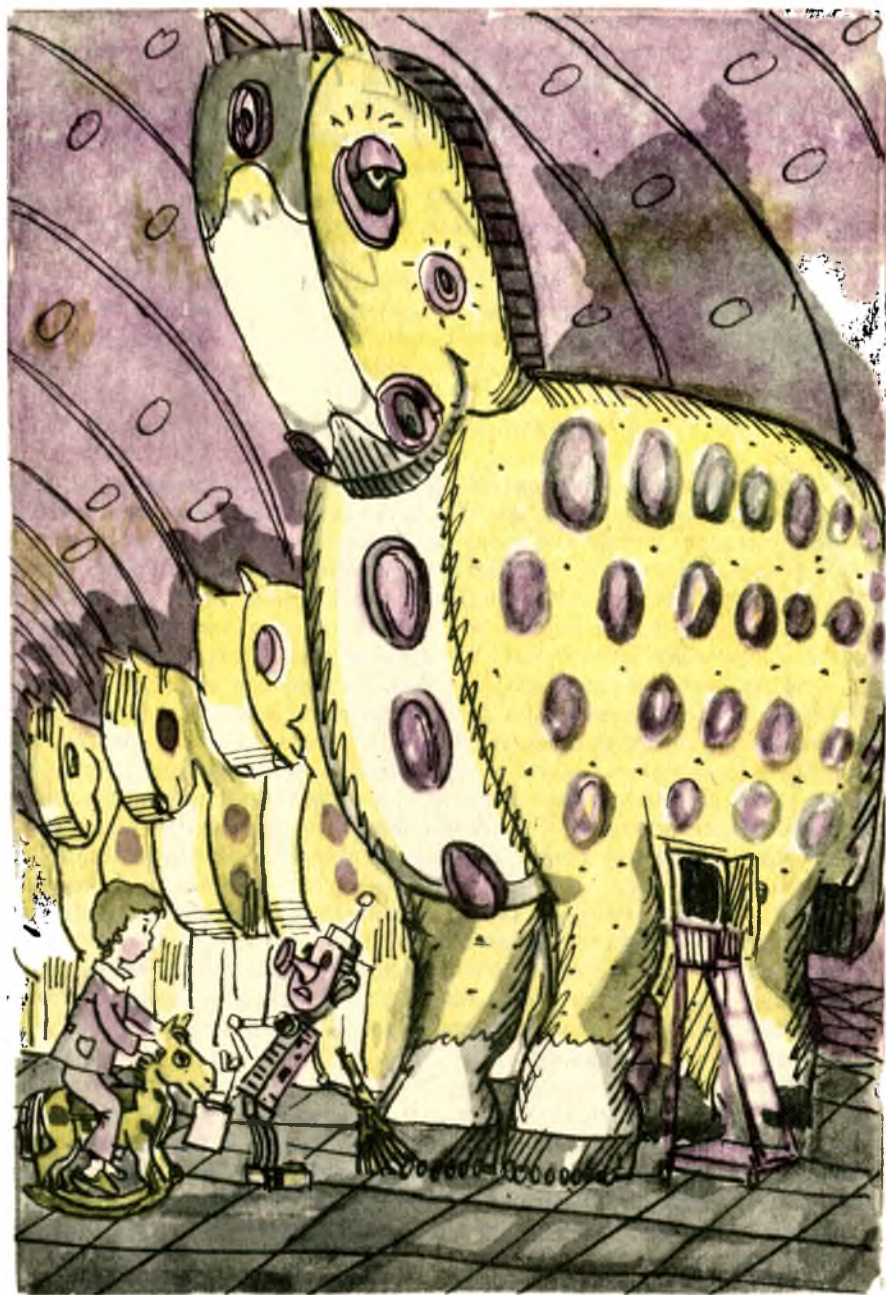
— Похоже, — ответил Весёлый Голос. — Время от времени к нам прибывает какой-нибудь яснианин. Наши мальчишки берут над ними шефство, возят туда-сюда, словом, воспитывают...

— А потом отпускают?

— Ну да.

— Минутку, — вмешался Маркус. Он выглядел сейчас очень серьёзным и важным. — Мы отпускаем их только в том случае, если уверены, что они стали нашими друзьями. Иначе мы оставляем их тут. Но этого, по правде говоря, ещё не было ни разу. А знаете, сколько яснианцев прибывает каждый месяц на нашу планету? По крайней мере, сто тысяч.

— Таким образом, вы невольно способствовали невероятному рос-

ту торговли деревянными лошадками на планете Ясная,— заметил Весёлый Голос.— А там, как известно, за них всё ещё надо платить деньги.

— Теперь вопрос в том,— продолжал Маркус,— отправлять ли яснианина Марко обратно или оставить его здесь в качестве заложника. Я не хочу один решать такой важный вопрос.

— Но ты во всяком случае,— сказал кто-то,— знаешь его лучше нас. Испытание пересобакими он выдержал блестяще.

— Испытание чем?— спросил Сонный Голос.— Уже второй раз я слышу тут про каких-то пересобак.

— Что ж, вам можно лишь позавидовать, если вы слышите только разговоры о них, а не их самих,— заметил Весёлый Голос.— Мы подвергли нашего маленького гостя небольшому испытанию, чтобы узнать, способен ли он забыть слово «убивать».

— Извините, не понял.

— Вполне естественно, что не поняли. «Убивать»,— это одно из тех старых слов, которые мы отправляем во Дворец Забвения после того, как вычеркиваем из словарей. Там находятся «убивать», «ненавидеть», «воевать» и другие подобные слова, я их тоже все не помню. Мы инсценировали для нашего гостя нашествие пересобак, и он реагировал весьма положительно.

— Это уж двухсотый яснианин, который изобретает суперкости...— заметил кто-то из министров.

(Марко залился краской. Но как ни хотел рассердиться, так и не смог. А потом и сам понял, что покраснел не от стыда, а от радости, что выдержал испытание, которому был втайне подвергнут.)

БЕГИ, МАРКО!

— Этот мальчик очень неплохой человек,— продолжал Маркус,— хотя и пытается скрыть свои истинные чувства под маской иронии. Он способен острить даже на кладбище. Но это, как нам объясняли в школе, типичная черта всех римлян. Очевидно, им нравится прятать своё подлинное лицо за неприглядным обликом. Чтобы понять их, нужно судить не по внешним проявлениям характера, а заглядывая в сердце.

(Марко снова покраснел. Ему показалось, что он никогда, как сейчас, не любил свой старый Рим, своё Тестаччо и своих ворчливых сограждан. И он готов был обнять Маркуса. Но тут в голове его появились, словно тучи на небе, совсем другие мысли...)

— И всё же,— сказал Маркус,— я не могу решать сам, понял ли он всё значение этого путешествия? Может быть, лучше было бы, чтоб он подрос и прилетел к нам года через два...

(«Нет, вы только послушайте его!— рассердился Марко.—

Маркус дружески улыбался и протягивал Марко руку.

— Счастливого пути!— сказал он.— Вернёшься домой ещё до рассвета, и никто ничего не узнает! Как видишь, решение было принято положительное.

Марко почувствовал, что сердце у него от радости готово вылететь из груди. Вот только бы не расплакаться! Но слёзы уже текли по его щекам, и он с волнением обнял Маркуса, расцеловал его. И Маркус тоже был очень взволнован и всё пожимал ему руку.

— Ну как, доволен? Понравился наш сюрприз? И музыка понравилась?— спросил он. И, обращаясь к членам Правительства-Которого-Нет, добавил:

— Как видите, испытание прошло прекрасно!

— А где, собственно, доказательства?— спросил какой-то высокомерный человек в халате.

— Да ведь он плачет, вы же видите! И сам не знает, отчего. Он думает — от радости, что вернётся домой. А на самом деле оттого, что сейчас, покидая нас, понял, что любит нас и восхищается нами. Он понял, что многое узнал здесь, многому научился. И теперь у нас во Вселенной на одного друга больше! Неужели не стоило потрудиться ради этого? А решение отпустить его домой самое правильное и полезное.

Говоря так, Маркус выкатил деревянную лошадку из ангара на взлётную полосу космического аэродрома, взял её под уздцы и в последний раз пожал руку маленькому «яснианину». Марко хотел было уже сесть на свою лошадку, но передумал и побежал к краю взлётной полосы, где росла большая новогодняя ёлка. Он оторвал от неё небольшую веточку с ёлочными игрушками и прижал к груди.

— Можно, я возьму это с собой? Я посажу ветку у себя на балконе, в Тестаччо. Или нет, лучше на площади! И когда ёлка вырастет, возьму отростки и посажу на других площадях. И тогда на Земле тоже будут расти новогодние ёлки...

— Надо посмотреть,— улыбнулся один из министров,— приживутся ли там наши деревья.

Маркус тоже был очень взволнован. Он, наверное, впервые понял, что яснианин может любить свою старую планету так же крепко, как он любит свою.

— Мы переименуем нашу Землю,— воскликнул Марко, садясь на лошадку. Она тоже станет Планетой Новогодних Ёлок, вот увидите!

ПЫЛЬ, КОТОРАЯ ПАХНЕТ ЛАНДЫШЕМ

Он проснулся оттого, что мама ласково и весело будила его:

— Ну, соня, вставай! День рождения был вчера. Сегодня уже завтра. В школу пора...

— Какой сегодня день?— спросил Марко, садясь в кровати.

— А какой должен быть день? Вчера было 23, значит, сегодня 24 октября. Вчера был твой день рождения, ты что, забыл?

И она указала ему на деревянную лошадку-качалку, подарок дедушки, которая тоскливо уставилась в окно. Марко вскочил с кровати и с волнением стал осматривать её. Под правым ухом он увидел маленькую дырочку, словно пробитую пулей. Это был след от метеорита, который ударил лошадку где-то в районе Сатурна уже на обратном пути, когда они возвращались на Землю.

Марко бросился к кровати, схватил свой тапочек и начал нюхать его.

— Что с тобой? Ты сошёл с ума? — испугалась мама.

Марко почувствовал, как огромная тяжесть свалилась с его души: пыль на тапочке пахла ландышами — эта пыль была оттуда! Это замечательное доказательство, что он действительно был там, что всё это ему не приснилось.

А ветка? Где ветка, которую он сорвал с новогодней ёлки в космическом аэропорту? Но сколько он ни искал, так и не смог найти её. Наверное, унесло ветром в космическом пространстве, когда деревянная лошадка в несколько минут преодолевала миллионы километров, чтобы вернуться на Землю до рассвета.

Жаль! Теперь гораздо труднее будет превратить Землю в Планету Новогодних Ёлок и сделать её такой же прекрасной, как та планета, что существует где-то очень далеко, среди самых далёких созвездий Вселенной. Труднее, но всё-таки возможно.

— За работу! — воскликнул Марко и стал снимать пижаму. В кармане её он нашёл мятные конфетти.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЖЕЛЬСОМИНО В СТРАНЕ ЛГУНОВ <i>Перевод И. Константиновой и Ю. Ильина . . . . .</i>	5
СКАЗКИ ПО ТЕЛЕФОНУ <i>Перевод И. Константиновой . .</i>	95
ПЛАНЕТА НОВОГОДНИХ ЕЛОК <i>Перевод И. Константиновой . .</i>	171

Джанни Родари СКАЗКИ ПО ТЕЛЕФОНУ

Для младшего школьного возраста

Переводчики
Ирина Георгиевна Константинова
и Юрий Николаевич Ильин

Редактор Э. Г. Растатурина
Художественный редактор Р. С. Киселева
Технический редактор В. В. Буракова
Корректор Л. Т. Дмитриева

ИБ № 1132

Сдано в набор 20.07.83. Подписано в печать 26.12.83. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,02. Усл. кр.-отт. 37,67. Уч.-изд. л. 14,85. Доп. тир. 100 000 экз. Заказ 2507. Изд. № 143. Цена 1 руб. 20 коп. Издательство «Карелия». 185610, Петрозаводск, пл. Ленина, 1. Республиканская ордена «Знак Почёта» типография им. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630, Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Родари Джанни

Р60 Сказки по телефону.— Петрозаводск: Карелия, 1984.—
224 с.

В сборник вошли повести и сказки известного итальянского писателя Джанни Родари. «Джельсомино в Стране Лгунов» и «Сказки по телефону» пользуются заслуженной популярностью детского читателя во всём мире. Фантастическая повесть-сказка «Планета Новогодних Елок» издаётся в переводе на русский язык впервые. В забавный сюжет повести вплетаются высокие моральные и гражданственные понятия.

Р 4803020000—005 70—84
M127(03)—84

84.34